

ГАЛЕРЕЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ТИПАЖЕЙ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный профессионально-педагогический университет»

ГАЛЕРЕЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ТИПАЖЕЙ

Монография

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научно-исследовательского проекта
№ 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»*

Екатеринбург
Издательский дом «Ажур»
2018

УДК 81'37
ББК 81.2стд1-3
Л147

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
в рамках научно-исследовательского проекта
№ 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *М. Л. Ковинова*
(Институт языкознания РАН)
д-р филол. наук, проф. *С. М. Белякова*
(ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»)
д-р филол. наук, проф. *Л. Н. Ребрина*
(ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»);

Леонтьева Т. В.

Л147 Галерея лингвистических портретов социальных типажей : монография / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина, М. А. Еремина ; отв. ред. Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 336 с.

ISBN 978-5-91256-418-5

В монографии представлены наблюдения над русскими обозначениями социальных характеристик человека. Содержание книги составляют исследовательские очерки, посвященные нескольким группам номинаций, характеризующих человека в его социальных ролях и статусах, а именно называющих взрослого человека, опытного, отвергнутого обществом, лентяя, интеллигентного человека и др. Авторы оперируют термином *социальная лексика*, понимая под ней номинации из предметно-тематической сферы «Социум». Приводится обширный лексический материал, выполнен анализ слов и выражений.

Книга адресована языковедам, специалистам в области лексической семантики, этнолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, а также может быть интересна тем пытливым читателям, кто недоумевает, задумавшись над выражениями *собаку съест, голь да перетыка, знать свиные полдни*, пытается понять разницу между *изгоем* и *отщепенцем*, осмыслить уникальный классовый феномен «интеллигент» и кому интересно узнать, что *остались в деревне только дым да угар, кривой да жёлтый*.

УДК 81'37
ББК 81.2стд1-3

ISBN 978-5-91256-418-5

© Леонтьева Т. В., 2018
© Щетинина А. В., 2018
© Еремина М. А., 2018
© Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2018
© Издательский дом «Ажур», 2018

Оглавление

Предисловие	5
1. Лингвистические штрихи к социальным свойствам личности как атрибутам психофизических параметров (Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина)	9
1.1. Взрослый человек (Т. В. Леонтьева)	10
1.2. Дородный человек (А. В. Щетинина)	36
1.3. <i>Бритоголовый молодчик</i> : прагматические и эстетические оценки человека, лишенного волос (А. В. Щетинина)	60
2. Языковой образ опытного человека (Т. В. Леонтьева)	72
2.1. Русская лексика опыта: регулярные семантические модели (Т. В. Леонтьева)	73
2.2. Мотивы передвижения в русской лексике опыта (Т. В. Леонтьева)	82
2.3. Еда как метафора приобретения опыта (Т. В. Леонтьева)	93
2.4. <i>Собаку съест. Беса съест</i> (Т. В. Леонтьева)	98
2.5. <i>Знать свиные полдни</i> (Т. В. Леонтьева)	116
3. Лексика ресурсных общественных оценок человека (М. А. Еремина, Т. В. Леонтьева)	125
3.1. Синонимический ряд <i>изгой, отверженный, пария, отщепенец</i> (М. А. Еремина)	126
3.2. Социальная периферия русской деревни (Т. В. Леонтьева)	149
3.3. Языковые образы надежного и ненадежного человека (Т. В. Леонтьева)	161
3.4. <i>Благонадежный vs. неблагонадежный</i> : от контекстной семантики к дефинициям (Т. В. Леонтьева)	184
4. Лингвокультурное представление о человеке в трудовых отношениях (М. А. Еремина)	203
4.1. Передовой труженик vs. асоциальный туеядец (М. А. Еремина)	204
4.2. Социальная роль компетентного человека в зеркале языка: <i>специалист, эксперт, знаток, профессионал</i> (М. А. Еремина)	214

5. Социальный типаж интеллигента в русской лингвокультуре	
(А. В. Щетинина)	232
5.1. Семантика лексемы <i>интеллигент</i> в литературных толковых словарях (А. В. Щетинина)	236
5.2. Лексемы и идиоматические выражения, значения которых включают семы ‘интеллигент’, ‘интеллигентный’, в литературных словарях (А. В. Щетинина)	251
5.3. Семантика лексемы <i>интеллигент</i> в словарях жаргона (А. В. Щетинина)	268
5.4. Лексемы со значением ‘интеллигент’ в жаргонных словарях (А. В. Щетинина)	271
5.5. Интеллигентный человек в диалектных словарях (А. В. Щетинина)	279
5.6. Образ интеллигента в литературно-художественном и публицистическом дискурсах (А. В. Щетинина)	285
Источники и принятые сокращения	319
Список литературы	327

Предисловие

На сегодняшний день необходимость обновления словарных данных очевидна, поскольку стремительно меняется та действительность, которая нас окружает, и носители русского языка адаптируют инструменты выражения мысли сообразно трансформациям среды. Особенно быстро накапливаются изменения в человеческом общежитии.

На наш взгляд, именно пласт социальной лексики оказывается на данный момент описанным неполно в смысле отражения новых реалий, новых значений и смыслов, поскольку социальная действительность существенно изменилась, многократно интенсифицировались процессы обмена информацией между людьми, возникли новые формы и виды коммуникации. В этих обстоятельствах лексика, описывающая социум и отношения в нем, называющая коммуникативные действия и феномены, еще требует выявления и обстоятельного лексикографирования.

Так, например, ряд исследователей доказывают необходимость и описывают способы лексикографирования номинаций с прагматическим компонентом в структуре значения [Басалаева, 2016; Булыгина и др., 2017; Лаппо, 2015; Саженин, 2015 и др.], а в составе прагматического компонента выделяют как одну из составляющих социальный микрокомпонент [Булыгина и др., 2017, с. 6] или социально-статусный, а также идеологический [Басалаева, 2016, с. 114]. Учет подобных единиц ценен тем, что они образуют фонд номинаций, соотносимый с социальной

действительностью, служат яркими иллюстрациями к описанным на сегодняшний день моделям семантической деривации, а также представляют собой интересный материал для осмысления способов концептуализации действительности.

В этой книге представлен опыт описания нескольких обобщенных социальных портретов на основе языковых данных, прежде всего лексических, с привлечением возможностей анализа контекстной семантики.

Исследование функционирования слов, уточнение объема обозначаемых понятий проводятся традиционными для семантики приемами. Семасиологический анализ позволил проанализировать структуру значения избранных лексем, ономаσιологический подход применялся к языковым фактам для выяснения мотивов и осмысления образов, избранных номинатором. Если внутренняя форма слова неясна, использовались этимологические сведения и методы. Большое внимание уделяется выявлению коннотативных смыслов, поскольку именно в этой зоне значения слова зарождаются изменения, начинают «мерцать» и закрепляться новые смыслы. В понимании коннотации мы опираемся на работы В. Н. Телии, понимавшей под *коннотацией* «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т. п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с регионально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельно-

сти, социальные отношения между участниками речи, ее формы и т. п.» [Телия, 1996, с. 107].

Выбранные для анализа лингвистическими методами социальные типы мы разделили на группы и расположили в порядке усиления в соответствующих номинациях социального компонента, который способен различно распределяться в структуре лексического значения и быть в нем явленным в большей или меньшей степени. Логика представления типажей основывается на движении от освещения номинаций, в которых социальный компонент не образует ядро значения, но сопровождает центральные «несоциальные» семы, к словам, социальное звучание которых несомненно.

В первую очередь уделим внимание физическим параметрическим характеристикам, имеющим социальный «привкус». Первым станет языковой образ «взрослый человек», в основе которого лежит идея динамики нарастания социальности и преобразования физических характеристик в социальное качество. Затем обратимся к языковым образам «дородной человек» и «бритоголовый», основанным на соотношении внешних параметрических характеристик человека с его социальностью.

Далее представим типаж «опытный человек», поскольку опыт, который в целом представляет собой личный багаж человека, приобретает преимущественно во взаимодействии с другими людьми.

Затем освещаются репутационные характеристики человека, поскольку мнение окружающих о человеке оказывает влияние на выстраивание взаимодействий с ним. Оценки, которые становятся известны микросоциуму, в котором вращается человек, предопределяют степень социального доверия ему, то есть обладание социальным ресурсом. При этом социальные оценки, от которых зависит дальнейшее выстраивание отношений между

людьми, можно разделить на оценки неинституциональной сферы: «пария, изгой», «сброд», «надежный и ненадежный человек», — и преимущественно институциональной сферы: «благонадежный и неблагонадежный человек».

Далее следуют ролевые типажи, выделенные на основании функции, выполняемой человеком в профессиональном социуме, поскольку род занятий чаще всего социален либо с точки зрения совместности действий, либо с позиций оценки деятельности человека обществом: «компетентный человек», «трудолюбивый и тунеядец».

Наконец, объектом анализа становится языковой образ интеллигента, как представителя социального слоя с уникальными характеристиками.

1

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ ЛИЧНОСТИ КАК АТТРИБУТИВАМ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

(Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина)

1.1. ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Т. В. Леонтьева

Обыденные представления о взрослости (они отличны от юридических, психологических, педагогических и иных научных трактовок) запечатлены в текстовых образцах и системно-языковых связях. Составители словарей, разрабатывая дефиниции для слова *взрослый* и его дериватов, оказываются перед непростой задачей объяснения содержания соответствующих понятий. Толкования данных лексем в словаре зависят от того, как разработчик ответил на вопрос о том, что такое быть взрослым. Далее мы проанализируем предложенные в лексикографических источниках — словарях современного русского языка — дефиниции указанных слов с целью выявить объективированные в них семы. Кроме того, посредством контекстного анализа мы считаем возможным установить объем понятия взрослости, поэтому далее обратимся к материалам Национального корпуса русского языка [НКРЯ] в поиске особенностей узуальной сочетаемости данных лексем и с целью осмысления их более широкого контекстного окружения.

1.1.1. СЕМАНТИКА СЛОВ С КОРНЕМ *-ВЗРОСЛ-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Взрослость как возрастная (временная) категория

В толковых словарях современного русского языка взрослость определяется через указание отрезка на векторе времени челове-

ческой жизни, а именно — через соотнесение с концом детства: *взрослый* ‘вышедший из детского возраста, достигший возмужалости (о людях)’ [СЛРЯ, т. 1, с. 170], ‘достигший зрелости, вышедший из детских или отроческих лет’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 320].

Неслучайно сделанная на материалах Национального корпуса русского языка выборка словоупотреблений со словом *взрослые* в значении существительного показывает высокую частотность двухкомпонентных конструкций, основывающихся на противопоставлении «дети — взрослые»: *Действительно каждый — и взрослый, и ребёнок найдёт, чем заняться* (Н. Шагрова: «Я — мал» ищет единомышленников // «Экран и сцена», 2004.05.06) [НКРЯ]; *И его сказки про животных любят как взрослые, так и дети* (Ю. Рахаева. Настоящая женщина в мужском деле // «Известия», 2002.03.31) [НКРЯ] и мн. др. (более тысячи вхождений при поисковом запросе).

Кроме того, можно встретить контексты, в которых этапность биологического существования человека представлена особенно явно через линейные ряды обозначений возрастных категорий (*младенцы, дети, подростки юноши, взрослые, старики*) или этапов (*младенчество, детство, отрочество, юность, взрослость, старость*): *Дети, взрослые и старики смотрели на куклу, как-то посмеиваясь* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996); *Если посмотреть на возраст тех, по отношению к кому используются эти формы, можно заметить, что Мирон называет по-разному младенца, ребёнка, юношу, взрослого мужчину и старика* (И. Иткин. Пять Пятров, или 30 лет спустя // «Наука и жизнь», 2008); *Развивается ли душа по закону тела: проходит детство, взрослость, старость?* (В. Конецкий. На околонаучной параболе, 1978) [НКРЯ] и др.

В логико-семантическом противоречии с подобными образцами градации возрастов находится семантическое наполнение

слова *взрослые* в тех случаях бытовой коммуникации, когда так называют всех, кто не является детьми; иначе говоря, пожилые, старые люди — это в сущности тоже взрослые: *От других взрослых бабушка отличалась тем, что любые мои вопросы готова была обсуждать на предложенном мною уровне и всерьез* (В. Войнович. Замысел, 1999); *Только пробыв в больнице около двух месяцев, я поняла, что и строгость, и важность прикрывали нежную любовь к детям и недоверие к взрослым: всяким там мамам, бабушкам, папам, которые своею невежественной, излишней заботой могут загубить больного ребенка: то возьмут его на руки, когда нельзя, то накормят чем попало* (Л. К. Чуковская. Прочерк, 1980—1994) [НКРЯ] и др. Именно такое понимание взрослости как категории, ограниченной с одной только стороны, фиксируют словари: в дефинициях упоминается только рубеж между детством и взрослостью ('вышедший из детского возраста'), но не между взрослостью и старостью. Ср. полученный М. Ю. Лебедевой в результате психолингвистического эксперимента с применением метода свободных дефиниций вывод о том, что «детство — это период жизни, противопоставленный взрослости» [Лебедева, 2012, с. 52].

Наконец, присутствующее в узусе сочетание *взрослые дети* (*Однако у нас обоих были взрослые дети, и меня очень волновало отношение моих сына и дочки к тому, что у меня появился другой мужчина* (Э. Савкина. Если впрягаюсь, то основательно // «Дело» (Самара), 2002.05.03 [НКРЯ]) любопытно тем, что здесь лексема *дети* — маркер степени родства (не возраста), а слово *взрослый* — дескриптор исключительно возраста; иначе говоря, *взрослые дети* — это собственно взрослые по количеству прожитых лет, являющиеся чьими-то потомками.

Таким образом, *взрослость* выступает прежде всего временной категорией, уже — возрастной. Границы

этого отрезка на векторе человеческой жизни весьма различны в разных культурах, если принимать во внимание время проведения ребенка через обряды инициации или официально установленный статус совершеннолетия (о различиях культурно-этнографических традиций в воспитании детей, особенностях отношения к ним и ритуальных практиках их перехода к состоянию взрослости см., например: [Кислов, 2002]), и весьма подвижны в зависимости от динамики культурных процессов (ср., например, заявления ученых о постепенном изменении возраста перехода молодежи к взрослости: «Психологические, социологические, культурологические исследования свидетельствуют о замедлении процесса взросления детей в экономически развитых странах, появлении своеобразного моратория на взросление практически до 25-летнего возраста» [Андреева, 2018, с. 299]). При этом взгляд на взрослость с позиции таких наук, как социология, философия, психология, этнология, этнография и др., недвусмысленно обнажает социальную природу явления: отрезок жизни человека атрибутируется через его способность к выполнению ряда социальных функций (об этом скажем далее).

Взрослость как категория внешнего качества

Составители «Толкового словаря русских глаголов» (1999), подготовленного коллективом ученых под руководством Л. Г. Бабенко, относят глагол *взрослеть* к группе «глаголов становления внешних признаков человека» (а далее — к «глаголам качественного состояния») [ТСРГ, 1999, с. 490], не включая его в состав рядов «глаголы становления внутренних качеств человека» и «глаголы становления социальных качеств» [Там же, с. 492—494]. Этот шаг к интерпретации взрослости как качества, соответствующего возрасту, очень важен, хотя некоторые возражения может вызывать трактовка взрослости только через внешние признаки.

Безусловно, внешние признаки взрослости образуют немаловажную часть семантического каркаса соответствующего понятия, что подтверждается иллюстративными контекстами к словам с корнем *-взросл-*. Например, глагол *взрослеть* ‘делать кого-л. более взрослым (по внешнему виду, манере поведения и т. п.), чем есть на самом деле’ [СлРЯ, т. 1, с. 170] имеет отсылку к внешности человека в дефиниции, а кроме того, можно обнаружить словоупотребления, показательные в смысле актуализации смысла ‘взрослая внешность’: *Шляпа, пальто, ботинки, верно, одни-единственные, кроме которых ничего он не имел, **взрослили**, даже старили его, но и делали пронзительно жалким, будто и нищим* (О. Павлов. Дело Матюшина, 1996) [НКРЯ].

Обращает на себя внимание частотность контекстной реализации наречий *взросло* и *по-взрослому* в качестве обозначений особенностей внешности человека: *Мишка **плечами пожал так по-взрослому** и говорит...* (Д. Сабитова. Где нет зимы, 2011); ***Вздыхнул как-то очень по-взрослому*** (Н. Дежнев. Принцип неопределенности, 2009); *Белокурые волосы **по-взрослому** были собраны в пучок* (И. Бахтина. По пути в никуда, 2007); *Шаль **по-взрослому обёрнута** вокруг плеч* (К. Шаинян. Кукуруза, пережаренная с мясом, 2007); *Была она нетороплива и уже **по-взрослому плавна в движениях*** (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы, 1980—2006); *Колька поглядел на него, **по-взрослому поглядел: пристально*** (Б. Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973); ***Интонации взрослой** женщины появляются у неё только тогда, когда она высказывает общее мнение, когда она, так сказать, социально полноценна* (Спасительная эстафета игры // «Экран и сцена», 2004.05.06); *Она была **причесана по-взрослому, на прямой пробор*** (В. Каверин. Два капитана, 1938—1944); *Хотя я спела интонационно чисто, но так волновалась, что голос звучал не по-детски, а почти **по-взрослому*** (И. К. Ар-

хипова. Музыка жизни, 1996) [НКРЯ]. В этих высказываниях манифестация взрослости сконцентрирована в воспринимаемых посредством органов рецепции особенностях облика человека: причёске, взгляде, голосе, характере движений, одежде и др. Объектом характеристики в подобных случаях является ребенок, а значит, внешняя взрослость атрибутируется как «ложная, ненастоящая, напускная».

В значительно большей степени через особенности внешности осмысляется другой возрастной период — старость. Так, по данным ассоциативного эксперимента Н. В. Крючковой, «реакций, акцентирующих внимание на физических особенностях анализируемого возрастного периода (старости. — Т. Л.), значительно больше, чем реакций соответствующей тематики, полученных на слова-стимулы, репрезентирующие другие концепты возраста: детство, отрочество, молодость, взрослость» [Крючкова, 2006, с. 78]; анализ значений лексических репрезентантов концепта СТАРОСТЬ также выявляет преимущественное внимание к физическим особенностям, характерным для человека в старости [Там же]. В представлениях о взрослости же внешние признаки не столь актуальны.

Взрослость как внутреннее качество

Внешние качества составляют лишь часть признаков взрослости, и всё тот же глагол *взрослеть* (см. выше) может употребляться в ином контекстном окружении, ясно указывающем на взрослость не внешнюю, а внутреннюю (в этом случае речь ведется обычно об обстоятельствах жизни, заставляющих человека менять мировоззрение и поведение, становиться старше своего — детского — возраста): *За плечами было только 14 лет, но жизнь того времени быстро **взрослила** нас* (Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Встречи с Блоком, 1936); *Что Вы лично можете сделать, чтобы **повзрослеть**: как это ни парадоксаль-*

но, начните заботиться не о себе, а о детях, станьте ответом на все их нужды, станьте заботливой альфой, осознанное родительство очень **взрослит** (Форум: Вопрос про себя, 2012) [НКРЯ].

Состояние «внутренней», сущностной взрослости эксплицируется в контекстном соседстве слова *взрослый* со словами *чувствовать, ощущать, чувство*: *Такое чувство, что он ощутил себя старше, **взрослее**...* (Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004); *Но сам процесс покупки его сильно возбуждает: едва дотягиваясь до прилавка, парнишка **чувствует себя ужасно взрослым*** (Светлана Скарлош. Воспитание по расчету // «Русский репортер», № 8 (136), 4–11 марта 2010); *Откуда совсем новое **чувство, что я взрослый и сильный?*** (В. Новиков. До первого снега // «Уральский следопыт», 1982) [НКРЯ].

Заметим, что точно так же человек взрослый может испытывать ощущения, свойственные состоянию детства либо старости: *Он **чувствовал себя ребенком**, которого взрослые завели в лес* (С. Данилюк. Рублевая зона, 2004); *Крушение политических надежд усугублялось личным пессимизмом; наш герой **ощутил себя старым**, уставшим от жизни человеком* (Н. Таньшина. Корсиканец на русской службе, или куда приводит вендетта // «Родина», 2008) [НКРЯ]. Тема саморефлексии, общая для таких образцов словоупотребления, объективирует идею сближения эмоционального и рассудочного познания, так как «чувствовать себя (кем)» означает «осознавать себя (кем)», и предполагает концентрацию на представлении о «я-внутреннем», то есть о себе как личности, о «внутреннем качестве человека».

Ср. наши выводы с формулировкой одного из когнитивных признаков, выделенных М. Ю. Лебедевой на основе анализа дефиниций слова *детство*, которые были предложены респондентами в ходе психолингвистического эксперимента: *детство — это*

«состояние, которым может характеризоваться и взрослый человек, непреходящее качество (выделено нами. — Т. Л.)» [Лебедева, 2012, с. 52].

Показательно также, что, например, в сравнительных оборотах эталоном отклонения от взрослости в сторону детства может служить образ школьника: *выглядеть как школьник / школьница; краснеть, как провинившийся школьник / школьница; чувствовать себя, смотреть, фыркать, стоять, как напроказничавший школьник / школьница; наказывать как школьника / школьницу* [Калюжная, 2015, с. 86]. Объектом характеристики при использовании таких оборотов в речи выступает взрослый, однако его вид, поведение или положение диагностируются как сходные с поведением, внешностью или ролью учащегося школы, и среди этих выражений тоже находим отсылку к внутреннему ощущению: *чувствовать себя как напроказничавший школьник*.

В свете трактовки взрослости как внутреннего качества показательно, что в словарных дефинициях прилагательного *взрослый* присутствуют лексемы *зрелый, зрелость, возмужалость*, ср. представленные выше записи из [СЛРЯ, т. 1, с. 170; ССРЛЯ, т. 2, с. 320], а также формулировку в [Кузнецов, 1998, с. 127]: *взрослый* ‘достигший зрелого возраста, полной зрелости’. Составитель дефиниции привлекает известную носителям русского языка растительную метафору — созревания плода, которая передает семантику изменения качества.

Анализ контекстного окружения слов с корнем *-взросл-* показывает, что взрослость связывается с качественными оценками интеллекта и коммуникативных умений человека.

Рассудительность, способность размышлять выступает как признак перехода к состоянию взрослости: *Они и так уже рассуждают слишком по-взрослому* (Роща из... текста // «Народное творчество», 2003); *Ты думал младенчески, пора*

тебе начать думать по-взрослому (митрополит Антоний (Блум). О вере, 1971); *Так и не научившись мыслить по-взрослому, в прежней безалаберности поигрывал он пустячными мыслишками* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998) [НКРЯ]. Мыслительный акт совпадает с речевым актом, поэтому и речь получает качественную оценку: *Эх, всегда у Вовки получается говорить по-взрослому, я так, наверное, никогда не научусь* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова, 2013) [НКРЯ].

В художественных, публицистических текстах затрагивается и такая сторона взрослости, как поведение в коммуникации, в частности, знание речевого этикета (вежливость), спокойствие и сдержанность, принятие ответственности и др., то есть, в сущности, социальное поведение. Анализ контекстного окружения интересующих нас слов позволяет выявить черты взрослости:

(1) «сдержанность в выражении эмоций»: любопытны сочетания *вести себя / поступать взрослое*, которые «измеряют взрослость» качеством поступков: *Павлик изо всех сил старался вести себя по-взрослому, сдержанно: не суетился, не совался куда не нужно, вообще держал себя в руках* (Г. Адамов. Тайна двух океанов, 1939); *Виталик, так же слова не сказав, проводил её на автобус, которым она обычно ездила в Обнинск. Гена повёл себя взвешенней и взрослей. — Я полностью в твоём распоряжении, Танька* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000); *Хотелось подпрыгивать и посвистывать, и вообще вести себя несерьезно и не по-взрослому* (Н. Геворкян. Мой роман с Тимом Ротом // «Русская жизнь», 2012); *И обижаться всерьез на двухлетку тоже — не по-взрослому* (Форум: Нужен совет, 2013) [НКРЯ]. При этом собственно способность чувствовать приписывается как раз взрослости: *Считается, что маленькие дети не могут испытывать по-взрослому сильных чувств* (Т. Со-

ломатина. Мой одесский язык, 2011) [НКРЯ]. Таким образом, выросл тот, кто глубоко и полно чувствует, но сдержан в «обнаро-довании» чувств;

(2) «ответственность»: наречие *по-взрослому* в синтаксической роли обстоятельства образа действия (*поступать по-взрослому*) либо определения (*шахматы по-взрослому*) способно выражать смысл ‘в полном объеме брать на себя ответственность за поступки’: *Я стал совсем взрослым, Варя, и поступать теперь надо по-взрослому, по-мужски* (Б. Васильев. Были и небыли, 1988); *Как в шахматах по-взрослому: ходы назад не брать, взялся за фигуру — ходи* (Д. Орешкин. Игра в праймериз // «Огонек», 2014) [НКРЯ] (интерпретация: «без уступок, без скидок, какие обычно даются детям, в полном объеме ответственности, как бывает у взрослых»). Сема ‘ответственность’ поддается экспликации и на основе анализа сочетания *спрашивать по-взрослому*, означающего требование ответа, отчёта за кого-, что-л.: *Даже притом, что у нас каждый человек — штучный товар, долго учат, но и спрашивают по-взрослому* (В. Васильев. Шуруп, 2013) [НКРЯ];

(3) «вежливость», поскольку владение нормами этикета оценивается как признак свойственного взрослым умения осознанно конструировать отношения с окружающими: *Еще как играет — а иначе с чего бы известному советскому писателю всю ночь промаяться без сна в гостиничном номере, вспоминая бледное личико, и это по-взрослому вежливое: «Спасибо, гражданин!»* (Д. Рубина. Медная шкатулка, 2015); *Он всегда опаздывал на уроки, но очень по-взрослому спрашивал разрешения войти в класс или же просился в туалет* (А. Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ];

(4) «готовность выполнять социальные роли и функции» — гендерные, трудовые, хозяйственные: *И она и Веруша никогда*

по-взрослому не гуляли и не целовались с ребятами (Г. Е. Николаева. Битва в пути, 1959); *Девочка-попадья чуть не плакала от досады, так ей хотелось по-взрослому принять в гостях соседку* (А. А. Матвеева. Обстоятельство времени, 2012); *Старшие ребята работали по-взрослому. Они пахали и бороновали землю, косили траву, валили деревья на разные поделки и на дрова* (Н. М. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери, 1952—1971) [НКРЯ].

Наконец, обратим внимание на столь популярное в современной речи выражение *всё (было) по-взрослому*, которое отличается от ранее приведенных примеров явной предикативностью и предметно-событийным содержанием, то есть оно уже не выражает признак действия, как наречия (*взглянуть, плакать, сказать, поступить по-взрослому*), а служит формулой оценки внешних обстоятельств, из которых складывается целостная ситуация, характеризующаяся как торжественная, официальная либо серьезная, суровая, «неигровая», нешуточная действительность. Вновь речь идет о качественной характеристике ситуации.

Кроме того, взрослыми могут быть охарактеризованы творческие продукты: взрослое кино, взрослая сказка, взрослый дизайн. Такие объекты искусства адресованы взрослому — вновь из-за особого качества их плана содержания или плана выражения.

Итак, взрослость трактуется как (1) возрастная категория, границы которой неустойчиво определяются местом условных стыковок с другими периодами биологической жизни человека — детством (либо юностью), с одной стороны, и старостью, с другой; (2) совокупность внешних признаков, по которым можно отличить человека определенной возрастной категории среди прочих; (3) совокупность внутренних качеств, которые объединены идеей готовности человека к выполнению наибольшего количества соци-

альных функций и реализации возможностей. Иначе говоря, объем понятия взрослости включает в себя представления и о годах жизни человека, и о его физическом облике, и о поведении. Составители толковых словарей подчеркивают в дефинициях слова *взрослый* разные аспекты понятия, хотя все эти семантические компоненты, думается, неразрывно взаимосвязаны между собой.

1.1.2. РУССКИЕ МЕТАФОРЫ ВЗРОСЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Далее обратимся к возможностям ономаσιологического подхода, то есть представим результаты мотивационного анализа лексики взросления, извлеченной из словарей русских народных говоров, современного русского языка и лексической картотеки топонимической экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. В этих источниках обнаружено более 100 номинативных единиц со значением ‘взрослеть, вырастать (о ребенке)’, ‘взрослый / невзрослый человек’, при этом диалектная лексика, что вполне ожидаемо, наименее изучена, хотя представляет собой благодатное поле для исследователя, осуществляющего поиск регулярных семантических связей между группами лексики. Уместность обращения к ономаσιологическому подходу можно оценить уже на основании беглого просмотра данных словаря синонимов, согласно которому глагол *взрослеть* имеет в русском литературном языке такие синонимы, как *становиться взрослым, созревать; выходить из пеленок* (разг.); *входить* (или *вступать*) *в возраст* (или *в года, в лета*), *входить в разум* (устар.) / о юноше: *мужать; оперяться* (разг.) [Александрова, 2001, с. 53]. Мотивировки приведенных слов и буквальная основа выражений прозрачны, и по ним можно судить о широкой палитре мотивов и образов, к которым апеллирует номинатор. Методика предпринятого исследования заключается в анализе внутренней формы слов, обозначающих взросле-

ние, а также человека по признаку взрослости или невзрослости. Выявление метафор и мотивов, лежащих в их основе, а также опыт их систематизации позволяют провести экспликацию представлений о взрослости.

Предваряя мотивационный анализ семантическими заметками, укажем, что интересующее нас значение ‘взрослеть’ нередко приходится выявлять на основе контекстов, поскольку дефиниции, представленные в диалектных словарях, далеко не всегда содержат упоминание этой семы. Мы сталкиваемся также с трудностью различения значений ‘взрослеть’ и ‘вырастать’. Нужно ли их разделять? Некоторая смысловая дистанция между ними, конечно, присутствует. В частности, *вырастать* — значит становиться физически крупнее, в то время как *взрослеть* означает приобретать не только физиологическую зрелость, но и психологическую, социальную. Естественно подразумевать разносторонность возрастного изменения, поэтому в дефинициях идентификаторы ‘взрослеть’ и ‘вырастать’ часто соседствуют. Если же толкователь выбирает только один из них или иным образом формулирует определение (не вводит в дефиницию маркеры *взрослеть*, *вырастать*), то для решения вопроса о том, принимать ли во внимание данный номинативный факт, можно опереться на контекст, если он приводится.

В ситуации многосторонности возрастных перемен, происходящих с человеком, вполне закономерно, что номинатор выбирает, подчеркивает лишь один из аспектов изменений в человеке, то есть отдает предпочтение той или иной мотивировке. Выделим и представим далее семантические модели, распределив их на группы в соответствии с мотивами, положенными в основу семантического переноса.

Размер. Семантическая модель ‘приобретать другой размер, становиться больше, выше, толще’ — ‘взрослеть’ является

одной из самых продуктивных. К ней принадлежат ключевые слова рассматриваемого ряда, прежде всего лексические факты литературного языка, производные от основ *-раст-* / *-больш-* / *-стар-*: *взрослеть* ‘становиться взрослыми’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 321], *расти* ‘становиться больше ростом, длиннее, выше, увеличиваться в результате жизненного процесса; || становиться старше, взрослее, развиваться’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 894], *вырастать* ‘увеличиваться в росте, становиться больше, выше, длиннее; расти, возрастать; || становиться взрослым, достигать зрелого возраста’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 1190]; *взрослые, старшие, большие* [Александрова, 2001, с. 53], литер. *большой* ‘взрослый, старший (с точки зрения ребенка)’ [РСС, с. 329], литер. *взрослый* ‘человек, вышедший из юного возраста, достигший зрелости’ [РСС, с. 329], литер. *старший* ‘человек, имеющий большее количество лет в сравнении с кем-н., а также взрослый’ [РСС, с. 331].

В русских народных говорах к выражению смысла ‘взрослеть’ тоже привлекаются производные от *расти, большой, старый*: пск., смол. *вырослый* ‘выросший, большой; взрослый’ (*У него дети уже вырослые*) [СРНГ, т. 5, с. 342], смол. *большуны* ‘(собир.) взрослые’ [СРНГ, т. 3, с. 93], свердл. *большуха* ‘большая, взрослая (девочка, девушка)’ (*Ты уж большуха в школе-то учиться*) [СРНГ, т. 3, с. 93], волог. *посталее и постарее* ‘о человеке, который с годами становится лучше: красивее, взрослее, умнее’ (*Посталее и постарее, скажем. Полутшие у его и внешний вид, и поведение*) [КСГРС] и др.

По данным этимологического словаря, слово *старый* родственно лит. *stóras* ‘толстый, объемистый’, др.-исл. *stórr* ‘большой, сильный, важный, мужественный’, с другой ступенью вокализма: др.-инд. *sthírás* ‘крепкий, сильный’ [Фасмер, т. III, с. 747].

Глагол *расти* происходит от праслав. **orsti, *orsto*, которое сближают, с одной стороны, с греч. *ὄρμενος* ‘росток, стебель’,

ōrvūmi ‘возбуждаю, двигаю’, лат. *orior, ortus* ‘поднимаюсь, встаю’, с другой стороны, сравнивают с лат. *arduus* ‘высокий, крутой’, авест. *arəduva-* ‘тугой, прямой’, др.-ирл. *ard* ‘высокий’ и др. [Фасмер, т. III, с. 446].

Противоположный семантический полюс — ‘невозрослый’ — представлен соответственно строго обратной метафорой — «не увеличившийся в размерах, не выросший»: литер. *недоросль* ‘в России в 18 веке юноша из дворян, еще не достигший совершеннолетия и не поступивший на государственную службу, вообще (устар.) несовершеннолетний’ [РСС, с. 331], печор. *недорощенный* ‘не достигший совершеннолетия’ [СРГНП, т. 1, с. 472], костром. *невеликий* ‘невозрослый’ (*В то время я еще невелика была*) [ЛК ТЭ] и др.

Время. Анализ внутренней формы слов и буквальной основы выражений позволяет заключить, что лексические воплощения представлений о взрослении закономерно апеллируют к временным смыслам. Номинатор прибегает к наименованиям временных отрезков — *годы, лета* — или собственно к основе *время*. При этом реализуются два направления концептуализации взросления.

С одной стороны, передается смысл накопления количества лет: печор. *годá набрать* ‘повзрослеть, достичь совершеннолетия’ [ФСРГНП, т. 1, с. 174], печор. *забрать свой гóды* ‘достичь совершеннолетия’ [СРГНП, т. 1, с. 218]. В лексических фактах, принадлежащих русским народным говорам, реализована метафора полноты, отсюда обращение номинатора к основам *полный* и *ёмкий*: перм. *ёмкий* ‘достигший поры зрелости, взрослый’ (*Ёмкая она — взамуж пора*) [СПГ, т. 1, с. 248], перм. *прийти в пóлный вóзраст* ‘стать совершеннолетним’ [СПГ, т. 2, с. 207], печор. *неполнолётний* ‘несовершеннолетний’ (*Нынь неполнолетним не выдают паспорта*) [СРГНП, т. 1, с. 476],

смол. *супóльный* ‘зрелый, возмужалый (о человеке)’ (*По истечении девяти лет жених и невеста становятся суполные люди*) [СРНГ, т. 42, с. 252]. Тот же смысл полноты передается словом *совершенноный*, которое выступило источником семантической деривации для новосиб. *совершённый* ‘совершеннолетний’ (*Детишки-то и совершенные*) [СРГС, т. 4, с. 371], перм. *совершённый* ‘зрелый, совершеннолетний’ [СПГ, т. 2, с. 367], том. *совершёнство лет* ‘совершеннолетие’ [СРГС, т. 4, с. 371], литер. *совершеннолетний* ‘человек, достигший совершеннолетия’ [РСС, с. 331]. Номинации, выражающие противоположный смысл, интересны тем, что могут обозначать через посредство мотива «несовершенноный» как период детства (в литературном языке), так и период старости (в говорах): литер. *несовершеннолетний* ‘человек, не достигший совершеннолетия’ [РСС, с. 331], перм. *несовершеннолётный* ‘выживший из ума от старости’ (*Старуха-то у меня выжила из ума, несовершеннолетняя, старая уже*) [СПГ, т. 1, с. 593]. Итак, номинации из сферы «Взросление и взрослость» закономерно создаются с опорой на знание о том, что время дискретно, единицы времени поддаются счету, а взрослость приобретается накоплением прожитых лет.

С другой стороны, в речи диалектоносителей регулярно воплощается мотив перемещения и вступления в определенный период на векторе времени: печор. *в годá (гóды) войтí (прийтí)* ‘повзрослеть, стать совершеннолетним’ [ФСРГНП, т. 1, с. 66], волг. *зайтí в гóды* ‘повзрослеть, перестать быть ребенком’ (*Уже не мальчик, уже зашел в годы, а всё баловесничат*) [СГРС, т. 4, с. 75], ряз. *взойдítь (зайдítь, войдítь) в (совершенные) года* ‘стать взрослым’ [Деул. сл., с. 117], печор. *в летá войтí / вьйтí* ‘повзрослеть, возмужать’ (*В лета вошёл парнишко-то наш, школу кончат; Он уж вышел в лета, осенью пойдёт в армию*) и ‘достичь зрелости, расцвета — говорится о мужчинах двадцати пяти-со-

рока пяти лет' (*А как Данило вошёл в лета, то взяли бурлаком*) [ФСРГНП, т. 1, с. 83].

В русских народных говорах взрослость обозначается лексикой с первичным временным значением: «Как семантический архаизм можно интерпретировать значение лексем *время* и *временной* в лоемском говоре. Эти слова в говоре имеют значение 'пора, зрелость' и 'взрослый, зрелый', соответственно. В этом случае *время* понимается не как 'длительность, последовательная смена секунд, минут, дней и т. д.', а как 'период полного становления и формирования чего-, кого-либо, в том числе полноценного человека, пик развития, после которого начинается процесс угасания; пора'» [Бунчук, 2014, с. 22].

В целом специфику диалектного дискурса составляет использование гиперонимов *время*, *пора*, *возраст*, которые, обладая в литературном языке семантической «широтой», в русских народных говорах приобретают возможность семантической конкретизации. При отсутствии идентификатора, указывающего, о каком именно возрасте или временном отрезке, о какой поре идет речь, говорящий подразумевает не отвлеченную умозрительную категорию времени в целом, а именно ограниченный период взрослости: том., кемер., иркут. *в вóзраст дойти́* 'стать совершеннолетним' (*В возраст дошел, нас брали в армию; Бывало, как девка в возраст дойдет, жениха ей ищут; Сын мой в возраст дошел, паспорт получил*) [ФСРГС, с. 62], печор. *до вóзраста* 'до определенного возраста, до совершеннолетия' (*Молодым не разрешали гулять рано, до возраста нам не разрешали с парнем под ручку пройти; Не гуляй, Марфа, с парнями до возраста*) [ФСРГНП, т. 1, с. 210], перм. *в пóру войти́* 'достичь совершеннолетия, стать взрослым; возмужать' (*Пацаночкой была ишо, токо в пору вошла, отошла от родителей; Мне не жалко, пущай женится, давно в пору вошел*) [СПГ, т. 1, с. 113], новосиб.

дойти до вóзраста ‘стать взрослым’ [ФСРГС, с. 62], печор. *выйти на вóзраст* ‘повзрослеть’ (*На возраст вышла да взамуш ушла*) [СРГНП, т. 1, с. 105]. В гнезде с вершиной *пора* находим: ср.-урал. *выпореть* ‘вырасти, созреть’ [СРНГ, т. 5, с. 331]. Говоря о слове *пора* и других подобных лексемах семантической области «Время», Г. В. Калиткина справедливо подмечает «деятельностную составляющую темпоральных концептов». В частности, *пора* «оказывается подходящим (*пористым, порастым, удобным, (при)годным, годейным, угожим, негожим*) периодом для неконкретизированных действий, вместилищем некоей деятельности вообще» [Калиткина, 2014, с. 24]. Действительно, взрослость трактуется прежде всего как полноценная, самостоятельная деятельность человека в новом социальном качестве (в юридическом дискурсе это называется *дееспособностью*).

Мотивировочные признаки «самое время» или «вся пора», выявляемые в свердл. *самовремянной* ‘нестарый, в расцвете лет’ (*А щё ей не гулять, еше самовремянная женицина*) [СРГСУ, т. 5, с. 107], костром. *во всей порé* ‘в полном расцвете: о зрелом, взрослом человеке’ (*Я девчушка была, восемнадцать лет, а ему двадцать пять лет было, он-то уж во всей поре был. А я ничего не понимала, как баран на градусник. Теперь-то уж поняла бы*) [ЛК ТЭ], выражают важную в представлениях о взрослости идею кульминации, жизненного пика, максимального подъема.

Пространство. Поскольку пространственные и временные смыслы обычно находятся во взаимной проекции (неслучайно категории времени и пространства объединены понятием хронотопа), то движение во времени концептуализируется как движение в пространстве. Приближение к временной демаркационной линии обозначается лексемой, описывающей движение: перм. *дойти* ‘выйти в люди, зажить нормальной жизнью’ (*Сама раз не дошла до людей, дак хоть дети в грязь лицом не уронили* —

хорошо живут, все выучились) [СПГ, т. 1, с. 221]. В других зафиксированных языковых фактах глагол движения (*войти, прийти, зайти, дойти, взойдѣть, зайдѣть, войдѣть*), как уже было сказано выше, образует сочетание с наименованием единицы времени или абстрактной временной категории (*годы, лета, возраст, пора*).

«Локализация» взрослости «визуализируется» посредством слова *место*, включенного в состав фразеологизма: перм. *к мѣсту вѣйти* ‘определиться в жизни, стать самостоятельным’ (*У меня все робята к месту вышли, все робят хорошо, не пьют, не курят*) [СПГ, т. 1, с. 137].

Можно говорить еще об образе выбора своей дороги, хотя дефиниции таких номинаций редко содержат отсылки к понятию взрослости: перм. *в путь пойти* ‘обрести самостоятельность’ (*А когда в путь пошла, работать стала*) [СПГ, т. 2, с. 143], ср. общенар. *непутевый*.

Мощь, работоспособность. В прагматическом смысле взрослость связывается в крестьянской культуре в первую очередь со способностью работать (перм. *работа* ‘период трудоспособности в жизни человека’ (*Чтобы это при работе было — не помню*) [СПГ, т. 2, с. 255]), а детство и старость репрезентируются как периоды немощности, недостатка силы.

Ср. разделение семьи на работников и едоков: волог. *ватажник* ‘взрослый член семьи, работник’ (*Он у нас уж ватажник; А много ли ватажников-то у Алексея Оникова?*) [СРНГ, т. 4, с. 69], волог. *ватага* ‘о взрослых членах семьи’ (*У нас ватага не велика — то есть мало работников*) [СРНГ, т. 4, с. 68], нижегор. *объедь* ‘большая семья, особенно малый и старый’ [Даль, т. 2, с. 656], смол. *подъѣдок* ‘ребенок, который уже много ест, но еще не может работать’ [СРНГ, т. 28, с. 261], диал. [без указ. места] *объѣд, объѣдатель, объѣдальщик*, костр. *объѣдун* ‘кто обедает

других, дармоед' (*Работников-то мало, а объедателей много — дети еще малы*) [Даль, т. 2, с. 656]. Дети еще не могут, а старики уже не могут, в отличие от взрослых, работать в полную силу: перм. *из годóв (из лет) вѣйти* 'достигнуть возраста, когда человек становится нетрудоспособным' (*Я уж из лет вышла, а всё живу, кончилась уж жись моя; В апреле-то мне 55, дак из годов вѣйду, а пенсию-то не заробила, колхоз-от не считается*) [СПГ, т. 1, с. 136].

Поэтому взросление концептуализируется как приобретение физических сил и одновременно способности зарабатывать себе на хлеб, обеспечивать себя и семью: смол. *могучий* 'взрослый, самостоятельный' (*Ён уже магучий, сам усё можыть дельть*) [ССГ, т. 6, с. 102], перм. *уйти на свой хлеб* 'зарабатывать на жизнь самостоятельно' (*Пятеро у меня робят, теперь все ушли на свой хлеб, а мне уж не посылают, хоть как кормися тут*) [СПГ, т. 2, с. 470].

Социум. Взросление имеет одной из сторон вхождение в социум, приобретение места в нем. Конечно, человек с рождения уже присутствует в общине, однако традиционное крестьянское сознание, как уже было сказано, отказывает ребенку в самостоятельности, видит в нем «едока», но не «работника». Взросление же подразумевает приобретение статуса единицы социума — значимой, самостоятельной, трудоспособной: карел. *в лю́дях (быть)* 'иметь самостоятельность, прочное положение в обществе' (*Вот одного доростить осталось, остальные в лю́дях*) [СРГК, т. 3, с. 169], брян. *вѣлюднеть* 'вырасти, развиваться, стать похожим на других' [СНГЗБ, с. 71], печор. *в лю́ди гóден* 'кто-либо вырос достойным человеком, не хуже, чем другие' (*Одна детей растила, но они все в люди годны, работающие, дружные, ей все помогают*) [ФСРГНП, т. 1, с. 85]. Отсутствие социального положения, то есть социальная несостоятельность, получает выражение во внутренней форме ленингр. *никто́* 'тот, кто по воз-

расту не имеет определенного социального статуса (*Это было, когда я еще никто была, маленька значит*) [СРГК, т. 4, с. 26].

На включение в общественную жизнь указывает упоминание в дефинициях признаков ‘начавший работать’, ‘самостоятельный’, ‘живущий отдельно от родителей’, а на уровне мотивации — привлечение слова *люди*: перм. *в лю́ди уйти́* ‘уйти из родного дома работать где-л.’ (*Всего пять классов кончил сыном, рано в люди ушёл, на кирпичный*) [СПГ, т. 2, с. 469].

Образно взросление может осмысляться также как «передача» ребенка чужим людям, ср. включение в состав фразеологизма причастия от глагола *раздать*: новосиб. *дэти раздаты* ‘самостоятельно и отдельно от родителей живущие дети’ (*Все уж дети раздаты, взрослые, сами живут, только что в гости едут*) [СРГС, т. 4, с. 96].

Интеллектуальная способность. Ономастиологический подход к анализу лексики взросления и зрелости выявляет примеры реализации во внутренней форме слов семантической оппозиции «ум — глупость»: перм. *глупенький ум / в глупом уме* ‘о человеке, не достигшем зрелого возраста’ (*Он у нас хоть ишо глупенькой ум, молодой ишо, а ничё плохого никому не делал; Были ишо в глупом уме, девчатами ишо были, дак едак играли*) [СПГ, т. 2, с. 472], печор. *в уме быть* ‘быть в уже достаточно зрелом возрасте’ [ФСРГНП, т. 1, с. 114], перм. *в уме* ‘в зрелом возрасте’ [СПГ, т. 2, с. 473], ряз. *в своём уме кто-л.* ‘кто-л. вырос, стал взрослым и может самостоятельно принимать решения, здраво рассуждать’ (*Будет двадцать лет, это уж говорить, в своем уме, должен сам понимать*) [СРНГ, т. 36, с. 316], волог. *во всём уме* ‘о взрослом человеке’ (*Он-то был во всем уме*) [СВГ, т. 11, с. 124], волог. *в ум входит* ‘взрослеть, набираться ума’ (*Когда стала в ум входить, прясть начала*) [СВГ, т. 11, с. 124]. Это весьма устойчивый способ языковой

концептуализации разных возрастов человека, актуализирующий представления, конечно, не о способности размышлять, а о благоразумии, практическом рассудке, предопределяющем поведение человека.

Устойчивость. Актуализированный в лексике взросления мотив приобретения физической силы, крепости, получающий воплощение в словах, внутренняя форма которых указывает на телесное развитие (рост, увеличение размера), реализуется также в метафоре вставания на ноги: тюмен. *встать на твёрдую нóгу* ‘стать самостоятельным’ [СРНГ, т. 43, с. 323], перм. *сметаться на ноги* ‘повзрослеть, стать самостоятельным’ [СПГ, т. 2, с. 357], арх. *змотаться на ноги* ‘повзрослеть, «встать на ноги»’ (*Змоталась я на ноги, пятнадцать-то годов, меня рабoтaть отправили*) [СГРС, т. 4, с. 272]; вероятно, сюда же перм. *взмотаться* ‘стать самостоятельным’ (*Дети у меня взмотались и разъехались*) [СПГ, т. 1, с. 99]. Очевидно, эта метафора происходит из представлений о том, как растёт ребенок. А К. Байбурин, комментируя обряды, символизирующие преобразование «новоорожденный > человек», в частности, ритуалы, связанные с появлением зубов, ростом волос, ногтей, вставанием ребенка на ноги, говорит следующее: «У восточных славян признак твердости / мягкости по отношению к новорожденному является определяющим: взросление мыслится как отверждение тела, укрепление его костей (само слово *младенец* обнаруживает при его этимологическом анализе такие значения, как ‘мягкий’, ‘нежный’, ‘слабый’)» [Байбурин, 1993, с. 54]. Под устойчивостью взрослеющего человека подразумевается не физическая сила, а социальная состоятельность: появление семьи, работы, достатка. Нам кажется важным отдельно указать на мотив приобретения устойчивости, оформленный посредством метафоры, апеллирующей к одному из этапов развития ребенка, хотя в целом в лексике взросления

репрезентированы и другие составляющие образа ребенка или детеныша.

Этапность развития в жизненном цикле высокоорганизованных существ. Наблюдения человека за миром растений и животных всегда дают богатую почву для ассоциирования, соотнесения с жизнью людей. В случае с языковой концептуализацией взросления естественно ожидать обращения номинатора к рубежным моментам в развитии живых организмов.

Растительная метафора присутствует в лексике взросления в виде образа цветения: литер. *в расцвете лет*; омск. *са́мый свето́к* ‘во цвете лет, сил’ (*Он-то погиб. Самый светок, 31 год сполнился*) [СРГС, т. 4, с. 252] (вспомним, что следующий этап — старение человека — концептуализируется как увядание).

Зоологическая метафора весьма продуктивна в лексике взросления человека. Анализ лексем и фразеологизмов позволяет реконструировать прежде всего птичьи образы, запечатлевшие ключевые этапы жизненного цикла: образы птенца, вылупившегося из яйца, меняющей оперение птицы, начавшей летать птицы: перм. *из ко́жи вы́лупиться* ‘определиться в жизни, стать самостоятельным’ (*У меня уж двое из кожи вылупились, уехали, я и не знаю, че там делают, в городе-то*) [СПГ, т. 1, с. 140], литер. *опе́ряться* ‘становиться взрослым и самостоятельным’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 898] и др.

Другим источником семантической деривации выступило обозначение линьки при смене шерсти с летней на зимнюю у пушных зверей (белок, куниц и др.): костром. *вы́кунеть* ‘вырасти (о ребенке); войти в тело, заматереть’ (*Ребенок выкунил, был маленький и выкунил; Выкунивают бабы-те к сорока годам*) [ЛК ТЭ], волог., перм., костром. *вы́кунеть* ‘вырасти, возмужать; стать рослым, сильным’ (*Парень-то лежит на усу, еще не выку-*

нел. *Погоди, молода, еще не выкунела; Парень-от наш как выкунел, хороший стал, чистяк. Девушку-подростка называют, что она выкуняла*) [СРНГ, т. 5, с. 299]. В основе этой последней метафоры лежит мотив готовности, качественного изменения.

Образ младенца, которого качают на руках родители, реконструируется на основе костром. *вы́качаться* ‘вырасти (о ребенке)’ (*Вы́качается один — так унесут, уберут зыбку, потом второму достанут*) [ЛК ТЭ], перм. *зболтаться* ‘вырасти, воспитаться в трудных условиях’ (*Пеленишиного (привезли к ним), он тут и зболтался*) [АС, т. 1, с. 338]. Здесь взросление трактуется как результат родительской заботы.

Готовность еды, напитков. Взросление, по сути представляющее собой качественную перемену, концептуализируется посредством кулинарной метафоры: *на печи дойдут* ‘вырастут и так (о детях, которые растут без присмотра)’ [ФСРГС, с. 62], перм. *поспéть* ‘достичь совершеннолетия; вырасти’ (*Не поспели у меня девки до войны-то, маленькие они в те годы были*) [СПГ, т. 2, с. 184], волог. *поспéть* ‘вырасти, стать старше, достичь определенного возраста’ (*Коуда внук поспеу, в город ущицё уи-хал*) [СВГ, т. 12, с. 8]. Помимо образа приготовления еды (видимо, выпекания сдобы, что соотносится с известной метафорой *из одного теста / из разного теста [о людях]*), используется образ настоявшегося напитка: печор. *вы́держанная дёвка* ‘девушка, достигшая возраста, когда можно выходить замуж’ [ФСРГНП, т. 1, с. 157]. Семантика взрослости оформляется в данном случае посредством имеющей древние корни метафоры изготовления человека.

* * *

Итак, анализ лексических воплощений взрослости показывает, что речь идет о фрагменте лексикона, описывающего один

из аспектов представлений о норме, ср. внутреннюю форму ленингр. *нормальный* ‘достигший зрелого возраста, взрослый’ (*Она нормальная, уж двадцать шестой годик, а жених моложе, в армию взяли*) [СРГК, т. 4, с. 41]. Взрослость — это своеобразная «социальная норма». Данный «отрезок» жизненного пути человека представлен лексическими средствами языка как имеющий пределы, начальную и конечную черты, он окружен с двух сторон («до» и «после») другими отрезками, которые маркируются как находящиеся за рамками нормы: перм. *из детства выйти* ‘повзрослеть, стать совершеннолетним’ [СПГ, т. 1, с. 136], карел. *зайти в годы* ‘повзрослеть, стать взрослой’ (*В годы-то зашла, да и осмелилась, выстала дочка против отца, за мать заступилась*) [СРГК, т. 2, с. 126], ряз. *выйдуть (выходить) из годов* ‘состариться’, ‘стать старше какой-либо возрастной нормы’ [Деул. сл., с. 117]. Норма в этом случае предстает как состояние, которое достигается и впоследствии утрачивается.

Безусловно, лексика взросления семантически соотносится с вербальными репрезентантами воспитания, взращивания детей: в этих двух группах лексики реализуются отчасти сходные метафоры. Это можно увидеть уже на примере сопоставления проанализированной лексики с глаголами, являющимися синонимами глагола *вырастить*, которые представлены в словаре синонимов: *вскормить, выкормить; вспоить* (разг.); *воспитать, вынуждывать, поднять, поставить* (или *поднять*) *на ноги; взрастить* (книж.); *возрастить* (устар.) / заботливо: *взлелеять; выпестовать* (устар.) [Александрова, с. 81]. Метафорические параллели находим и в диалектном материале. Так, к образу человеческого сообщества апеллируют перм. *в мир вывести* ‘оказать содействие кому-л. в достижении общественного положения; помочь занять правильное место в жизни’ (*Хозеин-то у ее шибко был хорошей, он в мир-то ее и вывел; Мать с имя не живет, с бабушкой девки-*

то выросли, и всех их бабушка в мир вывела) [СПГ, т. 1, с. 132], перм. *в мир ввесті́* ‘вывести в люди’ (*Он скотником робил, дак она его в мир ввела, сейчас шофером работат, поди как одеват хорошо*) [СПГ, т. 1, с. 79] и мн. др. Различие между словами, представляющими семантемы ‘взрослеть’ и ‘воспитывать’, состоит прежде всего в категории субъекта действия, при этом субъект воспитания и субъект взросления образуют коммуникативную пару. Отсюда и метафорические параллели, например, явная соотнесенность образов «ставить на ноги» и «вставать на ноги», «приобщать к людям» и «приобщаться к людям».

Обозревая столь разнообразные метафоры, мы не можем не увидеть в них общее — мотив приобретения. Анализ языковых фактов позволяет заключить, что взросление интерпретируется как достижение какого-либо количества или качества: полноты, силы, времени, определенной локализации в пространстве, ума, включенности в социум, степени готовности (качественного состояния зрелости) и т. д. В метафорах преимущественно актуализируется признак ‘свойство’, о чем свидетельствует обращение номинатора к прилагательным (*полный, совершенный, большой, зрелый* и др.) и их дериватам. Однако, помимо «субъективных» преобразований (то есть изменения свойства субъекта взросления), лексически манифестированы также «объективные» приобретения, то есть освоение некоторого внешнего объекта действительности: выбор дороги, освоение социального пространства.

1.2. ДОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

А. В. Щетинина

Представления человека о самом себе и окружающих в разные периоды истории могут существенно отличаться. Так, суждения о красоте, нравственном поведении, социальном статусе и других параметрах, на основании которых люди оценивают себя и друга, могут изменяться даже в течение относительно небольшого отрезка времени (сравним, например, представления о красоте в 50-е годы XX века и в начале XXI, оценки «деловой женщины» в XIX, XX и XXI веках и т. д.). Кроме того, существенные различия могут наблюдаться в восприятии людей представителями разных социальных групп, например, городского или крестьянского социумов, профессиональных сообществ, разновозрастных групп, мужчин или женщин и др. Информация об отношении человека к окружающему миру и самому себе, как известно, отражается в лексике и фиксируется в словарях, художественной литературе, публицистике, научных источниках. В данной части работы мы представим типаж человека, восприятие которого окружающими обусловлено особенностями его телосложения. Нас интересует осмысление параметрической характеристики «дородный», зафиксированное в словарях русского языка с XI по XXI века, в художественном, газетном и диалектном дискурсах.

В настоящей работе мы опишем семантику прилагательного *дородный*, особенности ее представления в лексикографических

источниках, а также употребление слова в речи в разные периоды бытования и в разных сферах использования языка с позиции интегративного подхода к описанию семантики слова, который включает «в понятие значения все семантические признаки, выявляющиеся в слове — как структурно релевантные, так и структурно избыточные, но коммуникативно релевантные» [Стернин, 1985, с. 11]. Не останавливаясь на освещении типологии сем, отметим, что в процессе анализа мы опираемся на принятые в семиологии и используемые (прежде всего при семантическом анализе синтаксических структур [Апресян, 1988; Крысин, 1988; Логический ..., 2009; Падучева, 2013 и др.]) понятия «ассерция» и «пресуппозиция», используем термины *ассертивная сема / пресуппозиционная сема, ассертивная часть значения / пресуппозиционная часть значения*.

Образ «дородного человека» будет описан далее как социальный типаж. Мы проследим, какие семы подчеркиваются в дефинициях, предложенных для слова *дородный* в различных лексикографических источниках, сконцентрируемся на особенностях функционирования слова в литературно-художественном, диалектном и газетном дискурсах, с тем чтобы выяснить, какие дополнительные коннотации, в том числе социальные, появляются у этого прилагательного с учетом контекстного окружения; а также оценить возможность и необходимость фиксации таких сем при лексикографировании данного прилагательного.

1.2.1. Представление лексемы *дородный* в толковых словарях

Анализ прилагательного *дородный* в диахроническом аспекте показывает, что слово имело на всем протяжении его существования довольно большое количество лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) и служило не только для объективной характеристики внешности, но и для указания

на морально-нравственные качества человека (соответствующие семы зафиксированы в ассертивной (ядерной) части значений); оно имело дополнительную социальную оценочность как в ассерции, так в пресуппозиции. Так, в «Словаре русского языка XI—XVII веков» данное прилагательное имеет четыре значения.

В первом значении *дородный* характеризует телосложение человека: ‘высокого роста и плотного телосложения, красивый, видный’ [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 325]. При этом ядерные семы, характеризующие рост и телосложение, дополняются семами ‘красивый, видный’, добавляющими к объективной характеристике внешности одобрительную оценку. Кроме того, приведенные в словарной статье примеры выявляют социальную оценку как пресуппозиционный смысл (*Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всѣмъ к дѣлу ратному*, 1567) [Там же] — в данном контексте характеристика *дородный* обосновывает способность к службе («к дѣлу ратному»). Во втором примере к тому же ЛСВ (*А будетъ королевнина племянница дородна и того великого дѣла [брака с царем] достойна, государь нашъ ... зговорить за королевнину племянницу*, 1581) [Там же] характеристика *дородна* дается королевниной племяннице в доказательство того, что она достойна брака с царем.

Во втором ЛСВ, выражающем характеристику морально-нравственных качеств человека, социальный компонент явлен в ассерции: ‘доблестный, мужественный, благородный’ *И прокофей говорилъ Янмаметъ мурызѣ, что онъ, не хотя самъ великому государю работать, да и тѣхъ отводитъ, хто великому государю служитъ. (И не хотя завистью дородного въ царьской милости видеть, 1611; Я никогда такихъ дородныхъ и честныхъ людей не видалъ есмь, 1675)* [Там же]. Такая оценка морально-нравственных качеств человека, безусловно, формируется с по-

зиций общественного мнения, поскольку *мужество, доблесть и благородство* проявляются в общественно значимых деяниях.

Третье значение ‘сильный, могущественный’: *Великие государства и имя великихъ государей славитца и въ забыть не приходит и расширяетца дородными государи, и благоразумными и разсудными, 1562* [Там же] — также мотивировано первым значением: осуществлен перенос с физических параметров тела человека на социальные параметры общественно значимой личности: «физическая телесная мощь → политическое могущество властителя».

Очевидно, что все ЛСВ выражают положительную характеристику человека, которая генерализуется в четвертом ЛСВ: ‘хороший’: *Говориль ..., чтобъ ему дородной славы своей не потерять, 1611; Дородна сласть, четыре ноги вмѣсте скласть, XVI—XVII вв.* [Там же]. Ср. производное наречие *дородно* ‘хорошо’: *Он дѣлаеть дородно, что тебя держитъ у себя, 1611* [Там же].

В этом же словаре приводятся слова *дородство* и *дородитися*.

Первые три значения существительного *дородство* коррелируют со значениями прилагательного *дородный*: ‘плотность сложения, мужественный вид; полнота’ [Там же] (характеристика телосложения человека сопровождается социальной оценочностью, поскольку сема ‘мужественный вид’ подразумевает качество, которым окружающие наделяют человека с плотным телосложением); ‘доблесть, мужество’; ‘могущество, влияние’ [Там же]. Четвертый же ЛСВ существительного *дородство* интересен профилизацией социальной семантики, поскольку характеризует вес человека в обществе: ‘достоинство, значимость’: *Бояр же и вельмож и всѣхъ воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отчеству и по дородству, 1556* [Там же].

В перечне значений глагола *дородитися* первым указано социальное значение из предметно-тематической области «Рас-

слоение общества на классы»: ‘сравниваться с кем-либо достоинствами или происхождением’ *Хотя б мы людеи не дородились да были бы мы богатыри недобрыя*, XVII в. ~ XVI в. [Там же, с. 324]. Другие значения слова — второе и третье — отсылают к физическим, интеллектуальным, психологическим чертам человека (вероятно, и природным, и приобретенным): ‘иметь хорошие природные данные’: *А умом он и ростом дородился*, XVII в. [Там же]; ‘обладать необходимыми для чего-л. способностями’: *А воевод государь прибирает, разсуждая их отчество, и хто того дородится, хто может ратной обычаи содержати*, 1550; *Многи во священническомъ и во дьяконскомъ чину, и в дьяцѣхъ и в подьячихъ и во всякихъ чинехъ, кто чево дородился и в чемъ кому блговолилъ богъ быти*, XVII в. [Там же].

Таким образом, анализ данных [СлРЯ XI—XVII] позволяет заключить, что слова *дородный*, *дородно*, *дородство*, *дородитися* в XI—XVII веках использовались преимущественно для характеристики социальности человека, нежели его телосложения, и даже семы ‘красивый’, ‘видный’, ‘хорошие природные данные’ выдают доминирующую в обществе того времени одобрительную оценку физического параметра «дородность».

В словарь И. И. Срезневского «Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам» включены те же три слова: *Дородитиса:* — *А воеводъ государь прибираетъ, розсужая ихъ, отчество и хто того дородитца, хто можетъ ратной обычаи содержати, 7064. Дородьнои:* — *Государь нашъ дороднои государь, и разумнои, и счастливон; Дородьство:* — *Видевъ ево красоту, и разумъ, и дородство, и вельми ему радъ бысть; Дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людеи; Храбрость и дородство показал бояринъ* [Срезневский, т. 1, IX, стб. 708]. Хотя в словарных ста-

тнях отсутствуют дефиниции, анализ представленных контекстов показывает, что значения слов связаны преимущественно с социальными функциями человека (несением службы, властью), а не с параметрической характеристикой телосложения.

Однако в «Словаре церковно-славянского и русского языка» у слова зафиксирована только семантика параметрической характеристики телосложения человека: *дородный* ‘рослый, полный, стройный’, других значений данного существительного этот словарь не содержит. Отмеченная в дефиниции сема ‘стройный’, если исходить из современного нам понимания, находится в противоречии с семой ‘полный’, однако она находится в согласии с характерным для той эпохи восприятием телесной крепости. В данном словаре представлены прочие однокоренные лексемы со значением характеристики телосложения человека: *дородливый* ‘то же, что *дородный*’; *дородничанье* ‘состояние дородничающего’; *дородничать*; *раздородничать* ‘становиться дородным’; *дородность* ‘свойство дородного’; *дороднѣть, днѣю, днѣшь* ‘то же, что *дородничать*’; *дородство* ‘то же, что *дородность*’. (*Хорошь, пригожь мой другъ уродился, Онъ ростомъ, дородствомъ, красотою И всей молодецкою поступкой.* Русск. пѣсня) [СЦсРЯ, т. 1, с. 357]. Только две лексемы не связаны с телесной характеристикой: существительное *дородство*, которое имеет лимитирующую помету «старое» и указывает на морально-нравственную характеристику человека (‘стар. доблесть, мужество, храбрость’ (*И своимъ дородствомъ многіе ... города своею службою по прежнему за нами учинили есте*)) [Там же], и глагол *дородиться* со значением, указывающим на социальный статус (‘стар. иметь преимущество на что-либо по праву рождения, или по родовымъ отличіямъ’ (*А воеводъ Государь прибираетъ, розсуждая ихъ, отечество и хто того дородился, то можетъ ратной обычай содержать*)) [Там же].

В «Словаре русского языка XVIII века» прилагательные *дородный* и *дородливый* даны со значением ‘рослый и полный (о человеке)’ (*Евстафий быв человек дюжии и дородный, на паде на Иванчу; [Пантелей:] Дѣвица изрядная, .. и собою добра; великая, дородная, и как кровь с молоком; Жирный, дородливый*). Кроме того, словарь отмечает оттенок значения ‘о частях тела’ (*Дщерь Азии богато надѣленна! По статным и дородным раменам Бобрового порфирой облеченна*) [СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 221]. Словарь не фиксирует социальную семантику, а только характеристику телесного с позитивной окраской. Здесь же представлены производные существительные *дородность* и *дородливость* с тем же значением характеристики телосложения: *<Недостаток> дородности у достойной почтения хозяйской племянницы; дородность, Нрд. дородливый, дородливость* [Там же]; а также однокоренные глаголы с тем же общим значением характеристики телосложения человека *дороднѣть* и просторечное *дородничать* — ‘становиться дородным; поправляться, полнеть’ (*Мясники и повара> почти всегда до излишества дороднѣют и толстѣют; Смуцала меня только до безконечности отмѣнная худоба сына моего, который хотя от лихорадки своей и освободился, но весьма худо дородничал*) [Там же].

Не обнаруживается социальный компонент значения у анализируемых лексем и в других словарях, например, у Григория Дьяченко, который в «Полный церковно-славянский словарь со внесениемъ въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выражений» вводит только параметрическую характеристику телосложения человека: *дородный* ‘полный, толстый’ [Дьяченко, 1900, с. 151]. В «Словарь древнего славянского языка составленный по остромирову евангелию Ф. Миклошечу, А. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и И. С. Кочетову» включен ряд *дородитнсла*

‘родиться’, *дородьный* ‘полный, толстый’, *дородьство* ‘полнота тѣлесная’ [Старчевский, 1899, с. 187].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля представляет следующий ряд лексем со значением характеристики телосложения: *дородливый*, *дородный* ‘о челов. и животн.: рослый, полный, плотный; тучный, здоровый, гладкой, крепкий и видный; красивый, статный; сев. также о вещи’: *дородный домъ*; *дородно жить*; *это дородно сроблено*; *Дородный побивает* (на войне), *счастливый подбирает (грабит)*; наречие ‘арх. дородно очень хорошо, прекрасно’; существительные *дородство*, *дородность*, *дородливость* ‘свойство дороднаго’: *Всемъ взять, и ростомъ, и дородствомъ*; *Не умомъ, такъ дородствомъ*; *Дородствомъ бы взять, да рыломъ не вышель, здоровъ, да некрасивъ*; *На сколько Богъ роста, дородства даль*; *Даль бы Богъ дородство, а красоту сама добуду, румяна*; *Не ростомъ взять, такъ дородствомъ*; *Одна въ одну, пригожествомъ и дородствомъ*, дочери [Даль, 1978, т. 1, с. 474]. Кроме того, у Даля представлены номинации человека *дородник*, *дородница* ‘статный, видный; красавица’, глаголы *дородничать*, *дороднеть* ‘добреть теломъ, плотнеть становиться дороднымъ, наживать тела’ и отглагольное существительное *дородничанье* ‘состояние того, кто дороднеетъ, плотнеетъ’ [Там же]. Наряду с ключевыми семами, объективно отражающими особенности телосложения, в значения включены семы ‘красивый’, ‘видный’ и др., вносящие позитивную оценочность и по сути принадлежащие презумптивной части значения.

В словарях русского языка XX века наблюдается та же тенденция к сохранению одного значения прилагательного *дородный*, связанного с качеством телесного. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» лексема *дородный* имеет значение ‘крупный, плотного телосложения; полный (о человеке)’ [БТСРЯ, 1998]; в словаре Ушакова — ‘рослый, полный, с круп-

ной фигурой' [Ушаков, 1935, стб. 775]; в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой — 'рослый, крупный, полный' [Ожегов и др., 2003, с. 176], «Словаре русского языка» — 'крупный, плотно-го сложения (о человеке); полный' [СлРЯ, 1999, т. 1, с. 433] и т. д. Общую для этих фиксаций ассертивную часть значения *дородного* можно представить так: 'рослый, крупный, полный человек', — такова объективная характеристика телосложения человека. Однако социальные семы неизменно сопутствуют контекстным реализациям этого прилагательного, так как оно сочетается с обозначениями человека по социальному статусу — словами *боярин, князь, молодец*: например: *Дородный широкоплечий боярин. Купец отличался статью и дородностью* (Кузнецов). *Дороден был князь: конь измученный пал* (А. К. Толстой). *Дородный добрый молодец* (народн. песня) [Ушаков, 1935, стб. 775]. При этом анализ значений слов, через которые толкуется лексема *дородный*, свидетельствует о том, что они не вполне точно передают смысл слова *дородный*, то есть вскрывает не тождественность семантики этих лексем (ср.: *крупный*: 'рослый, широкий в кости' (*Жена его была крупная, полная, красивая женщина*. Л. Толстой); *Еще недавно этот крупный, осанистый человек с волнистой шевелюрой преподавал у нас в гимназии латынь*. С. Маршак) [СлРЯ, 1999, т. 2, с. 138—139]; *рослый*: 'крупный, высокого роста' (*Парень был Ванюха ражий, рослый человек*. Н. Некрасов) [Там же, т. 3, с. 732]; *полный* 'упитанный, в меру толстый; противоп. худой' (*Полная женщина. [Чичиков] стянул покрепче пряжкой свой полный живот*. Н. Гоголь; [*Степан Аркадьич*] привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну. Л. Толстой) [Там же, с. 265]).

В словари современного русского языка наряду с прилагательным *дородный* включены слова *дородность* 'свойство

по значению прилагательного дородный; дородство' [Там же, т. 1, с. 433] и *дородство*, в первом значении представленное как параметрическая характеристика: 'плотное и крупное телосложение; полнота', а во втором — как 'устар. доблесть, мужество' [Там же].

Таким образом, только в одном значении (устаревшем) сохраняется связь с морально-нравственной характеристикой человека, в остальных — признак в ассертивной части значения связан только с качеством телесного. Однако в контексте проявляется оценочный и социальный компонент, что свидетельствует о важности анализа пресуппозиционной части значения слова для полного представления о единице номинации.

В «Толковый словарь современного русского языка. Активная, наиболее употребительная лексика русского языка конца XX — начала XXI века» (2009) прилагательное *дородный* и его производные не включаются.

1.2.2. Представления о «дородном»

в традиционном крестьянском социуме

Интересно проанализировать представление о дородном человеке в традиционном крестьянском социуме. В «Словаре русских народных говоров» в значении прилагательного олон., арх., волог., пск. курск., костром., нижегор., перм. *дородный* только первые два ЛСВ связаны с характеристикой человека: первый — внешности 'хороший, красивый, видный' (*Не коря, я покорила-ся, не склоняя, я поклонилась перед дородным добрым молодецм* (свадебн. причит.); *Разъезжал, разгуливал сам дороден молодец* (песня)) [СРНГ, 1972, с. 134] (оно дополняется характеристикой животного: 'о животных' (*Каковы твои кони? Дородны; Эта корова дородне, чем та*, 1916) [Там же]); второй — внутренних качеств 'способный, усердный' (*И рожей-то больно баска*,

да и к робенью **дородна**) [Там же]. При этом в ассертивной части первого значения нет сем, связанных непосредственно с телосложением человека, то есть слово способно выражать именно общее впечатление от телосложения человека, точнее, устойчивую оценку крепкого телосложения.

В этом же словаре представлена лексема олон., арх., вят. **дородний** ‘дородный, красивый, видный, мужественный’, которая, если судить по иллюстративному материалу, используется в фольклорных текстах: *Есть ли удалый **дородний** добрый молодец, сослужил бы мне службу великую сходить во славу золоту орду?; Кричит **дородний** добрый молодец громким голосом во всю голову: — Прости, прости, душка красна девушка Аннушка! Повели меня на казнь смертную!; Поди-тко **дородний** добрый молодец: Ты коей земли, коей орды?; Молодехонька запросаватана, зеленешенька запоручена ой за поруките за крепкие за **дороднего** добра молодца* (песня) [Там же, с. 133]. Здесь дублируются семы первого ЛСВ слова **дородный**, они дополняются семой ‘мужественный’, которая вводит лексему в ряд социально-психологических характеристик человека.

Сема характеристики телосложения ключевая для диалектных субстантивов: олон. **дородень** ‘рослый, полный, здоровый мужчина’; курск. **дородничек** ‘ласк. полный, красивый юноша’ (*Там шли, прошли да три молодца да три молодца три **дородничка*** (песня); *У нас на улице ... там ходят гулять три **дородничка**, три белых, карагодничка* (песня)); курск. **дородница** ‘полная, красивая девушка или женщина’ (*Да сама **дородница**, красивая, как намалевана*); курск. **дородушка** ‘то же, что дородница’ (*У нас на улице на широкой-то, у нас **дородушка** Натальюшка, корогодница Федоровна* (песня)) [Там же, с. 133—134].

Производные существительные олон. **дородинство**, **дородствие**, **дородчество** толкуются посредством квалификатора

‘дородность’; видимо, здесь подразумеваются характеристики внешности человека: *Красные то девки ведь стекла рвут, смотрючись да на Чурилкову на красоту, на его ли дороднее дородинство; Всем как есть он взял: и пригожеством, и дородствием, обхождением величавым* (песня); *Спасибо тебе ..., что не занесся ты богатым богачеством, дородным дородчеством* (причит.) [Там же, с. 133].

В «Словаре говоров Русского Севера» (2005), который составляется по материалам, собранным с 1961 года топонимической экспедицией Уральского государственного университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, представлены прилагательные — арх. *дородный* и *дородний*, которые включают семы ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘физически крепкий’, напрямую не характеризующие внешность человека, но подразумевающие определенное телосложение, при этом информанты связывают характеристики здоровья и физической силы со способностью к работе: *Чё, Наталья-то дородна, не болеет щас?; Дородние люди так на чунках картошку возят, а мы так таскаем* [СГРС, 2005, т. III, с. 256].

В «Словаре вологодских говоров» (1985) *дородный* в первом значении — ‘хороший, красивый, видный’ (*Жёних-то у моей доу-ки шибко дородной*) [СВГ, вып. 2, с. 48], остальные ЛСВ не связаны с характеристикой человека. В «Словаре русских говоров Низовой Печоры» *дородной(ый)* имеет 3 ЛСВ, два из которых (1 и 3) характеризуют внешность и здоровье человека: ‘красивый, статный, видный’ (*Дородна она, лицём красива, черноброва, синеглаза*); ‘здоровый, крепкий’ (*Погода добра, и я добра, дородна*) [СРГНП, т. 1, с. 186]. Семы, связанные непосредственно с характеристикой телосложения, отмечены в номинации *дороднящий* ‘очень полный, упитанный’ (поскольку она отсутствует в литературном языке), однако в ней утрачены семы ‘красота’, ‘стат-

ность', о чем свидетельствует и контекст: *Она дородняшиша, сидит, лупаецця, лупаецця* [Там же].

«Словарь архангельских говоров» дает 10 ЛСВ прилагательного *дородной*, из них второе значение — 'здоровый, полный сил, крепкий', третье — 'упитанный, полный, плотный', пятое — 'большой по размерам, крупный (о человеке, животных, предметах)' и девятое — 'красивый, привлекательный', а также фразеологизм *дородная обакша* 'о толстом человеке' (*Которой толстомордой, о, говоряд, дородна обакша!*) [АОС, вып. 12, с. 42] так или иначе отсылают к внешности человека. Кроме того, в спектре диалектных значений слова обнаруживаются и социальные, и даже психологические характеристики: 'такой, как следует, как должно быть, хороший' (в контекстах *О, паря, у меня госьти, дородные госьти; Девица хороша была, чесная, дородная, небаломутная; У нас нарот-то не оглотовой, хорошей, дородной*), 'богатый, хорошо обеспеченный' (*Они люди дородны, не нашэй масьти; Бапка-та была дородна, а я-то худо жыла*), 'независимый, самодостаточный' (*Так я сама-то одна дородна* [мне одной хорошо]) [Там же]. По данным архангельских говоров, семы 'упитанный', 'полный', 'плотный' могут не быть связанными с представлением о красивом, и фразеологизм, обозначающий толстого, также не содержит семы привлекательности.

Семы привлекательности у слова *дородный* представлены в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей». В первом значении это 'красивый, мужественный' (*Там сидят дородни молодцы да дивицы-красавицы*) [СРГК, вып. 1, с. 489]; здесь семы, прямо указывающие на телосложение, отсутствуют в ассертивной части, но подразумеваются. В других значениях: 'взрослый', 'значительный по размеру, крупный' (в примерах сочетается с характеристикой животного, возможно, не относится

к человеку), ‘богатый’ [Там же] — слово также передает положительную оценку человека.

Таким образом, анализ репрезентаций слова *дородный* и его дериватов в диалектных словарях показал, что, во-первых, слово широко представлено в разных говорах; во-вторых, в большинстве номинаций признак ‘качество телесной мощи’ сопровождается семами красоты, внешней привлекательности, которые содержатся в ассертивной части значения, следовательно, дородность положительно оценивается в обществе, лишь в некоторых случаях очевидно понимание *дородного* как толстого, и тогда лексема приобретает коннотации неодобрения.

1.2.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОРОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Выше были проанализированы данные лексикографических источников, фиксирующих прилагательное *дородный* и его производных в период с XI по XX века. Подведем некоторые итоги и рассмотрим употребление этого слова и его производных в разных дискурсах: литературном, диалектном, газетном — в разные периоды в соотношении со значениями, представленными в лексикографических источниках. Изменяется ли представление о «дородном» человеке на протяжении времени?

Как было показано выше, в период с XI по XVII век *дородным* назывался человек (преимущественно мужчина) высокого роста, плотного телосложения, что представлялось красивым, а также мужественный и благородный, имеющий довольно высокий социальный статус. Об этом свидетельствует не только компонентный анализ значений слова, но и его контекстное окружение в речи, например: *Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всѣмъ к дѣлу ратному; дородными государи; Государь нашъ дородной государь; Дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людей* и т. д.

По данным словарей XVIII—XIX веков, представления о дородном человеке изменяются: сохраняются семы ‘рослый’, ‘полный’, ‘здоровый’ и т. п., сопровождающиеся семами с положительной коннотацией ‘красивый’, ‘видный’, но утрачиваются семы ‘мужество’, ‘благородство’, связывающие внешний вид человека с его нравственными качествами и общественным статусом, о чем свидетельствуют и контексты в словарных статьях, например: *Дородствомъ бы взять, да рыломъ не вышель* (здоровъ, да некрасивъ); *человѣкъ дюжиш и дородныи* и т. д.

Анализ поэтического дискурса этого периода в целом подтвердил актуализацию характеристик телосложения человека, причем как мужчины, так и женщины в равной мере, что проявлялось реже в более ранний период, когда качеством дородного наделялся, как правило, мужчина. Например: *Жена моя дородная, Лицо, что маков цвет ...* (И. Никитин. Исповедь, 1861)¹; *Приказчик, парень молодой, Смеясь, за спутницей своей Бежит по палубе: она Мила, дородна и красна* (Н. Некрасов. На Волге, 1860); *Розовый, свежий, дородный, Юный, веселый всегда...* (В. Курочкин. Счастливец, 1857); *Как полны плечи, белы руки, Здоровьем дышит вся она, Дородно, сильно сложена!* (М. Стахович. Глава первая. Былое, 1854); *Мать дородная в шубейке Важно в розвальнях сидит, Дочка рядом, в душегрейке, Словно маков цвет горит* (П. Вяземский. Масленица на чужой стороне, 1853); *Не слон перед людьми ступает горделиво — валит по улице дородный Митрофан* (Е. Милькеев. Рекрут, 1842) и т. д. Таким образом, в анализируемых поэтических контекстах актуализировалась ассертивная семантика телосложения. Интересно, что приблизительно в половине примеров прозаического дискурса этого периода также реализуется оценка телосложения, однако

1 Здесь и далее в данном разделе книги примеры извлечены из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

преимущественно мужчины: только 4 вхождения из 39 связаны с характеристикой женщины, остальные — с характеристикой мужчин, например: ... *сказал плечистый и дородный парубок, считавшийся первым гулякой и повесой на селе* (Н. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница, 1831—1832); *Ему было на вид лет 60 или более; небольшого роста, очень дородный и тучный человек ...* (Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово, 1877—1880); *Было чего испугаться глуповцам, — говорит по этому случаю летописец, — стоит перед ними человек роста невеликого, из себя не дородный, слов не говорит, а только криком кричит* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города, 1869—1870); *Детина такой ражий, дородный ... что вы, молодцы!* (М. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия, 1848) и т. д.

Однако анализ поэтических и прозаических контекстов показал, что в ряде случаев семантика телесного актуализируется в связи с указанием на социальный статус человека, главным образом мужчины, например: *А с «местом» — и тело дородное: Приход отдают за поповной, Пылающей страстью любовно* (Л. Трефолев. Семинарист, 1864); *Купец дородный с важною походкой ...* (И. Никитин. Тарас, 1855—1860); *Дней давно минувших знатные вельможи — Полны и дородны, жир сквозит под кожей* (А. Майков. Старый хлам, 1856); *Дороден был князь. Конь измученный пал* (А. Толстой. Василий Шибанов, 1840—1849); *Всё, что надобно жене Ждать от мужа, есть во мне: Чин высокоблагородный, И притом собой дородный* (П. Федотов. Поправка обстоятельств, или Женитьба майора, 1848); *Его отец — симбирский дворянин, Иван Ильич NN-ов, муж дородный, Богатого отца любимый сын* (М. Лермонтов. Сашка: Нравственная поэма, 1839); *Поп — молодой, из ученых; дьякон и схож бы С сыном старого, только велик и дороден* (П. Катенин. Инвалид Горев,

1835). Особенно активно социальный компонент актуализируется в прозе: из 39 контекстов в НКРЯ прилагательное *дородный* употребляется в 26 по отношению к мужчине, имеющему определенный статус (полковник, князь, боярин, чиновник и т. п.), например: — *Ну вот, — вскричал **дородный** боярин, — не говорил ли я, что нам должно было ехать по той дороге?* (М. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году, 1829); *Консул — это был высокий, **дородный**, смуглый мужчина с большими черными усами — лежал на лавке на войлоке, склонив голову на связку травы и держа в руках претолстую тетрадь* (В. Нарезный. Бурсак, 1822); *В дилижансе с нами сел **дородный**, осанистый аббат, средних лет и приятной наружности* (А. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж, 1862—1866) и т. д. В большинстве проанализированных примеров у слова *дородный* имеется коннотация ‘важный, значительный’, так как объектом характеристики выступает чаще всего человек, занимающий высокую должность, состоятельный, обеспеченный: *Наши государь, знаете, молодец собой, такой красивый, высокий, **дородный**, да и одет-то уж как ...* (Н. Полевой. Рассказы русского солдата, 1834); *В гостиной комнате на канаве, обитом полинялым штофом, сидит **дородный** владелец этих прежних барских палат, перед ним на столе бутылка меду, против него лепится на кончике стула человек небольшого роста в поношенном фраке ...* (М. Загоскин. Москва и москвичи, 1842—1850); *Прежде широкое лицо Павла Павловича с белокурой бородой очень смахивало на лицо деревенского парня; теперь же, в своей медвежьей шубе, **дородный** и плотный — он был похож на купца, у которого две-три лавки в гостинном дворе, свой дом на Садовой и хороший капитал в обороте* (З. Гиппиус. Без талисмана, 1896) и т. д.

В поэтическом дискурсе XX века сохраняется та же тенденция к актуализации телесной семантики с ее положительной

оценкой при употреблении характеристики *дородный* в отношении как мужчин, так и женщин, например: *Пятеро больших, дородных Ходят чинно, благородно. Пять гармоник на плечах, Как цветы на кирпичах!* (А. Прокофьев. Проводы в Красную армию, 1933); *Бабуся моя, Как молодой была, Дородной была* (В. Хлебников. «Старуха снова пришла, но другая ...», 1921); *Вижу этих дам — В боа — дородных, благородных; И — тех: пернатых, страстных дам, Прекрасных дам в ротондах модных ...* (А. Белый. Первое свидание, 1921); *Что дородную Маланью Я лелею пуще муз* (Н. Клюев. «Ночь со своднею-луной ...», 1932) и т. п. В ряде случаев употребление прилагательного имеет ироническое звучание: *Улещивает дородную тетеньку Колониальными комплиментами* (Г. Оболдуев. Миловид, 1929); *И вы, хорошо пообедав, Дородной и рыхлой жене Читаете о победах Социализма в стране* (Б. Корнилов. Обвиняемый, 1927); *А на дверце дородный Ахилл, Сидящий в шлеме с копьём у толстой щеки* (Саша Черный. Камин, 1925) и т. д.

Однако в прозаическом дискурсе прилагательное *дородный* обнаруживает сочетаемость с обозначениями мужчин в 82 % контекстов. НКРЯ фиксирует 111 вхождений прилагательного *дородный* в основном корпусе (литературная проза XX—XXI веков), из них 5 контекстов не связаны с характеристикой человека, 4 отнесены к женщинам, при этом актуализируются семы ‘полный’, ‘крепкий’: *Установилась наконец полная тишина, вроде даже слышно стало, как в скирде осыпаются зёрна с колосьев и под дородным телом Любы, ломаясь, хрустит солома* (В. Астафьев. Обертон, 1995—1996); *... зять, усатый, важный, две дородные дочери, похожие на отца настолько же, насколько он сам был похож на свою жену, высокую женщину, отошедшую только что от плиты ...* (А. Иличевский. Перс, 2000); *Сделайте честь нашему бедному куреню! — И она гнула дородный стан. Пан-*

телей Прокофьевич, кособоча голову, широко разводил руками ... (М. Шолохов. Тихий Дон, 1928—1940); *Дородная* молодуха извлекла из своего нагрудного мешка, сродни кенгуровой сумке, десятидневное существо, бэби Диану (В. Аксенов. Новый сладостный стиль, 2005).

Остальные 102 вхождения являются атрибутами названий лиц мужского пола.

20 из них характеризуют мужчину посредством актуализации признаков ‘полный, крепкий’: *Большой, дородный, с ленивой улыбкой на лице, он лежал рядом со мной, все еще похожий на того Яшку, который сидел на лошади за дедом и рассеянно смотрел по сторонам* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема. Книга 2, 1989); ‘видный, красивый’: *Здесь сам митрополит Евлогий, духовный пастырь белой эмиграции, и с ним беседует дородный розовощекий старик с выхоленным клинышком бороды* (Б. Ефимов. Десять десятилетий, 2000); ‘полный, крепкий + видный, значимый’: *Первым, раскидывая короткими крепкими ногами полы медвежьей шубы, шествовал дородный Блуд Чадович* (Е. Лукин. Катали мы ваше солнце, 1997).

Большая часть вхождений (82) объективируют связь телосложения с социальным статусом мужчины или национальностью за счет соседства сем ‘полный, крепкий’ + ‘видный, значимый’, например: *Нарком вышел ко мне в пижаме, дородный такой* (Б. Холопов. Старицкие прелюды, 1999); *Он осекся, этот человек, потому что в таверну уже входил дородный полицейский* (Г. Полонский. Не покидай, 1998); *Дородный красавец полковник* растроганно шевельнул собольими бровями (Е. Лукин. Там, за Ахероном, 1995); *Дородный мужчина в черном смокинге и с бронзовым знаком на двойной цепочке, переливающейся золотом на пластрановой манишке, — один из ватиканских служащих — берет нас под свое покровительство и ведет по проходу*

в зале прямо к сцене (В. Лебедев. В Ватиканском саду, 1992); *Белобородый дородный глава, рослые дети и их жены, прелестные внуки и внучки* (П. Ростин. Пиреней, 2009); *Лет сорока, пухлолицый, дородный Мир-Баз с высоты кресла, с которого едва доставал до полу башимаками на толстой, в три пальца, подошве, встретил нас воронным отливом волос, сверканьем перстней и золотой цепи из-под раскрытой на три пуговицы голубой рубашки* (А. Иличевский. Перс, 2009) и др.

Таким образом, анализ текстового материала показывает, что семантика прилагательного *дородный* богаче, нежели отражена в словарях современного русского литературного языка, где в дефинициях зафиксированы только объективные телесные характеристики. Всесторонний анализ употребления прилагательного *дородный* в контекстном окружении выявляет коннотативные компоненты, в частности социальную сему.

Материалы диалектных словарей, как уже отмечалось выше, показывают, что в прилагательном *дородный* и его дериватах (*дородник, дородничек, дородница* и др.) находят воплощение семы 'полный', 'здоровый', 'красивый', 'привлекательный': *Поклонилась перед дородным добрым молодец* (свадебн. причит.); *Разгуливал сам дороден молодец* (песня); *Подит-тко дородний добрый молодец: Ты коей земли, коей орды?; Там ходят гулять три дородничка; Да сама дородница, красивая, как намалевана; Там сидят дородни молодецы да дивицы-красавицы; Наша молодушка красивее, дороднее, всех поросливее* и т. д., причем, судя по контекстам, характеристикой *дородный* наделяются люди преимущественно молодые. При этом в диалектной речи у слова отсутствует сема 'мужественность', но сделан акцент на связи крепости, полноты, здоровья со способностью хорошо, в полную силу работать (*У меня свекрофка была дородна, рабочая была; Я до этого была дородна — в лес ходила, дрова секла*).

Практически во всех контекстах, за исключением некоторых случаев, когда дородность приравнивается к грузности (*дородная обакшиа; жопа будед дородна с пива-то* и др.), понятие, стоящее за словом, оценивается положительно.

Иную коннотацию характеристики дородного человека выявляет публицистический (газетный) дискурс начала XXI века. НКРЯ фиксирует 122 вхождения, из них 98 вхождений связаны с характеристикой внешности человека. Анализ контекстов показал, что можно выделить несколько видов сочетаемости прилагательного и его производных со значением характеристики телосложения человека:

1) характеристика телосложения молодого человека — 6 контекстов;

2) характеристика телосложения немолодого человека — 13 контекстов;

3) характеристика телосложения девушки — 8 контекстов;

4) характеристика телосложения немолодой женщины — 24 контекста;

5) характеристика телосложения с указанием на статус, национальность и другие социальные характеристики — 47 контекстов.

Как показывает анализ выборки, почти половина контекстов — 47,9 % так или иначе включают социальную коннотацию, а не просто выражают телесную характеристику (обычно дородность свойственна людям, играющим определенную социальную роль), например: — *Да вы радуйтесь, что к вам никого не подселили!* — *улыбнулась мне дородная проводница* (А. Мешков. Как я жил в цыганском таборе. Часть 1 // Комсомольская правда, 2011.09.01); *Однако через четверть часа выяснилось, что шоу подошло к своему пику — дородная вокалистка блестяще исполнила “It Beautiful” из репертуара Кристины Агилеры, превратив слезливую медленную соул-балладу в нарядный и зажигательный*

диско-боевик (Так проходит gloria // Труд-7, 2008.04.07); *На полуразрушенном рынке среди обугленных палаток **дородные** узбечки настойчиво предлагают одеяла* (Головы надо прибирать, а не дома // Известия, 2006.09.13) и др.

Кроме того, характеристика дородного включается в значительное количество контекстов с ироничной или даже саркастичной окраской: — *А я уже замужем!* — восклицает **дородная тетка**, торговка пирожками. — *За любимым человеком!* — уточняю я. — *За олигархом!* (А. Мешков. Эй, Дед Мороз: ну-тка, кто поздравит проститутку? // Комсомольская правда, 2001.12.26); *Так, дородная немолодая чиновница* (Юлия Ауг), *страшно обеспокоенная крушением устоев, на самом деле, жить не может без вибратора* (Д. Корсаков. «Диалоги» про «Интимные места» // Комсомольская правда, 2013.06.08); *«Скорей, скорей, назад в милое скучное прошлое, к дородным дядькам — руководителям прошлого!»* — решила элита (Э. Лимонов. Я не уважаю украинский выбор // Известия, 2014.05.27); *Когда же дородный генсек в темном пальто и натянутой на уши шляпе (чтобы ветром не сорвало) поднялся по трапу наверх, кавторанг шагнул навстречу* (С. Турченко. Рандеву без протокола // Труд-7, 2001.01.19); *... дело дошло до Number Two, до Петра «шоколадного короля» Порошенко. Дородный парубок, регулярное трёхразовое калорийное олигархическое питание сделали его упитанным и округлым* (Э. Лимонов. Я не уважаю украинский выбор // Известия, 2014.05.27) и т. д.

Часть вхождений показывают сочетаемость с лексемами, имеющими просторечную окраску, *тетка*, *дядька*, *мужик*, *баба* и т. п.: *На оборудованные же для СМИ места проходили дородные дядьки с упакованными в меха и бриллианты женами и упитанными чадами* (П. Садков и др. Обыграли генацвале, но в Европу не попали // Комсомольская правда, 2003.10.13);

Уже посреди Заречной натыкаюсь на дородную тетку лет 50, в ондатровой шапке и с трехлитровой банкой молока (М. Зубов. 8 МАРТА // Труд-7, 2004.03.06); *Проводница — дородная деревенская баба — сонно и равнодушно внимала паническим стenanаниям босого директора, трясшего перед ней своим ботинком и презрительно указующим на инородный башимак* (Н. Варсегов, Н. Грачева. А поутру они проснулись ... // Комсомольская правда, 2011.12.25) и т. д.

Итак, в газетном дискурсе по сравнению с литературно-художественным и диалектным происходят коннотативные изменения с стороны социальной оценочности с оттенком негативности. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что значение физического параметра, зафиксированное в современных словарях в ассертивной части значения исследуемой лексемы, недостаточно для объективного представления о характеристике дородного человека в современном социуме.

* * *

Исследование показало, что особенности телосложения человека, в частности дородного человека, могут мотивировать появление у соответствующих слов производных значений, связанных с социальными характеристиками человека ('могуществом' — *дородные государи*, 'значимостью' — *устроил кормлением ... по отчеству и по дородству* и др.), а контекстное сочетание телесной характеристики с указанием на социальную роль может создавать дополнительные коннотации, призванные более ярко и точно описать социальный образ человека (*к дородным дядькам — руководителям прошлого* — намек на материальное благополучие советских чиновников).

В отличие от литературного языка в диалектах качество дородного главным образом связывается с красотой, внешней при-

влекательностью человека и положительно оценивается в обществе, но не в контексте его морально-нравственных качеств, а преимущественно с точки зрения работоспособности.

На протяжении времени оценка телосложения, называемого *дородным*, существенно изменилась: если в исторических словарях русского языка (XI—XVII вв.) оценка дородного человека в большей мере связана с его социальностью, нежели с особенностями телосложения (при этом дородный человек наделялся нравственными качествами, в частности мужественностью, благородством и др., которыми обладали государи, бояре, князья, добры молодцы и т. п.), то в XXI веке это качество утрачивает столь явно выраженные позитивные характеристики и рассматривается как недостаток, связанный с физической распущенностью человека, идущей вразрез с новыми представлениями о здоровье.

1.3. БРИТОГОЛОВЫЙ МОЛОДЧИК: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕКА, ЛИШЕННОГО ВОЛОС

А. В. Щетинина

Как уже было показано выше, в обыденном сознании характеристики внешности человека являются основанием для прагматических и эстетических оценок (см. об этом: [Богуславский, 1994; Мазалова, 2001; Кабакова, 2001] и др.). В данной части монографии мы представим лингвистический анализ социального типажа в соответствии с его анатомическими характеристиками, в частности отсутствием волос. На примере нескольких лексем, называющих особенности внешнего вида головы человека: *бритый*, *бритоголовый*, *безволосый*, *лысый*, — являющихся частью одного лексико-семантического множества «Характеристика волосяного покрова головы», мы покажем, как организован лингвокультурный типаж человека, имеющего такую особенность внешности, как отсутствие волос. Для этого выполняется дефиниционный анализ, нацеленный на описание особенностей репрезентации данных лексем в лексикографических источниках; компонентный анализ — с целью установить социальные семы в ассертивной части значений, а также дискурсивный анализ, который позволяет выявить социальные семы в прагматической пресуппозиции.

1.3.1. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМ *БРИТЫЙ*, *БРИТОГОЛОВЫЙ*, *БЕЗВОЛОСЫЙ*, *ЛЫСЫЙ* В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В современных толковых словарях характеристики головы человека по наличию волос представлены лексемами со значениями, имеющими в ассертивной зоне семы, не связанные с социальными характеристиками. Так, в «Словаре русского языка» данные характеристики человека представлены следующим образом: *бритый* ‘со сбритыми волосами’ (*Бритое* лицо. Это был приземистый, плотный мужчина с круглым брюшком, с **бритым** подбородком и полуседыми бакенбардами. С. Скиталец. Кандалы) [СлРЯ, т. 1, с. 116]; *бритоголовый* ‘с обритой головой’ (*Чорохов и какой-то немолодой бритоголовый майор стояли спиной к двери у прикрепленной к стене большой карты Лужского района. А. Чаковский. Блокада*) [Там же]; *безволосый* ‘лишенный волос’ [Там же, с. 70]; *лысый* ‘с лысиной’ (*Лысый старик. Долго Можайский всматривался в его желтое, усталое лицо, лысый череп, обрамленный редкими седыми волосами. Л. Никулин, России верные сыны*) [Там же, т. 2, с. 206]. Те же значения дают и другие словари. Различия между дефинициями проявляются только в наличии статичных (*безволосый, лысый*) или динамических сем (*бритый, бритоголовый*).

Социальная характеристика человека фиксируется только в полисемичном субстантивате мужского рода *бритый* в «Большом словаре русского жаргона»: ‘угол. взятый под стражу’, ‘жар., угол. призывник в армию’, ‘крим., мил. молодой член группировки рэкетиров’ [Мокиенко и др., 2000, с. 77]. Прилагательное *бритоголовый* в словаре не зафиксировано.

В диалектных словарях характеристики внешности человека, связанные с отсутствием волос, представлены лексемами (именами существительными), значения которых репрезентируют как объективные анатомические характеристики головы человека,

так и социальные оценки. Так, лексемы волог. *бритьень* ‘лысый человек’ [СГРС, т. 3, с. 185], новг. *бритачок* ‘ласк. стриженный наголо человек’ (*Ой какой мой бритачок бритачок, бритенькой. Кто ж тебя остриг-то так?*) [НОС, 2010, с. 71], новг. *бритик* ‘то же, что бритачок’ [Там же], твер. *бритик* ‘человек, коротко стриженный или бритый’ [СРНГ, т. 3, с. 181] называют характеристики внешности человека, не связанные с его социальностью. Однако в «Словаре русских народных говоров» находим орл. (насмешл.) *бритка* ‘прозвище женщины с отрезанной косой’ (*Баба что-то украла и была уличена в воровстве; ее вымазали дегтем и обсыпали пухом, косу ее отрезали. Бабу водили по улице, а ребяташки подгоняли ее «прутьями» и кричали: бритка (бритая), бритка!*) [Там же]; *бритолоб* ‘рекрут’ [Там же, с. 182] с явно выраженными социальными коннотациями в ассертивной и пресуппозиционной частях значения: сбривание или состригание волос является знаком совершения проступка (в пресуппозиции: ‘баба что-то украла’) или приобретения нового статуса (в ассерции: ‘рекрут’). Последняя лексема является дериватом *брить* ‘брать в солдаты’.

Данные исторических словарей русского языка также свидетельствуют о том, что характеристики волосяного покрова головы человека не связываются с его социальностью. Так, в «Словарь русского языка XI—XVII вв.» включены лексемы *безвласый* ‘безволосый’ (*Женѣже лице и власи чръмни, подобно же <e> и муж, сесца имѣаше и безвласъ, власи же надчернь, XV в. ~ XI в.*) [СлРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 98] и *лысый* ‘лысый, лишенный волос на голове’ (*[Жители новой Испании] лысы не родомъ, токмо рвутъ власы за пригожество то имѣють, 1670*) (появляется эстетическая оценка); *Знай лысыхъ, не проходи плъшивыхъ, XVII в.*) [Там же, вып. 8, с. 317]. В «Словаре русского языка XVIII века» в значениях лексем, характеризующих человека по отсутствию волос

на голове, в ассертивной зоне также нет явно выраженных социальных сем, которые, однако, появляются в пресуппозиции. Так, прилагательное *брить* (*Хотяб и бритой к нам татарин подскочил И тот бы думаю ерошки получил*) [СлРЯ XVIII, 1984, вып. 2, с. 141] в иллюстрации приобретает социально маркированную коннотацию в связи с подключением этнической тематики: *брить татарин*. Возможно, появление социальных коннотаций в пресуппозиционной части значения слова *брить* поддерживается наличием таких же коннотаций в прагматической пресуппозиции глагола *брить*: *Велят нам брады брить: а мы готовы главы наши за брады наши положити; Он брѣет салдат в недѣлю по единожды; <Черкасы> брѣют головы оставляя на верхушкѣ только хохолок* [Там же, 1984, вып. 2, с. 141]. Контексты показывают, что речь идет об определенных исторических периодах (о бритье бород по указу Петра I), о рекрутской повинности (бритье солдат) или о типичном образе представителя определенной национальности (бритье голов у черкесов). Фразеологизм *брить лоб (лбы)* [Там же], включенный в словарную статью, также имеет явную социальную маркированность: *брить, выбрить, забрить, обрить ... лоб* ‘признать годным для набора в солдаты; взять, отдать в рекруты’ [Осип:] *Наглядѣлся я на помѣщикав и на прикащикав, ане у них што хотят то дѣлают; ты не узнаишь, как мнѣ лоп обрѣют ...* [Кристина:] *Ах! тебя в салдаты!; Лбы крестьянам бреет, Не внимая плач и стон, Слез семейств их не жалеет, На всё смотрит равно он* [Там же, вып. 11, с. 209]. Другие лексемы в ассертивной и пресуппозиционных зонах значения отражают только биологические характеристики человека по наличию волосяного покрова голова (часто связанные с возрастом, то есть старческим выпадением волос): *лысый* ‘с лысой головой, без волос на голове, плешивый (о человеке)’ *Мнѣ дѣвушки шептали: Ты стар, и сѣд и лыс. Лысый, субст. Позавидовал плешивой лы-*

сому; Л. голова, чело. Какой мирный блъск разливает Луна на его лысую главу и на его сребровидную бороду! [Там же, вып. 11, с. 253]; *лысастый* и *лысатый* (‘прост. имеющий большую лысину, лысый’) [Там же, с. 252]; *безволосый* (значение не указано).

Таким образом, анализ характеристик человека по волосяному покрову головы показывает, что лексикографические источники фиксируют преимущественно обозначения анатомических особенностей внешности человека, за исключением некоторых лексем, зафиксированных в жаргонном (*бритый*) и диалектном (*бритка, бритолоб*) словарях. Однако в некоторых случаях социальные коннотации появляются в пресуппозиционной зоне значения (*брить, бритый* в [СлРЯ XI—XVII] и [СлРЯ XVIII]).

1.3.2. ЛЕКСЕМЫ **БРИТЫЙ, БРИТОГолоВЫЙ, БЕЗВОЛОСЫЙ, ЛЫСЫЙ** В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Анализ функционирования лексем в разных дискурсах позволяет выявить контекстно обусловленные изменения в семантике слов, уточнить современный объем понятия и зафиксировать новые смыслы. В литературно-художественном дискурсе, представленном контекстами, отобранными в Национальном корпусе русского языка, значения исследуемых слов закономерно находятся в соответствии с данными лексикографических источников, например: *«Они тоже не могут вспомнить», — догадалась Новенькая, заметив, с каким напряжённым вниманием смотрит на неё плотный, наголо бритый человек, сидящий по-восточному чуть поодаль* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого // Новый Мир, 2000); *Монах слева у входа «в лотосе» бритоголовый дедок, похожий на Дэн Сяопина* (А. Буданов. Бангкок за один день // Пятое измерение, 2003); — *Сухо, — полувопросительно сказал главный, круглоголовый и безволосый* (С. Шаргунов. Соков, 2011); *Лысый*

толстяк Антипов лупил кулаком по спине другого толстяка, усатого и курчавого Роберта, а тот пихал Антипова кулаком в живот (Д. Бавильский. Чужое солнце, 2012) и др. Это наблюдение справедливо как для художественной литературы XXI века (примеры см. выше), так и для произведений более раннего периода, например для литературы первой половины XX века: *Ещё военный, один ромб. Какой-то бритый, с забинтованной головой* (М. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман), 1936—1937); *Вдруг она заметила, что там быстро от кресел к бюро переходят ее сегодняшние знакомые — товарищ Бендер и его спутник, бритоголовый представительный старик* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1927); *Безволосый старик, нехорошо округлив медные глаза, посмотрел на Петра и размашисто, с явной нарочитостью, перекрестился* (М. Горький. Дело Артамоновых, 1924—1925); *Она прислушалась к шуму в окружающем воздухе — за забором сбрасывали тес, и слышно, как внизывались лопаты в грунт; у железного навеса стоял непокрытый лысый человек и играл на скрипке мазурку в одиночестве* (А. Платонов. Счастливая Москва, 1936) и др. Таким образом, в литературно-художественном дискурсе актуализируются те значения исследуемых лексем, которые зафиксированы в лексикографических источниках.

1.3.3. ЛЕКСЕМЫ **БРИТЫЙ**, **БРИТОГоловый**, **БЕЗВОЛОСЫЙ**, **ЛЫСЫЙ** В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Анализ функционирования исследуемых слов в газетном дискурсе показывает, что три слова из этого ряда — *безволосый*, *лысый* и *бритый* — обозначают анатомические характеристики внешнего вида человека, например: *Ушастый, усатый, волосастый или безволосый — он виртуозно менял свои великолепные маски, неизменно выполняя взятую им на себя худо-*

жественную и гражданскую миссию: высмеивать дураков, невежд, чиновников (О. Кучкина. Столикий гений // Комсомольская правда, 2006.10.24); *Один лысый бородатый мужичок, изрядно потрепанный жизнью и немилосердно постаревший, целует другого — такого же* (С. Манукова. Шведская «армия любителей» разбушевалась // Комсомольская правда, 2013.08.05); — *Маша! — говорит бритый Саша. — Я испытываю к тебе за твой поступок омерзение и презрение* (У. Скойбеда. Пионерлагерь строгого режима // Комсомольская правда, 2013.10.10) и др. В ряде контекстов у слова *бритый* появляется дополнительная коннотация брутальности внешнего вида (бритая голова производит впечатление угрозы), например: *Но он же не текстами был силён, а бритый череп, подбородок вперёд, тёмные очки, свободу политзаключённым* (Э. Лимонов. Размагничивают Удальцова // Известия, 2013.02.25) и др.

В некоторых контекстах характеристика бритой головы косвенно может указывать на род занятий, особенности поведения и т. д. Например, в предложении *Здоровенный наголо бритый детина в камуфляжных штанах, тяжелых ботинках и с баулом (скорее всего, солдат-отпускник или молодой офицер)* (А. Синельников, А. Родкин. Почему они нас останавливают? // Комсомольская правда, 2005.04.25) признак бритой головы свидетельствует о принадлежности мужчины к военной среде. В другом контексте: *Потому что проявления нетерпимости — это не только бритый бугай с монтировкой, реагирующий на появление в поле его зрения человека с нерусской формой носа* (Оскорбление памяти // Известия, 2007.12.24) — данная характеристика указывает на принадлежность к националистической группировке скинхедов, которых иначе называют *бритоголовыми*. Именно последняя характеристика имеет ярко выраженную социальную коннотацию.

1.3.4. **БРИТОГОЛОВЫЙ** КАК *НОМО SOCIALIS* В ГАЗЕТНОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСАХ

Газетный корпус НКРЯ показывает более 200 вхождений слова *бритоголовый*. Их анализ позволяет выделить три значения, в которых функционирует данное слово.

Первое значение, наименее употребительное, совпадает с зафиксированным в словарях литературного языка — ‘со сбритыми волосами, лишенный волос’, то есть слово называет анатомическую характеристику внешности человека: *Первый же удар в створ норвежцев завершается голом, и бритоголовый Лаурсен фиксирует взятие ворот* (С. Егоров. «Молодежка» не может забить уже пять игр подряд // Советский спорт, 2004.04.29); *Эксцентричный бритоголовый норвежец, превращающий традиционные пресс-конференции перед матчами в комический театр одного актера, отправился покорять немецкую бундеслигу* (Д. Спирын. «Опять двойка?» Обзор первых матчей 4-го квалификационного раунда Лиги чемпионов // Советский спорт, 2011.08.18); *Я сидел, бритоголовый, в этой машине и раздавал автографы* (И. Евдокимов. Виктор Сухоруков: Лучше играть придурка, чем быть им // Труд-7, 2001.02.08) и др. В некоторых контекстах появляется дополнительная коннотация брутальности, когда речь идет о людях, напоминающих внешностью или действиями бандитов: — *А вот и портреты иркутского Военно-Революционного Комитета: бритоголовый Сурнов, бандитское лицо; черноусый, похожий на Сталина, Флюков ...* (А. Солженицын. Из путевых записей, 1994 // Труд-7, 2003.12.04); — *Я пытался объяснить, что журналист, имею право... Но бритоголовый стал меня душить. Потом подбежали остальные телохранители ...* (Я. Щеголихина. Телохранители Кашпировского избили на Камчатке журналистов // Комсомольская правда, 2006.06.06) и др. Появление данной коннотации в ряде случаев может быть

результатом сближения с жаргонным словом *брить*, имеющим в словаре пометы «уголовное», «криминальное», «милицейское» («угол. взятый под стражу»; «крим., мил. молодой член группировки рэкетиров» [Мокиенко и др., 2000, с. 77]). Само слово *бритоголовый* в этом словаре, как отмечалось выше, не зафиксировано.

Второе значение, видимо, также имеет семантическим источником значения жаргонного слова *брить* и характеризует особенности внешнего вида бандитов: *Однажды явился в кабинет бритоголовый “икаф” с толстой золотой цепью на шее и заявил прямо с порога: “Если не вылечишь, убью!”* (А. Петров. Заходите на прием карате // Труд-7, 2008.09.24) (в данном контексте перечислены особенности внешности, типичные для бандитов 90-х годов XX века, сравним: *Это был настоящий мелкий бандит, с килограммовой золотой цепью на шее, с золотым же крестом, коротко стриженный, почти бритоголовый* (В. Березин. Свидетель // «Знамя», 1998) и др.

Третье значение, наиболее часто встречающееся в газетном дискурсе XXI века, не отражено ни в одном из просмотренных словарей. В данном значении слово *бритоголовый* характеризует «человека, принадлежащего к националистической группировке скинхедов»: *На зачистку националисты идут подготовленными. Бритоголовый парень в кожаных перчатках достает биты* (К. Ахметжанова. Русскую зачистку националисты провели заодно с полицией // Комсомольская правда, 2013.08.08]; *На пресс-конференции с журналистами в зал вошел бритоголовый пацан и заорал: «Сейчас появится фюрер партии»* (Д. Асламова. Греки, потерявшие работу: «Евросоюзу нужен Сталин! Чтобы расстрелять банду банкиров-спекулянтов» // Комсомольская правда, 2012.06.18) и др. В части контекстов данная характеристика репрезентирована субстантиватом, таким образом, на наш взгляд, можно говорить о появлении

новой лексической единицы, синонимичной слову *скинхед*: *Как рассказали «Известиям» в УВД Харьковской области, местный нацист Артем Дериглазов, находящийся сейчас на скамье подсудимых за убийство милиционера, совершил четыре вооруженных ограбления банков, а его сообщником был «некий неустановленный бритоголовый из России»* (А. Литой. Украина стала пристанищем русских наци // Известия, 2011.10.09); *А по государственным телеканалам неожиданно активно начали крутить сюжеты, в которых рассказывалось о сути скинхедовского движения, о том, как выглядит настоящий бритоголовый и кого он должен бить* (Итоговый выпуск (вечерний) — 28.10.04 — Челябинск // Новый регион 2, 2004.10.29) и др. Как отмечает У. Н. Фысина, субстантиваты в газетно-публицистических текстах создают новый общественно-политический лексикон: «Бритоголовые вооружились до зубов» [Фысина, 2007, с. 13]. Более того, «перегруппировка смысловых функций слова — яркий пример формирования публицистической лексики, характеризующей политическую ситуацию в определенный исторический период жизни общества» [Там же].

На закрепленность за субстантиватом *бритоголовый* нового значения (то есть на синонимию между этой номинацией и словом *скинхед*) указывает и его использование в научном и научно-популярном дискурсе: *В первую очередь бритоголового можно легко идентифицировать по голове, стриженной наголо и выбритой до блеска. Эта «прическа» отличает наиболее ортодоксальных «идейных» адептов движения* [Беликов]; *При этом, как показывают проведенные исследования, большая часть российских «бритоголовых» не имеют полной информации о движении, к которому себя причисляют, и восприняли лишь внешний облик западных «скинхедов»* [Родионов, 2008, с. 176]; *По активности и массовости движение российских «бритоголовых» занимает*

лидирующее место среди неорганизованных групп экстремистски настроенной молодежи [Демидова-Петрова, 2015, с. 74] и др.

Таким образом, анализ распределения социальных сем в разных частях структуры значения слова *бритоголовый* позволяет проследить его семантическое развитие. Можно констатировать, что сначала социальные семы присутствовали только в прагматической пресуппозиции, а впоследствии произошла субстантивация слова, и оно приобрело новое значение: ‘член российского молодежного движения скинхедов, агрессивно настроенного по отношению к представителям других рас и национальностей’ (одним из характерных внешних признаков является бритая наголо или коротко стриженная голова). Данное значение отсутствует в большинстве проанализированных лексикографических источников, в том числе в словаре жаргона, а также в «Толковом словаре современного русского языка» В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатиной, фиксирующем активную наиболее употребительную лексику русского языка конца XX — начала XXI веков. Между тем, судя по количеству вхождений слова *бритоголовый* в данном значении в текстах СМИ (87 из 119 — в АиФ; 123 из 170 — в Российской газете; 186 из 208 — в Комсомольской правде и др.), оно функционирует в современном газетном дискурсе преимущественно в социальном значении (‘скинхед’). Оно относится к тем лексическим единицам, «в содержании которых присутствуют семантические компоненты ‘социальный’ или ‘относящийся к реалиям социальной жизни’, представленные как в виде эксплицитных, так и имплицитных составляющих лексической семантики» [Загоровская и др., 2011, с. 250]. Так, слово *бритоголовый* в значении ‘то же, что скинхед’, маркированное как разговорное, представлено в издании «Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы» О. В. Григоренко со ссылкой на «Словарь современных понятий и терминов» [Григоренко,

2009, с. 67], адресованном, скорее, специалистам, нежели широкому кругу читателей.

Исследование лексических единиц, характеризующих анатомические особенности головы человека по наличию волос, осуществленное с использованием методов компонентного, дефиниционного и дискурсивного анализа, позволило выявить среди анализируемых в данной работе слов лексему *бритоголовый* в новом социальном значении, которое может быть учтено при лексикографическом описании слова. Кроме того, установлено, что слова *бритый* (жаргонизм), *бритка* (диалектизм), *бритолоб* (диалектизм) в ассертивной и пресуппозиционной зонах значений имеют социальные коннотации, следовательно, они (как и лексема *бритоголовый*) могут быть включены в тематическую группу, объединяющую номинации лиц, внешний вид которых характеризует человека как *homo socialis*, то есть с точки зрения социального статуса.

2

**ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ
ОПЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА**

(Т. В. Леонтьева)

2.1. РУССКАЯ ЛЕКСИКА ОПЫТА: РЕГУЛЯРНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Т. В. Леонтьева

Обозначения опытности и неопытности принадлежат разным подсистемам русского языка, то есть присутствуют в литературном языке, в русских народных говорах, жаргонах, городском просторечии, и могут быть объединены в весьма обширное лексико-семантическое поле «Опыт».

Анализ семантики подобных единиц показывает, что номинации, характеризующие человека с точки зрения имеющегося у него опыта, различаются на уровне денотата: может подразумеваться в целом жизненный опыт (*Бедовый парень, проел зубы и губы, все знает* [СРНГ, т. 32, с. 132]) либо — что бывает чаще — какая-то его составная часть: профессиональный опыт (*Дюже в работе справляется, зубы приел на этом деле* [СРНГ, т. 31, с. 203]), опыт общения (коммуникативный опыт: *Говорить-то я беса съела* [СПП, с. 17]) и т. д. При этом в случаях, когда речь идет о жизненном опыте в целом, маркируется чаще всего такое проявление опыта, как хитрость, иначе говоря — качество личности как результат приобретенного опыта. В случаях же, когда подразумевается «специализированный» опыт в какой-либо сфере, он приравнивается к умениям.

Эти номинации к тому же обладают столь большой выразительностью привлекаемых образов из разных предметно-те-

матических сфер, что очень любопытно с позиций ономаσιологического подхода. Исследование номинаций, составляющих данное поле, в аспекте их мотивации позволяет составить представление о способах концептуализации социальной действительности, поскольку опыт преимущественно социален: он приобретает во взаимодействии человека с другими людьми (если речь не идет о познании исключительно свойств материального мира).

С учетом выразительности метафор волне закономерно, что к исследованию фразеологии опыта уже обращались лингвисты. Так, Ч. Г. Гогичев, констатируя факт необходимости изучения взаимосвязи буквального прочтения идиомы и ее актуального значения, проводит сравнение фразеологизмов из трех языков и заключает: «Приведенный материал показывает, что средства идиоматики привлечены в русском языке для того, чтобы обозначить опыт как способность избегать неблагоприятных ситуаций, знать, что нужно делать в тех или иных обстоятельствах. Немецкий материал показывает спецификацию опыта в таком же отношении, но допускает детализацию способностей, получая объектную валентность. В осетинском языке, кроме выделения указанной способности, определяется человек, активно использующий накопленный опыт для получения выгоды» [Гогичев, 2010, с. 59]. Не вполне ясна процедура интерпретации фразеологизмов, в частности, русских выражений *тертый калач*, *стреляная птица*, *стреляный воробей*, *старый волк*, *старый воробей*, *старый лис*, в процессе рассмотрения которых автор пришел к выводу о том, что опыт понимается носителем русского языка «как способность избегать неблагоприятных ситуаций, знать, что нужно делать в тех или иных обстоятельствах»; неясно, следует ли это из анализа семантики, контекстов или из препарирования образной структуры выражений.

Если воспользоваться инструментами ономаσιологического подхода к исследованию языковых единиц, то можно назвать наиболее продуктивные регулярные (то есть подтверждаемые множественностью лексических репрезентантов) семантические модели, воплощенные в русской лексике и фразеологии, входящей в состав поля «Опыт»:

(1) «кто долго жил, старый → опытный» («жить → набираться опыта», «быть молодым → быть неопытным» и т. д. — далее не будем приводить вариации моделей, появление которых обусловлено системно-языковыми факторами — например, антонимией или морфологическими характеристиками слов; формулировки по противоположности обозначают обычно оппозиционный полюс модели): дон., петерб. *ста́рый* и *старо́й* ‘умный, хитрый, опытный’ (*Какой ты старый. Она такая старая*) [СРНГ, т. 41, с. 89], костром. *старинный* ‘опытный, бывалый’ (*Я пчеловод-то старинный*) [СРНГ, т. 41, с. 74], вят. *ста́рый* *ко́валь* ‘о человеке опытном, бывалом’ [СРНГ, т. 41, с. 89], прост. *старая лиса* ‘об опытном, бывалом человеке’ [БСРП, с. 363], краснодар. *стариковать* ‘вести себя как взрослый, опытный человек (о детях)’ (*Не старикуй, а то ты большие старого знаешь*) [СРНГ, т. 41, с. 71], литер. *дитя* ‘о наивном, неопытном человеке’ [СлРЯ, т. 1, с. 404], пск. *ещё век не жил* ‘о молодом, неопытном, не испытывавшем трудностей человеке’ (*Так ня надо говорить, Рима Георгиевна, ты ешио век не жила*) [СПП, с. 20], костром., волог., пск. *сопленосый* ‘малолетний, очень молодой, неопытный’ (*Нас хотели просмеять Девки сопленосые (частушка); Молодой говорят: — Смотри-ты, давно ли была сопленосая девченка, а нынче — невеста*) [СРНГ, т. 39, с. 335], горьк. *сопли висят у (до) нижней губе* ‘о молодом, неопытном, неумелом человеке’ (*Ша, у самого сопли висят у нижней губе, а старых учишь. Сопли висят до нижней губе, а не в свое дело лезешь*) [СРНГ, т. 39, с. 336], пск.

еще и бороды не брил ‘о молодом, неопытном человеке’ [СПП, с. 18], перм. *век (жизнь) вѣдеть* ‘приобретать жизненный опыт’ (*Он только жизнь начал видеть и вот утонул*. Б. Долды Черд. Веку-то не видела, не знат, как грабли держатъ — всё поле-то изборозила) [Прокошева, с. 49], диал. (б/у места) *пожитой* ‘умудренный жизненным опытом’ (*Как судьи да в тую пору не молодые, Пожиты да мужики были почетные, Настойсливы оны да правосудливы*. — Причитания) [СРНГ, т. 28, с. 297], олон., свердл. *живалый* ‘опытный, бывалый’ (*Живалый, брат, этот человек, — вишь ен про все знае; Живалый мужик, поможет вам*) [СРНГ, т. 9, с. 149], пск. *жилой* ‘бывалый, опытный’ (*Он человек-то жилой, всяких мудростей видал*) [Там же, с. 176] и др.;

(2) «кто много страдал, претерпел много воздействий → опытный»; образная палитра составлена предикатами деструктивного воздействия — *тертый, битый, стеганный, жеванный, мятый, тыканный, жжсеный, стрелянный, травленный, искусанный*: нижегор. *немятый* ‘не испытывавший трудностей, тяжестей жизни, неопытный’ [СРНГ, т. 21, с. 90], пск., твер. *тёртыш* ‘об опытном, выдавшем виды человеку’ [СРНГ, т. 44, с. 85], пск., твер., костром. *обтёртыш* ‘об опытном, выдавшем виды человеку’ [СРНГ, т. 22, с. 243], жарг. угол. *битая рысь* ‘опытный, ловкий, надёжный человек’ [БСРП, с. 589], печор. *битый по плечу* ‘бывалый, опытный, много повидавший, много знающий’ [ФСРГНП, т. 1, с. 44, 79], том. *настегованный* ‘наученный, опытный’ (*Твой сын настегованный: Маньку пол учит мыть*) [СРНГ, т. 20, с. 190], сиб. *молода да настёгана* ‘не по годам опытная, изворотливая; рано проявившая себя с отрицательной стороны; из молодых да ранняя’ [ФСРГС, с. 113], калуж. *понатерётся* ‘приобрести навыки, опыт в чём-л.; освоиться в какой-л. среде’ (*Был в писарях, а теперь понатерся и повыше стал*) [СРНГ, т. 29, с. 250], волог. *понатолкаться* ‘приобрести навык, опыт в чём-л.; освоиться в какой-л. среде, стать

проворнее' (*В людях поживет, так понатолкается*) [СРНГ, т. 29, с. 250], диал. (б/у места), орл. *намулёванный* 'умелый, ловкий, бывалый, опытный' (*Этот человек намулеванный, везде бывает*) [СРНГ, т. 20, с. 42] (ср. зап.-брян. *намүливать* 'набивать, натирать (руку, ногу, шею и т. п.), вызывая болезненное раздражение' (*Намуливать, намулить руку, ногу; Бачите, он себе ногу намулил*) [Там же]), волог. *отыковатый* 'опытный; осторожный, разборчивый' (*Отыковат мужик-от: не вдруг купит*) [СРНГ, т. 25, с. 15], народн. *травленный зверь* 'об опытном, бывалом человеке' [БСРП, с. 250], прост. *травленая лиса* 'об опытном, бывалом человеке' [БСРП, с. 363], олон. *жéванный* и *жéванный* 'много видевший и испытывавший в жизни; бывалый, опытный' [СРНГ, т. 9, с. 96], ворон., курск. *жéга* 'плут; обманщик; хитрый, опытный, бывалый человек' [СРНГ, т. 9, с. 97], народн. *обожжённный кирпич* 'об опытном, бывалом человеке' [БСРП, с. 284], яросл., ворон. *прожóга* 'сведущий, опытный человек' [СРНГ, т. 32, с. 137], пск., твер. *вы́жига* 'человек бывалый, испытывавший в жизни плохое и хорошее' [СРНГ, т. 5, с. 279], диал. (б/у места) *ошмы́га* 'о бывалом, опытном, выдавшем виды человеке' [СРНГ, т. 25, с. 94], диал. (б/у места) *ошмы́гиваться* 'стать бывалым, опытным; освоиться в какой-либо среде, обстановке' (*Он ошмыгался по свету, «обтерся, налощился»*) [СРНГ, т. 25, с. 94], волг. *не уку́сывала своя вошь кого* 'о неопытном, не знающем жизни человеке' [БСРП, с. 104], арх. *тíканный* 'опытный (о человеке)' (*Я сам человек тиканный, много в кохтах [когтях] был, много и испытал*) [СРНГ, т. 44, с. 120] (ср. новосиб. *тíкать* 'жалить, кусать (о насекомых)' (*Сильно тикают мухи, к злой зиме тикают очень больно*) и диал. (б/у места) *тíкать* 'издавать сухой, резкий звук при просверливания древесины (о жуках, насекомых)' [Там же]);

(3) «кто бывал в разных местах → опытный»: пск. *все го-рода пройти* 'много повидать, испытать, приобрести жизнен-

ный опыт' (*Што ж ей конь, она все гарады прошла*) [ПОС, т. 7, с. 118], арх. *пройти горы и воды* 'приобрести жизненный опыт, многое испытать' [АОС, т. 9, с. 321], карел. (рус.) *пройти горы и норы* 'приобрести жизненный опыт, многое испытать' [СРГК, т. 4, с. 40], волгогр., прикам. *пройти все дорожки и лужки и крутые бережки* 'много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт' [БСРП, с. 198]; новг. *обойти (обегать) Русу и (на) Ладугу* 'много познать в жизни, приобрести большой жизненный опыт' [СРНГ, т. 22, с. 260], пск. *небывальщина* 'неопытная, неумелая работница' [СРНГ, т. 20, с. 323];

(4) «кто много видел, слышал → опытный»: *видал (видывал) виды* 'о много испытавшем, побывавшем в разных переделках, опытном человеке' [БСРП, с. 86], пск., твер. олон., том., иссык-кульск. *видальный* 'много видевший в своей жизни, бывалый, опытный' (*Вы люди видалье*) [СРНГ, т. 4, с. 273], арх. *видкой* 'опытный, много повидавший' (*Видкой человек, все видит, знает кажно место*) [СРНГ, т. 4, с. 275], пск., твер. *видальщина, видальщина, видальщинка* 'о том, кто много видел, много знает' [СРНГ, т. 4, с. 273], перм., ср.-урал. *видок* 'тот, кто много видел' [СРНГ, т. 4, с. 276], пск. *глазы не первые у кого* 'об опытном, мудром человеке' (*В мяня ведь глаза-та ня первые*) [СПП, с. 26], карел. (рус.) *открывать глаза* 'взрослеть, набираться жизненного опыта' [СРГК, т. 4, с. 301], арх. *с глазу* 'своим опытом, на основе своих наблюдений' [АОС, т. 9, с. 79], диал. (б/у места) *слыхивали мы слухи, видывали виды* 'нас трудно удивить (о людях бывалых, опытных)' [СРНГ, т. 38, с. 325], онеж. *терёхино јхо* 'о ловком, опытном, видевшем виды человеке' [СРНГ, т. 44, с. 74–75]; в том числе «кто видел невероятное или скабрзное → опытный»: пск., шутол.-ирон. *в каше костей не видал* 'о мало испытавшем, неопытном человеке' [БСРП, с. 282], прибайк. шутол.-ирон. *голую бабу в кративе не видал [не видывал]*

‘о том, кто ещё недостаточно опытен; кто неискушен, несведущ’ [БСРП, с. 22];

(5) «кто попадал в разные (в том числе трудные) обстоятельства → опытный»: пск. *бывать и на коне и под конём* ‘многое испытать, приобрести опыт в жизни’ (*Онь уже бываль и на коне и подь конёмь*) [СПП, с. 46], волгогр. *быть во щах и в каше* ‘многое испытать, быть опытным’ [БСРП, с. 762], пск. *пройти огонь, воду и медные трубы* ‘приобрести жизненный опыт, многое испытать в жизни’ (*Прошёл огонь, воду и мённые трубы*) [СПП, с. 58], рус. (карел.) *на всяких косах перерезаться* ‘побывать в разных перипетиях жизни’ [СРГК, т. 2, с. 437];

(6) «кто умеет что-либо делать, знает порядок, имеет навык → опытный»: народн., шутол.-одобрит. *не на руку лапоть обувает* ‘об опытном, предприимчивом, неглупом человеке’ [БСРП, с. 584], прост. ирон. *не учи дедушку кашлять* ‘незачем давать советы опытному человеку’ [БСРП, с. 134]; умение что-либо делать соотносится со знанием порядка, «процедуры»: волгогр. *знать все протоколы* ‘быть опытным, сведущим в различных делах, много знать’ [СДГВО, с. 210], ср.-урал., костром. *необрядный* ‘неопытный, неумелый’ (*Шо с его взять, он еще необрядный*) [СРНГ, т. 21, с. 100]; умение и навык находятся в тесной связке в операциональной действительности, поэтому в русских народных говорах производные от *обыкнуть* (имеющего исторически корень -ук- и означающего ‘научиться привыканием’) используются как характеристики опытного и неопытного человека: новг. *обычайный* ‘привычный, бывалый, опытный’ [СРНГ, т. 22, с. 289], перм. *необыкновенный* ‘не привыкший к чему-либо, неопытный в чем-либо’ [СРНГ, т. 21, с. 100], пск., твер. *необычливый* ‘не имеющий опыта, навыка, непривычный к чему-либо’ (*Необычливая к езде лошадь*) [СРНГ, т. 21, с. 100];

(7) «кто узнал меру вещей (вес, время) → опытный»: литер. *узнать, почём фунт лиха*, пск. *знать / узнать, почём фунт жареного гвоздя (изюма)* (шутл.) ‘испытать много трудностей, горя, приобрести определённый жизненный опыт’ (*Знали бы, пачом фунт жаренава гвоздя; Поживёшь один, узнаешь, почём фунт изюма*) [СПП, с. 62];

(8) «кто попробовал разную еду → опытный»: волгогр. *не с одной печи хлеб ел* ‘об опытном, бывалом человеке’ [БСРП, с. 497], пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ (*Я са всех печек хлеба покушала*) [СПП, с. 60], дон. *проётъ зубы и губы* ‘быть сведущим, опытным’ (*Бедовый парень, проел зубы и губы, все знает*) [СРНГ, т. 32, с. 132];

(9) «кто многое попробовал делать → опытный»: волог. *во все бёрда переткать* ‘много испытать, повидать в жизни’ (*Во все бёрда переткала, всякого пережила*) [КСГРС], волг. *купался в семи водах* ‘об опытном, бывалом человеке’ [БСРП, с. 91].

Привлеченные номинатором для именованя опыта, процесса его приобретения, опытного и неопытного человека образные средства основываются на мотивах возраста (старости — молодости), обработки (битый, тертый, жженный и др. — небитый, нетертый и др.), освоения пространств (бывал — не бывал), перцептивного восприятия (видел и слышал — не видал, не слышал), разнообразия обстоятельств (оказаться в разных положениях), умелости (умеет, знает порядок — не знает порядка, неправильно делает что-либо), пробы (попробовавший разную еду и разные занятия — ничего не испытывавший) и рисуют образ человека, который сам выступает актором (субъектом действия) и в этой деятельности, характеризующейся длительностью, меняется.

На социальность опыта явственно указывает лексическая фиксация с корнем *-люд-*: костром. *людной* ‘грамотный, опытный, знающий’ (*Людные-то разбирались, когда сиять надо*) [ЛК ТЭ].

Далее уделим внимание двум мотивационным комплексам (мотивам передвижения и мотивам еды), которые имеют разветвленную структуру: средствами соответствующих предметно-тематических сфер воплощены различные мотивы. Кроме того, на фоне выявленных регулярных семантических соответствий становится возможным выдвинуть версии для объяснения идиом с «затемненной» внутренней формой — *собаку съесть, беса съесть, знать свиные полдни*.

2.2. МОТИВЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ОПЫТА

Т. В. Леонтьева

Мотивационный анализ языковых единиц, обозначающих опыт или его приобретение, выявляет несколько линий метафоризации представлений об опыте. В частности, в данном лексико-семантическом поле функционирует кулинарно-гастрономическая метафора (пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘многое испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ [СПП, с. 60] и др.), мифологическая метафора (пск. *беса съест* ‘приобрести опыт в чем-либо’ [СПП, с. 17]), перцептивная метафора (арх. *с глазу* ‘своим опытом, на основе своих наблюдений’ [АОС, т. 9, с. 79] и др.) и некоторые другие. В этом ряду находится и метафора движения, лексическим репрезентантам которой мы и посвятим внимание.

Среди моделей, воплощенных в русской фразеологии поля «Опыт», апеллирующей к образам движения, можно назвать в качестве особенно продуктивных следующие модели.

Модель «кто бывал в разных местностях > опытный» представлена языковыми фактами, которые можно распределить на две подгруппы.

Первая подгруппа объединяет выражения с родовыми названиями географических объектов: арх. *пройти горы и воды* ‘приобрести жизненный опыт, многое испытать’ [АОС, т. 9, с. 321],

карел. (рус.) *пройти горы и норы* ‘приобрести жизненный опыт, многое испытать’ [СРГК, т. 4, с. 40], волгогр., прикам. *пройти все дорожки и лужки и крутые бережки* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ [БСРП, с. 198], новг. *обойти горы и орды* ‘все пройти, все испытать’ (*Человек он бывалый, как говорят, обошел горы и орды, а все ничего; Ну, этот нигде не пропадет, и горы и орды обошел*), новг. *пройти все горды, орды* ‘то же’ (ср. комментарий В. Л. Васильева относительно того, что это искаженный вариант: *горды* — искаж. *горы*) [Васильев, 2008, с. 99].

Любопытно, что почти в каждом из них присутствует слово *гора*, прочие же поименованные формы ландшафта представляют собой водные, равнинные либо подземные объекты: *воды* и *крутые бережки* (очевидно соотносимые с реками и озерами), *норы* (пещеры), *лужки* и *дорожки* (ср. арх. *надорожный* ‘опытный, бывалый; побывавший во многих местах’ [СРНГ, т. 19, с. 246]).

Объяснения требует только слово *орды*. В. Л. Васильев, в статье которого и приводится выражение с этим словом, считает его обозначением обширных территорий: «“Дальним зарубежьем” были для Новгорода различные *орды* — средневековые степные государства кочевников на обломках империи Чингисхана (*Белая орда, Синяя орда, Золотая орда* и т. д.), а также *горы* — территории с горным ландшафтом, не свойственным для Новгородской земли» [Васильев, 2008, с. 99]. Такая версия, вполне допустимая, вызывает сомнение только в части перечисления в составе фразеологизма в одном ряду имени нарицательного, служащего родовым наименованием одной из разновидностей ландшафта, и обобщающего обозначения разновидности территориальных образований — поселений. Приблизительно так же странно выглядели бы сочетания вроде **горы и города, *горы и страны*. Впрочем, вполне вероятно, что слово *орды* в данном случае может метонимически обозначать степи, тогда выражение

приобрело бы смысл («*пройти горы и степи*»), однако мы не обнаружили такого значения в диалектных словарях. Кроме того, на фоне другого приведенного выше записанного на территории Карелии выражения *пройти горы и норы* уместно обратить внимание на фиксацию, к сожалению, отдаленную по ареалу распространения от новгородской идиомы: забайк. *орда* ‘нора с одним выходом и многочисленными ходами’ (*Не все зверушки орду имеют*) [СРНГ, т. 23, с. 332].

Обратим внимание на то, что в составе перечисленных идиом присутствуют слова, называющие хождение, передвижение пешком.

Итак, первая подгруппа фразеологизмов бытует в речи диалектоносителей потому, что, выполняя хозяйственные работы (покосы, охота, заготовка дров и проч.) или отправляясь в соседние деревни, человек преодолевал немалые расстояния пешком, соответственно ландшафтные характеристики местности, затрудняющие передвижение, имели большее значение, чем для современного горожанина. Не менее важно и то, что в каждом фразеологизме упоминается несколько препятствий — труднопроходимых мест. Признак разнообразия можно считать, на наш взгляд, одним из ключевых мотивов, организующих семантико-мотивационное поле «Опыт».

Вторая подгруппа объединяет идиомы, которые включают в себя административно-территориальные наименования, в том числе имена собственные: пск. *все города пройти* ‘много повидать, испытать, приобрести жизненный опыт’ (*Што ж ей конь, она все гарады прошла*) [ПОС, т. 7, с. 118], новг. *обойти (обегать) Русу и (на) Ладугу* ‘много познать в жизни, приобрести большой жизненный опыт’ [СРНГ, т. 22, с. 260], новг. *пройти Москву и Ладугу* ‘все пройти, все испытать’ (*Послушаешь ее, так у нее пройдена и Москва и Ладоба*) [Васильев, 2008, с. 99]. При всем

структурном сходстве с выражениями предыдущей группы в данном случае следует реконструировать иной мотив. Здесь базовым является мотив освоения чужого или отдаленного, значительного по широте пространства, ср. строгую оппозиционность «широта — ограниченность» в двух антонимичных паремиях, а именно наличие наречия *везде* в перм. *он везде бывал, из семи печей хлеб едал* [К пиру..., 2014, с. 64] и топонима *Кама*, указывающего на «узкий локус», в перм. *знать доро́гу к Ка́ме* ‘быть малосведущим’ (*Чё у ее про старо-то выведывать — знат она доро́гу к Ка́ме*) [СПГ, т. 1, с. 330] («нигде дальше местной реки не была, потому ничего не знает»).

То же полагает В. Л. Васильев, размышляя над происхождением и интерпретацией выражений, в составе которых в одном контекстном ряду стоят топонимы *Руса* и *Ладога*: новг. *обойти всю Русу и Ладогу, обойти (пройти) всю Русу-Ладогу, обойти все Русы и Ладоги* ‘езде побывать, многое повидать, испытать, пережить’ (*Этот обошел всю Русу и Ладогу, хлебнул горюшка; Все он знает, Русу и Ладогу обошел, много видел всячины; Обошел в свое время Русу-Ладогу, а теперь никуда больше не хочу ехать; Да у него пройдена вся Руса-Ладога. Нигде не засиделся долго; Он все Русы и Ладоги обошел, нигде не нашел себе места*) [Васильев, 2008, с. 98]. Отвергая вариант с трактовкой онимов *Руса* и *Ладога* как локальных имен, он выдвигает гипотезу о том, что это обозначения обширных территорий, внешних по отношению к региону, где зафиксированы эти идиомы, и предлагает реконструировать анализируемое выражение в варианте *обойти / пройти всю Русь и Ладогу*, где первый оним обозначает «территориально-политическую общность» к югу от Новгорода, второй — территории к северу [Васильев, 2008, с. 100—114]. Такое решение он объясняет неудовлетворительностью интерпретации данных слов как топонимов, называющих сравнительно близко

расположенные поселения. Надо сказать, что в целом, как нам кажется, обе версии одинаково подтверждают высокую значимость оппозиции «свое — чужое» для диалектного сознания, поскольку в одном случае речь идет о мотивировке «пройти и то далекое чужое, и другое далекое чужое» (то есть все земли от южного края до северного), а в другом — о мотивировке «пройти и свое, и чужое (и здесь, и там)». Итак, идиомы, представляющие данную подгруппу, свидетельствуют о том, что номинатор мыслит приобретение опыта в социальной среде, поскольку «пройти города, поселения, обширные населенные территории» — значит побывать «в людях», повидать разных людей, познать жизнь общества прежде всего.

Любопытно, что фразеологические репрезентанты данной регулярной семантической модели, объединяющей две подгруппы идиом, оказались неусвоенными русским литературным языком, в то время как для носителей русских народных говоров она была актуальна. Несмотря на то что эти и подобные выражения в целом понятны носителю современного русского литературного языка и были бы им легко запомнены, если бы бытовали в речи, они отсутствуют в современных словарях. Это означает, что мироощущение жителя русской деревни существенно отличалось от сознания современного горожанина, если можно так выразиться, своей большей «топографичностью» в силу прагматически обусловленного хорошего знания особенностей своей местности, а также деления географического пространства на свое и чужое, знакомое и незнакомое.

Другая модель — «кто пробрался через узкие и непроходимые места > опытный» — представлена общенародными и диалектными языковыми фактами: литер. разг. и пск. *пройти огонь, воду и медные трубы* ‘приобрести жизненный опыт, многое испытать в жизни’ (*Прошёл огонь, воду и мённые трубы*) [СПП,

с. 58], перм. *прошёл огонь и воду, медны трубы, попадал и чёрту в зубы* ‘видал всякое’ [К пиру..., 2014, с. 64], волгогр. *пройти сквозь решето и сито* ‘приобрести опыт, многое испытать в жизни’ [БСРП, с. 564] (вспомним также характеризующие хитрость выражения *пройти сквозь игольное ушко* и *сквозь землю пройти*). Между этими идиомами и фразеологизмами первой проанализированной группы есть несомненное сходство: там и здесь подчеркивается трудность «похода» (и снова глагол *пройти* в составе выражений). Но все же имеются значимые отличия — больший акцент на мотиве «сквозь» и отчасти десемантизация слова *пройти*: оно употребляется в значении ‘испытать’ и сочетается уже не с географическими названиями.

Существенность мотивационного признака «сквозь» подтверждается тем, что он зафиксирован посредством не только устойчивых выражений, но и цельнооформленных лексем, обозначающих опытного и потому хитрого человека: сарат. *скрозьземельный* ‘много испытывавший, опытный (о человеке)’ (*На него можно надеяться, он скрозьземельный. Скрозьземельная голова, все знает, везде бывала*) [СРНГ, т. 38, с. 150], сарат., сталингр. *скрозьземельный* ‘много видевший и знающий, опытный (о человеке)’ (*Сын у него был скрозьземельный, все умел и все знал — крестьянскую ли работу, по науке ли: бывало с доктором, али с попом зачнут спорить об науке и об Боге — забьет их так, что и не пикнут, и сами же после говорят: “Большого ума человек!” Лечил он лучше доктора ли и в горе помогал не хуже попа. Скрозьземельной человек*) [СРНГ, т. 38, с. 146], пск., твер. *сквозительная бестия* ‘очень хитрый, опытный плут, обманщик’ [СРНГ, т. 37, с. 404].

В целом лексика движения проявляет недюжинную активность в семантическом поле «Опыт».

Большое количество слов, которые обозначают опытного человека или приобретение опыта, образовано от глагольных основ

ходить, проходить, пройти: пенз. *хожáлый* ‘бывалый, опытный’ (Он человек *хожáлый*) [Даль, т. 4, с. 573], свердл. *проходíмый* ‘знающий, толковый, опытный, сметливый’ (Твой отец был *проходимый, опытный, знающий*) [СРНГ, т. 33, с. 30], арх. свердл. *проходнóй* ‘знающий, толковый, опытный, сметливый’ (Он *проходной, хорошо учился; У этих мужиков-то спрашивайте, у проходных-то; Проходной мужик-от, деловой, ничего*) Там же, с. 32], волог. *прóйдóха* ‘опытный, знающий человек’ (*Прóйдóха все прошел, все испытал*) [СРНГ, т. 32, с. 144], волог. *прóйда* ‘опытный, бывалый человек’ [Там же, с. 147], бурят. *прошлэц* ‘бывалый, много знающий человек’ (*К прошлецу сходил, он мне и заявление написал. Как прошлец напишет, всяк поймет*) [СРГС, т. 4, с. 54], бурят. *произойтí* ‘постичь, познать (все, многое)’ (*Тут и ремесло произойти неплохо бы*) [СРГС, т. 4, с. 33], куйбышев. *спройти* ‘испытать, узнать на опыте что-либо’ (*Чернорабочую работу всю спросили*) [СРНГ, т. 40, с. 268] и др. Такие лексемы служат «свернутыми» знаками, близкими по смыслу приведенным выше идиомам вида *пройти горы и норы* или *пройти все города*. Показателен контекст к печор. *Вóлга хóдит дóлго* ‘говорится об умном, опытном человеке, умеющем с выгодой для себя выполнить любое дело’ (*Он умный, Волга, умный он, Волга ходит долго. Долго течёт, длинна река, дак много на своём пути принимают*) [ФСРГНП, т. 1, с. 139]. Информант разворачивает, раскрывает значение предиката *ходить* в контексте представлений об опыте как итоге освоения широких пространств.

В качестве производящих выступают и основы *дойти, выйти*, из которых первая используется номинатором для выражения двух неодинаковых смыслов.

С одной стороны, образ направленного, притом завершенного перемещения служит выразителем результативности процесса приобретения опыта («дорости, измениться до состояния

опытности»): смол. *до тóлку дойти́* ‘сделаться рассудительным, опытным’ (*До толку дошла*) [СРНГ, т. 44, с. 185], рус. (бурят). *самодо́шный* ‘хитрый, опытный’ (*Старик-то мой самодошлый был. Нынче все народ самодошлый пошел, че ни скажем, у их свое мнение*) [СРНГ, т. 36, с. 85], арх. *выйти на русь* ‘выйти в люди, набраться опыта, получить образование; оторваться от своей среды’ (*Был так себе, а вышел на русь — стал человеком; В деревне жил, жил, да вышел на русь и начал сам себя высоко ставить*) [СГРС, т. 2, с. 226], ср. арх. *выйти на русь* ‘выйти из леса на открытое, светлое место, ближе к жилью’ (*С пинеги вот, с лесов, с болот вышли на русь, где жило; Из леса я на русь вышел, тут луг, дальше деревни, людьми пахнет*), ‘возвращаясь из открытого моря, подойти ближе к жилью’ [Там же], волог. *эхать на русь* ‘ехать в центр’ (*Все едут на русь, на ширь, место поближе к сельсовету*) [СГРС, т. 3, с. 333].

С другой стороны, производные от *дойти* можно толковать иначе — «умеющий добиться результата (“дойти до него”) благодаря опытности»: диал. (б/у места) *дохóдчивый* ‘смелый, расторопный, умеющий дойти до всех и до всего; дошлый, бывалый’ [СРНГ, т. 8, с. 161], кубан. *дохожáлый* ‘опытный, бывалый’ [СРНГ, т. 8, с. 162].

Наконец, русскому языку — современному разговорному и народным говорам — известно производное от основы *уйти*. Приведем здесь диалектный факт: перм. *у́шлый* ‘опытный, ловкий, хитрый, смышлёный’ [СПГ, т. 2, с. 489]. Его и подобные единицы также следует трактовать в операциональном смысле: опыт делает человека способным достигать желаемого, действовать точно, быть деятельным, подвижным, изворотливым, проникать везде и отовсюду «уходить» (подробнее об этом слове и его понимании носителями современного русского языка см. [Буданова, 2008]).

Пригодность основы *бывать* для выражения смысла ‘опытный’ обусловлена наличием в структуре значения глагола смыслов ‘многократно’ и ‘езде, в разных местах’: перм., арх., сев.-двин., ворон., ср.-урал., тюмен., барнаул. *бывалец* ‘человек опытный, много повидавший и испытывавший’ (перм. *Наши Онкудин — бывалец, был у Соловецких, в Москве, и до Киева ходил. Спроси-ко служивого, ведь он бывалец; бывал в разных городах по всей России*; арх. *Мужик-от бывалец такой; зимусь еще в Москву ходил*) [СРНГ, т. 3, с. 335], барнаул., иван. *бывалошный* ‘бывалый, опытный, знающий’ (*Бывалошни-то люди сказывают; Он человек бывалошный, опытнее нас*) [СРНГ, т. 3, с. 336], пск., смол. *бываличный* ‘бывалый, опытный, знающий’ [СРНГ, т. 3, с. 336], урал. *бывалец* ‘знающий, бывалый человек’ (*Надо спросить бувальцев*) [СРНГ, т. 3, с. 235].

Мотив движения может реализовываться в лексико-семантическом поле «Опыт» посредством привлечения глагольных основ, имеющих первичное значение ‘двигаться во всех направлениях, ходить везде’:

— *таскаться*: юж.-урал. *таскачий* ‘бывалый, сведущий, опытный’ (*Он такой таскачий, все ходы и выходы знает*) [СРНГ, т. 43, с. 299], твер. *таскачий* ‘бывалый, сведущий, опытный (о человеке)’ (*Таскащие люди видели плохое и хорошее*) [Там же], ср. твер. *таскачий* ‘слоняющийся, болтающийся без дела’ и ‘беспутный, разгульный’ [Там же];

— *бродить*: волог., яросл. *бродкой*, перм., нижегор. *бродкий* (уд.?) ‘бывалый, знающий, сведущий’ (*Он бродок по этим делам*) [СРНГ, т. 3, с. 187], ср. яросл. *небродкий* ‘мало знающий, неопытный, неискушенный’ (*Человек я небродкий, нигде не бывал*) [СРНГ, т. 20, с. 322];

— *волочься*: олон. *волоkitный* ‘много видевший, бывалый’ (*Человек он волоkitный; Только шел-прошел калика прохожая*

волоки́тная) [СРНГ, т. 5, с. 53], ср. олон. *волоки́тний* ‘бродячий, бездомный, бесприютный’, а также ‘странствующий’ (арх., олон. [Крестьянин Захар] был человек «волоки́тний», т. е. разъезжавший много для покупки в деревнях и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабжения водлозеров хлебом и порохом) [СРНГ, т. 5, с. 53].

Номинатор обращается к этим основам потому, что в структуре значений этих слов присутствуют семы ‘туда-сюда’, ‘везде’, ‘с трудом’.

В сравнении с глаголами хождения и блуждания основа *ездить* весьма пассивна в изучаемом поле: арх., ср.-урал., новосиб. *езжа́лый* ‘много ездивший, побывавший в разных местах; бывалый’ (*Кто много видел да ездил, дак езжалый*) [СРНГ, т. 8, с. 331].

Мотивационный анализ данного массива номинаций позволяет составить представление о том, что приобретение опыта ассоциативно прочно связано в сознании носителя языка с перемещением в пространстве.

В свою очередь, перемещение на местности — образ освоения жизненного пространства, его познания.

Надо сказать, познание в широком смысле, в разных его ипостасях, устойчиво ассоциируется с движением. Например, процессы размышления и принятия решения концептуализируются посредством привлечения образов движения: *исходили из положения о том..., сначала двигался не в том направлении, шел в ложном направлении, ушел в сторону, вернемся к теме, зашел в тупик, нашел выход, добрался до смысла* и др. (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 183—186]). Перемещение здесь направлено, оно имеет начальную и конечную точки. Такие выражения описывают этапы мыслительного процесса, операциональный аспект работы интеллекта.

В лексико-семантическом поле «Опыт» мотив движения имеет несколько другое прочтение. Здесь перемещение нарисова-

но как долговременное, ненаправленное, охватывающее разные направления и ландшафты. Маркированное разнообразие пересекаемого пространства — важнейшая часть данного способа концептуализации представлений об опыте: в многознании опытного человека главным признаком является не объем и глубина знаний (как в случае с лексическими репрезентантами интеллектуальной деятельности), а разнородность и количество познанных объектов. Специфичен для диалектного языкового сознания и мотив чужести: трудное освоение чужого, незнакомого пространства, преодоление препятствий в нем символически представляет всю совокупность социальных событий и ситуаций — испытаний, в которых человек накапливает жизненный опыт.

2.3. ЕДА КАК МЕТАФОРА ПРИБРЕТЕНИЯ ОПЫТА

Т. В. Леонтьева

Лексико-семантическое поле «Опыт», объединяющее слова и устойчивые выражения из разных подсистем русского языка, включает идиомы, имеющие в своем составе (1) слово *есть* ‘принимать пищу’, его дериваты и синонимы (*съесть, приесть, проесть, заедать, покушать*), (2) соматизмы *зубы, губы*, а также (3) «пищевую» лексику – обозначения блюд, продуктов, того, что можно употреблять в пищу (*хлеб, каша, щи, куколь*).

Концептуальная основа выбора номинатора в пользу гастрономической метафоры очевидна: опыт приобретается эмпирически, путем проверки, пробы (ср. *все перепробовать* — об опытном освоении мира). Способность поглощать пищу — частный случай «пробования», ср. *вкушать* ‘испытывать, ощущать’ (*Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил?* — Гоголь. *Мертвые души*) [ССРЛЯ, т. 2, с. 425]. Мы не говорим о вкусовой метафоре в чистом виде, однако и она появляется особенно отчетливо на уровне синтагмы, ср. *горький опыт*.

Итак, жизненный опыт осмысливается через представление о восприятии действительности органами чувств в силу «относительной универсальности перцепции» [Смирнова, 2016, с. 4].

Опытность заключается в обладании практическим знанием, отсюда сходство лексических репрезентаций концептов ОПЫТ

и ЗНАНИЕ. Известно, что интеллектуальная деятельность, направленная на приобретение знаний, в наивно-языковом сознании ассоциируется с поглощением и механической обработкой пищи, что находит выражение в следующих языковых единицах: книж. *грызть гранит науки* ‘упорно овладевать знаниями’, *вкушать от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’, *впитать / всосать с молоком матери* ‘усвоить с детства’, *пища для ума / для размышлений* ‘материал для мыслительной деятельности’; разг. *глотать книгу за книгой* ‘быстро читать’; диал. *разжевать* ‘догадаться, сообразить’ [НОС, вып. 9, с. 90], *подкармливать* ‘подглядывать, заглядывать в книгу, отвечая на уроке’ [СРНГ, т. 28, с. 27], *головá не переваривает* ‘о том, кто туп, глуповат’ [СРНГ, т. 26, с. 43]; жарг. *хавать что* ‘понимать что-л., хорошо разбираться в чем-л.’ [Мокиенко и др., 2000, с. 637], *грызть кочерыжку науки* ‘учиться в школе; изучать что-л.’, *сосать* ‘понимать, разбираться в чем’ [СМА, с. 442], *рассосать что* ‘вникнуть во что-л., разобратсья в чем-л.’ [Там же, с. 400], *прочмокать* ‘понять что-л., разобратсья в чем-л.’ [Мокиенко и др., 2000, с. 487], *переваривать* ‘обдумывать’ [АА], *несварение головы у кого* ‘кто-л. недоумеает, не понимает чего-л.’ [Мокиенко и др., 2000, с. 382] (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 212–214]). О продуктивности модели «есть > мыслить, приобретать знания» говорит тот факт, что среди ее репрезентантов есть номинации, принадлежащие разным языковым стратам: литературному языку, русским народным говорам, жаргону.

Концептуализация приобретения и опыта, и знания посредством гастрономической метафоры утверждает родство этих когнитивных категорий, хотя между ними есть некоторые различия. Так, если познание интерпретируется образно как поглощение большого количества пищи, то получение опыта — чаще как упо-

требление разнообразной пищи, на что указывают компоненты *всякий, все, не один, семь, много* в составе фразеологизмов — арх. *испытать всяких хлебов* ‘много пережить’ [СРГК, т. 2, с. 301], волг. *не с одной печи хлеб ел* ‘об опытном, бывалом человеке’ [БСРП, с. 497], пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ (*Я са всех печек хлеба покушала*) [СПП, с. 60], пск. *много хлеба съест* и *съест не один хлеб* ‘много пережить, испытать в жизни’ (*В ётам доме много и хлеба съели; Уже не один хлеб съедена*) [СПП, с. 78], *Он везде бывал, из семи печей хлеб едал* [К пиру..., 2014, с. 64]. Кроме того, мыслительная деятельность ассоциируется с переработкой пищи — ее измельчением, перевариванием, в то время как приобретение опыта видится как пробование, без акцента на переработке. Неслучайно неопытность образно представлена через посредство образов кормления материнским молоком, первой еды либо незнания пищи, которую едят в трудные времена — в голод: прост. ирон. *молоко (материно, материнское) на губах не обсохло у кого* ‘о молодом, неопытном человеке’ [БСРП, с. 409], волг. *заеда́ть пёрвую травинку* ‘начинать жить, набираться опыта’ (*Я жизнь прожил, а вы только первую травинку заедаете*) [СГРС, т. 4, с. 65], костр. *ку́коль не ели* ‘о тех, кто не относится к поколениям, прошедшим войну, и в силу этого недостаточно знает, не имеет большого жизненного опыта’ (*Са́на Бь́ков любит поговорить да и знает он много. А мы-то что, ку́коль не ели*) [ЛК ТЭ]. Наконец, мыслительная деятельность означает наполнение, «насыщение» знанием (образно говоря, оно поглощается, перерабатывается, усваивается, накапливается), а опыт трактуется как познание на вкус, как результат многократных «пробных» соприкосновений с действительностью.

Семантическое преобразование «тот, кто много едал, перепробовал > опытный» кажется возможным реконструировать

и для волог. *едоха* ‘знаток в каком-либо деле, сведущий, искусный и опытный, дошлый, источник, мастер’ [Даль, т. 4, с. 680], Между тем нельзя не сказать, что можно допустить и другие варианты интерпретации, например, предполагать, что во внутренней форме слова воплощена идея большого багажа знаний («поглощающий > знающий > опытный») либо даже идея вездливости, возможно, релевантная для образа мастера в какой-то области, однако наличие у слова *едоха* значения ‘кто помногу ест, у кого выть (аппетит) большая: прожора, обжора, объедала’ [Там же] и одновременно подтвержденное примерами существование регулярной семантической модели «попробовавший многое разное > опытный», как нам кажется, свидетельствуют в пользу того, что вологодская лексема *едоха* ‘знаток в каком-либо деле, сведущий, искусный и опытный, дошлый, источник, мастер’ является репрезентантом этой последней модели.

Организованную по метонимическому типу вариацию на ту же тему «опытный — попробовавший многое, много евший» представляют собой пск. *зубы съест на чём* ‘приобрести опыт в какой-л. области’ [СПП, с. 43], сиб. *проест зубы* ‘собаку съест; опытный в каком-либо деле’ (*Соболятник. Мидвижатник. Жубы проел [об охотнике]*) [ФСРГС, с. 154], дон. *проест зубы и губы* ‘быть сведущим, опытным’ (*Бедовый парень, проел зубы и губы, все знает*) [СРНГ, т. 32, с. 132], дон. *приест зубы (губы)* ‘стать сведущим, опытным в каком-л. деле’ (*Дюже в работе справляется, зубы приел на этом деле*) [СРНГ, т. 31, с. 203], сиб. *оббить зубы* ‘получить жизненный опыт, жизненный урок’ [БСРП, с. 261]. В сочетании со словом *зуб, зубы, губы* глаголы *съест, приест, проест* обозначают не поглощение чего-либо в качестве пищи (было бы странно буквально воспринимать образ «кто-либо съел зубы или губы»), а истирание в процессе еды (разрушение) органа, выполняющего функцию механической обра-

ботки пищи: разг. *съеда́ть* ‘стирать, стачивать’ (*Открытый рот [Ерошки], из которого злобно выставлялись съеденные желтые зубы, замер в своем положении.* — Л. Толст. Казаки) [ССРЛЯ, т. 14, с. 1335], *приесть* зубы ‘съесть, приточить, истереть на еде’ (*Лошадь все зубы приела, и годов не знает*) [Даль, т. 3, с. 482]. При этом появляется дополнительный, оказывающий поддержку семантический компонент возраста: «много перепробовавший за долгую жизнь > проживший целую жизнь > опытный».

Таким образом, согласно наивно-языковым представлениям, опытный человек предстает как вбирающий в себя знания о мире по сходству с тем, как человек поглощает еду; познающий мир подобно тому, как человек пробует разнообразную пищу; познавший так много на протяжении жизни, что «сточил зубы» и стал стар.

2.4. СОБАКУ СЪЕСТЬ. БЕСА СЪЕСТЬ

Т. В. Леонтьева

Широко употребительное выражение *собаку съест на чем-либо*, характеризующее человека, который приобрел опыт, знания, умения в какой-либо сфере, по свидетельству Л. С. Пугачевой, относится к числу фразеологизмов, наиболее непонятных для учащихся, осваивающих русский язык [Пугачева, 2011, с. 47]. Причина заключается в немотивированности выражения и собственно в эксцентричности образа поедания собаки: даже носитель русского языка затрудняется в интерпретации буквальной основы этой идиомы.

В современном русском языке данное выражение управляет существительными либо местоимениями в предложном падеже, называющими сферу накопления опыта (*в науках, в горном деле, на женской красоте, на черном пиаре* и др.): разг. *собаку съест на чём, в чём* 'хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чем-либо; об опытном, умелом, знающем все тонкости какого-л. дела человеке' (*Он охотно любил подишутить над ученым... и Алексисом, который в науках, что называется, собаку съел.* — Салтыков. Невинные рассказы; *А что до тканей, в них я не знаток, О них спросить царицу Марью. Бабы На том собаку съели.* — А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного; *Прохор приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле собаку съел.* — Шишков. Угрюм-река) [Михельсон, 1896,

с. 412; ССРЛЯ, т. 14, с. 7 и др.]; *Выделить можно разве что две группы: в первой — те, кто собаку съел на черном пиаре, во второй — оказавшиеся у власти неожиданно, вопреки всем прогнозам и предположениям* (А. Кузьмин. Выбери меня, 2003) [НКРЯ], *Настя знает, что я собаку съел на женской красоте, и ценит во мне это вполне мужское качество* (Г. Алексеев. Зеленые берега, 1983—1984) [НКРЯ].

В русских народных говорах (нижегородских) обнаруживается аналог рассматриваемого выражения с замещенным глагольным компонентом: нижегор. *собаку сожрал кто-либо* ‘умеет поговорить, занять разговором кого-либо’ (*Ты, чай, знаешь? Баить-то он собаку сожрал*) [СРНГ, т. 39, с. 139]. Поскольку это единичная фиксация, вполне вероятно, что оно вторично по отношению к повсеместно распространенному *собаку съесть* — например, появилось в речи информанта в результате неточного припоминания известного выражения или стремления придать ему большую экспрессию путем замены нейтрального *съесть* грубым *сожрать*. Словарная дефиниция здесь фактически некорректна, поскольку она определяет не собственно идиому *собаку сожрать*, а расширенное глагольным компонентом выражение *собаку сожрать баить*.

В способности выражения *собаку сожрать* сочетаться с глаголами речи можно даже предполагать ключ к интерпретации идиомы, поскольку «голосовая» составляющая — одна из самых заметных в образе собаки (она *лает, брешет*). Стереотипное представление о собачьем лае легло в основу лексем и фразеологизмов, обозначающих свару, ругань, а также бранчливого человека: простореч. *собачиться* ‘ругаться, браниться’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 11], новг. *собака* ‘о человеке, склонном, любящем ругаться, браниться’ (*Эдакий ты собака, всякого ты проходящего облаешь*), перм. *собаку съесть* ‘сильно выбранить, выругать кого-л.’

(Обижат внучку-то, я молчу, а сама собой думаю: вот одне-то останёмся, тогда я собаку съем, всё выскажу; Не дала ему де-нёг, дак он собаку-то съел, как токо не представил меня.) [ФСПГ, т. 4, с. 362], смол. *со рта собаки скачут* ‘о бранчливом человеке’, омск. *собаку выпустить* (спустить) *на кого либо* ‘начать бранить, ругать кого-либо’, омск. *отсобачить* ‘накинуться с руганью, выбранить’ [СРНГ, т. 39, с. 139], перм. *собаку открыть* ‘извергнуть поток брани’ (Такую собаку на меня от-крыла, что я и разговаривать не стала с ей) [ФСПГ, т. 4, с. 246], перм. *держат собаку во рту* ‘сквернословить’ (Не держи-де собаку во рту, не ругайся, мол, дак и порчи не будёт) [ФСПГ, т. 4, с. 104] и др. Но все же соотносить анализируемое выражение *собаку сожрать* только с представлениями об умении говорить невозможно по ряду причин: (1) в записанном диалектном контексте со словом *баить* совершенно не актуализирована семантика брани; (2) дефиниция, приведенная в словаре, касается не собственно выражения *собаку сожрать*, а ориентирована на третий — свободный, замещаемый, указывающий на профилизацию опыта — компонент *баить*, а между тем третий компонент (будь то предложно-падежная форма или инфинитив) вариативен и не составляет часть идиомы; версия не имела бы объясняющей силы для тех многочисленных (составляющих большинство) контекстов к выражению *собаку съест* (явному аналогу идиомы *собаку сожрать*), в которых речь идет о любом другом практическом навыке, опыте, умении наряду с речевым. Кроме того, актуализация посредством слова *собака* хорошо известной языку параллели между речевой способностью человека и собачьим лаем не разрешает недоумения относительно компонента *съест*, *сожрать*.

За отсутствием достоверных сведений о том, с какого времени имеет хождение данная идиома, можно указать лишь несколько ориентиров. О. Н. Трубачев, посвятивший одну из своих ра-

бот вопросам происхождения названий животных, указывает, что «бесспорно общеславянским названием собаки является *ръсь*, известное с самого начала как родовое обозначение животного» [Трубачев, 1960, с. 19], а слово *собака*, в котором этимологи предполагают иранское либо тюркское заимствование, «в качестве основного родового названия животного <...> безраздельно господствует только на восточнославянской языковой территории» [Там же, с. 29].

Ранее мы уже указали, что управление существительными или местоимениями в предложном падеже с предлогами *на* и *в* (*на чем, в чем*) характерно для идиомы *собаку съест* в современном русском языке.

В текстах же, созданных до начала 20 века, можно встретить другие употребления идиомы:

— с глаголом в инфинитиве, как уже отмечалось выше: *Заводские начальники По всей Сибири славятся — Собаку съели драць*. — Некрасов. Кому на Руси жить хорошо [ССРЛЯ, т. 14, с. 7]; *Нечистый дух собаку съел Нам строить козни и подкопы* (П. А. Вяземский — Пушкину, эпиграмма, 1828) [ФЭБ]; *Ты, чай, знаешь? Баить-то он собаку сожрал* [СРНГ, т. 39, с. 139]. Присоединяемый глагол называет собственно действие, умело выполняемое человеком: это умение и дает основание к тому, чтобы заключить, будто характеризуемое лицо имеет соответствующий опыт (то есть многократно совершал указанное действие);

— с существительными в винительном падеже с предлогом (*на что*): *Вот это прекрасно! На эти вещи он собаку съел. Стало быть, вы с ним познакомились?..* (П. А. Каратыгин. Вицмундир, 1845), *Вы, западные, собаку съели на все науки* (О. И. Сенковский. Превращение голов в книги и книг в головы, 1839) [НКРЯ], *На всё сладострастное ты собаку съел* (П. А. Катенин — Пушкину, 1826) [ФЭБ]; *Я писал тебе премеланхолическое письмо, ми-*

лый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел (Пушкин — П. А. Плетневу, 1830) [ФЭБ].

В XIX веке выражение *собаку съест* было, очевидно, уже широко известно, если судить по фактам использования идиомы писателями и поэтами в личных письмах и в произведениях: *Дядя Ипатыч уважал «Карлу», потому что по всякому фабричному делу «он собаку съел», особенно по доменному производству* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под домной, 1891), *Когда-то он где-то был учителем, пописывал что-то, чёрт его знает, кем он был, но только умница замечательная и по части философии собаку съел* (А. П. Чехов. Огни, 1888), *Он неохоч до слов, но он на деле Собаку съел; ему ведь не впервой* (А. К. Толстой. Смерть Иоанна Грозного, 1862–1864), *Ну, — говорил он, — а помещик ваш в музыке собаку съел, мне у него учиться приходится, и голос у фрейлен Юльхен оченно прекрасен; да и глаза-то у нее недурны, философ-то ваш знает, где раки зимуют* (А. И. Герцен. Поврежденный, 1851), *Кстати ж про стихи сказала: Он на них собаку съел, Даже многим надоел!* (И. П. Мятлев. Борромейские острова и Комо, 1840), *Да ты, черт побери, на виршах собаку съел* (И. И. Лажечников. Ледяной дом, 1835), *За то его собака съела, Что в песнях он собаку съел!* (А. А. Дельвиг. «Хвостова кипа тут лежала...», 1827) [НКРЯ] и др. Более ранние текстовые употребления нам неизвестны.

Недостаток текстовых данных, затруднения в интерпретации метафоры поедания собаки, а также неочевидность связи образа собаки и семантики опыта побуждают исследователей к тому, чтобы вновь и вновь обращаться к вопросу происхождения этого выражения.

Далее уделим внимание каждой из составных частей идиомы — *съест* и *собака*, предварив свои соображения изложением

имеющихся в научной литературе точек зрения на происхождение идиомы.

Версии происхождения идиомы *СОБАКУ СЪЕСТЬ В / НА ЧЕМ-ЛИБО*

Существуют лишь предположения относительно происхождения этого выражения. Чаще всего транслируется версия, связывающая это выражение и зафиксированную В. И. Далем поговорку. Согласно этой трактовке, идиома является результатом усечения иронической поговорки *Собаку съел, только хвостом подавился* [Даль, т. 4, с. 257], при этом остается неясным, откуда взялся смысл 'опыт, умение, знание' у первой, оставшейся в активном употреблении, части выражения при отсутствии подобных смысловых компонентов у якобы исходного полного варианта поговорки, обозначающей «недоверие по отношению к какому-либо событию» (так как «съесть целую собаку если не невозможно, то очень трудно») [Ковшова, 2009, с. 30]. Эта дефиниция касается, по-видимому, первой части паремии, а целиком высказывание характеризует ситуацию, когда дело оказалось расстроено, не доведено до конца из-за незначительного препятствия. Вообще подобные паремии, построенные по схеме «сделал что-либо масштабное, но не завершил (потерпел фиаско) из-за малости», известны народной речи: *Съел волк кобылу, да дровнями подавился; Переплыл море, да в луже утонул; Хорошо затянул (песню), да вынося осёкся* [РМР, с. 822], ср. *Дело без конца — что кобыла без хвоста* [РМР, с. 213]. Под вопросом остается возможность реконструкции семантического перехода «сделал большое дело > стал опытным», поскольку нам неизвестны другие фразеологические единицы со значением 'об опытном', которые появились бы в результате разрушения (усечения) паремий подобной структуры.

М. И. Михельсон снабжает фразеологизм комментарием, указывающим на такие черты в образе собаки, как смелость и ловкость: «Собаку съел = дока, изучил дело; насобачился = на-

бил руку (сделался смелым, ловким, как собака)» [Михельсон, 1896, с. 412]. При этом в словаре Михельсона размещена также справочная информация о фактах употребления в пищу собачьего мяса.

По мнению Н. И. Маругиной, в основе выражения *собаку съел* лежит, как в случае со многими другими фразеологизмами, метафорический перенос «человек — собака», поскольку собака выступает «символом мудрости, большого ума, зрелости и опыта» [Маругина, 2009, с. 29]. Вывод об этом делается на основе анализа пословиц *Старее поповой собаки; Старую собаку не волком звать; Старую собаку не батькой звать; Попову собаку не батькой звать; Старый пес не обманет; Стар пес, да верно служит; Старого пса к цепи не приучишь* [Маругина, 2009, с. 28]. Исследовательница считает, что стержневым компонентом анализируемого выражения следует считать именно существительное: «Ключевое слово *собака* в этом случае воспринимается как номинация источника “знаний, умений, таланта”» [Там же, с. 21]. При этом слово *съест*, по мнению автора цитируемой статьи, не несет никакой нагрузки в рассматриваемом сочетании: «Выражение *собаку съест* не имеет связи с понятийной сферой “еда, трапеза”, а помещается в сферу “умственных, интеллектуальных способностей”» [Там же]. Между тем заметим, что все приведенные пословицы, на основе анализа которых проведена экспликация смыслов ‘умный, мудрый, опытный’, содержат прилагательное *старый*, которое, думается, играет в них решающую роль, а между тем нам неизвестно выражение **старую собаку съел на / в чем-либо*. Наконец, все же кажется невозможным сбросить со счетов глагол *съест* при толковании идиомы.

Наоборот, центральное место отводит глаголу *съест* М. Л. Ковшова: «О еде в целом можно говорить как о символе опытности, знания, и компонент *съест* в образе фразеологиз-

ма обладает таким символическим прочтением» [Ковшова, 2009, с. 30]. При этом *собака* квалифицируется как квазисимвол, который не имеет отношения к опыту, то есть самостоятельно не выражает смысла ‘опытный’: «[Компонент *собака*] “вовлекается” в символическое переосмысление пищи только благодаря сочетанию с компонентом *есть*» [Там же]. Исследовательница выдвигает версию, отсылающую к присутствию семантики количества у выражений со словом *собака*: «Можно предположить, что фразеологизм *съесть собаку* возник в результате “ассоциативного распыления” другого устойчивого смысла, который действительно присущ имени (и реалии) *собака* — ‘много’. См. фразеологизмы: *как собак нерезаных; как собак небитых; как собак недобитых; как собак невешаных*» [Там же]. Такое сближение, вероятно, можно допустить (добавим от себя, что действительно есть обозначения опытности, акцентирующие сему ‘много’: пск. *со всех печек хлеба покушать* ‘много испытать в жизни, приобрести жизненный опыт’ [СПП, с. 60]), однако все же данной трактовке анализируемого выражения препятствует тот факт, что слово *собака* употребляется в составе идиомы исключительно в единственном числе, то есть не зафиксирован вариант с существительным в форме множественного числа **съесть (всех, многих) собак*, поэтому предложенная реконструкция кажется недостаточно убедительной.

Но важнее всего для нас то, что М. Л. Ковшова отмечает важную семантическую особенность ряда идиом, включающих глагол *съесть* (*съесть собачий язык* ‘разглагольствовать сверх меры’ и др.): в их основе лежит смысл «уподобление едока пище» [Ковшова, 2009, с. 30]. Далее она не развивает эту идею по отношению к фразеологизму *собаку съесть*, однако нам кажется, что эта гипотеза достойна внимания и проверки.

Прочие пересказываемые в сети Интернет варианты интерпретации образа поедания собаки (об ощущении такого голода

при косьбе, что, кажется, собаку бы съел <со ссылкой на А. Потebníю>; о петрозаводцах, ставших посмешищем из-за того, что чуть не съели суп из собачатины <со ссылкой на С. Максимова>; о солярном псе, или солнечной собаке, в древнеперсидских мифах <со ссылкой на Б. Рыбакова>; о неудачном броске, называемом *собакой*, в ритуальной индийской игре в кости и проч., из которых часть изложены и критически оценены как маловероятные в [Фасмер, т. 3, с. 703] и как имеющие «анекдотический характер» в [Мокиенко, 2013, с. 245]), оставим без комментариев, поскольку не находим лексических данных, которые подтверждали бы их, и не видим возможности сколько-нибудь надежного их семантического обоснования, и обратимся прежде всего к метафоре поедания, образующей стержень идиомы *собаку съест*.

МИСТИЧЕСКОЕ ПОЕДАНИЕ КАК ОДНА ИЗ АРХАИЧНЫХ МЕТАФОР

Как уже говорилось ранее, в лексике опыта активна метафора еды, поглощения разнообразной пищи. Однако, кроме поедания «на пробу» многого разного и кроме поедания в течение долгой жизни, в образной системе лексико-семантического поля «Опыт», по верному замечанию М. Л. Ковшовой [Ковшова, 2009, с. 30], получает разработку образ мифологического поедания, казуирующего сакральное уподобление едока поедаемому объекту: лат. *Linguat caninat comedit* (букв. *язык собачий съел*) ‘говорится, когда кто-либо разглагольствует без меры’ [Михельсон, 1912б, с. 413], перм. *как сорочьи яйца ел* ‘проницательный, знающий’ [К пиру..., 2014, с. 65]. Ср.: *Ученый безъ дарованія подобень тому бедному мулле, который изрезал и съел Коранъ, думая исполниться духа Магометова*. А. С. Пушкин, Отрывки из писем [Михельсон, 1912а, с. 931].

Среди подобных идиом с глаголом *съест*, принадлежащих другим семантическим полям, наиболее важны для нашего исследования те выражения, которые в качестве дополнения включают

в себя обозначения живых существ. В словарях Михельсона содержатся следующие фразеологизмы: греч. *Σχορπίους βίβρωχεν* (букв. скорпионов съел) ‘о человеке яростном, ядовитом как скорпион’, нем. *Er hat einen Narren an ihm gefressen* (букв. Он съел дурака в отношении его) ‘до дурачества полюбил его’ [Михельсон, 1912б, с. 413], *крокодила объесться* ‘быть сердитымъ, беспощаднымъ’ (*Этот критик, в самом деле, должно быть, крокодила объелся!* Гончаров. Литературный вечер. О беспощадном критике) [РМР, с. 368–369], *рябчика съестъ* ‘подвергаться щипанью волос’ («*Хочешь», говоритъ Тавля, Катъка, рябчика съестъ? и начинаетъ щипать подчинённаго за волоса.* Помяловский, Очерки Бурсы) [РМР, с. 766]. Добавим к этому русские диалектные факты: перм. *козла съестъ* ‘отдуться за других’ (*Что я вам козла съела? Всю домашнюю работу взвалили на меня. А снохи на что?*) [ФСПП, т. 4, с. 362] (то есть съестъ козла = стать козлом отпущения); перм. *сидит — глядит, ровно медведя съел* ‘о недовольном, злом, грубом, своенравном, вредном’ [К пиру..., 2014, с. 72].

На этом фоне надежной кажется интерпретация пск. *беса съестъ* ‘приобрести опыт в чем-либо’ (*Говорить-то я беса съела*) [СПП, с. 17] через посредство смысла «уподобиться бесу в обладании знанием и в многоопытности». Известно, что, согласно народным поверьям, бес хитер, ловок, способен к обману, ср. эталонное сравнение: *Лукавый человек хуже / пуще беса* [Снегирев, с. 208]. Хитрость — свойство, общее для опытного человека и беса, что объясняет выбор демонического образа для языковой концептуализации опыта.

Идея мистического поедания в лексико-семантическом поле «Опыт» находит воплощение также в идиомах, в которых субстантивным компонентом выступают обозначения неодушевленных предметов — инструментов *гвоздь, иглолка*: мурман. *съестъ гвоздь на чем-л.* ‘научиться хорошо делать что-л.’ (*Не учи меня,*

я на этом деле гвоздь съел) [СРНГ, т. 43, с. 108], алт. *съесть иголки* ‘набить руку, хорошо делать’ (*Вышивать — я иголки съела, хорошо вышивала*) [СРГС, т. 4, с. 499]. Мурманское выражение мы не считаем возможным комментировать во избежание ошибки, поскольку в источнике недостает информации: в частности, ясность внесло бы знание о более широком ситуативном контексте, то есть о том, какую сферу занятий подразумевают собеседники (*на этом деле — на каком именно?*). А записанное на Алтае выражение *съесть иголки* снабжено контекстом с отсылкой к *вышиванию*, который заставляет сделать вывод о том, что «пища» (поглощаемый предмет) манифестирует сферу деятельности человека, в которой приобретается опыт.

Как мы видим, в ряде языков имеются устойчивые выражения, воплощающие архаичную модель «съесть кого-либо, что-либо > уподобиться съеденному по характерным чертам». К тому же она неоднократно проявляет себя в лексико-семантическом поле «Опыт» (*беса съесть, иголки съесть, гвоздь съесть*). По аналогии с этими выражениями можно предполагать в идиоме *собаку съесть / сожрать* ‘быть опытным в чем-либо’ семантическую пропозицию «съесть собаку = стать подобным собаке».

Далее следует уделить внимание собственно образу собаки в поиске точки соприкосновения устойчивых представлений о собаке и представлений об опыте или знании.

СОБАКА И САКРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ

Присутствие в одном-лексико-семантическом поле структурно и семантически близких идиом *собаку съесть* и *беса съесть* побуждает к проведению аналогии между ними и поиску сакрально-мифологических смыслов в представлениях о собаке.

Известно, что в мифологических поверьях исконных славян собака наделяется магическими свойствами: даром предвидения,

способностью предсказывать судьбу и отгонять нечистую силу [Коваль, 1995, с. 137], причисляется к нечистым существам, в народном сознании часто отождествляется с дьяволом [Маковский, 1996, с. 320; Бектемирова, 2015, с. 59 и др.].

Народной традиции известны поверья об оборотнях, превращающихся в таких животных, как кошка, собака, реже — волк, корова, свинья, ср. записи, сделанные, например, в Ульяновской области: *У нас вот адна была женицина, умярла тожи. <...> И ана ибратилась этый... сабачонкай чёрнинькай; Оборотни-то наряжались — волком или собакой, а потом человеком делался; В овраги-та у нас колодиц, вот дохожу я до этыва колодца — стоит собака, вот такая вышиной [показывает от пола рукой], бёла, бёла-бёла, как снег; Он, грит, пыдкараулил — тяп ей [=собаке-оборотню] два пальца тапаром! И всё — ана ищезла. А, грит, поглядел: пальцы-та чилавечьи, а ни сабачьи!* и др. [Очерки ..., 2012, с. 191—195].

Собака наделена в традиционной народной культуре сакральными свойствами: ее нельзя пускать в церковь; понюханная собакой пища считается оскверненной; согласно примете, собака воет «перед покойником», предвещая чью-либо смерть; при постройке дома собаку приносили в жертву и хоронили под фундаментом и т. д. [Бузин, 2015, с. 148]. С. М. Белякова отмечает, что «в народной культуре собака связана с порчей, сглазом» [Белякова, 2015, с. 14].

Добавим к этому известный факт, что собачий лай имеет символическое значение в святочных гаданиях: костр. *Забирая в подол снег, [надо] произносить магические слова; в той стороне, откуда залает собака, будет жених; Выйдут на снег — зачертятся. Этак по снегу зачертятся и ждут. В которой стороне собака залает, там и жених* [ЛК ТЭ]. Весьма показательны и то, что во время святок молодежь устраивала забаву с переодеванием

в собаку: костр. *собакой ходить* ‘участвовать в святочной забаве: парни наряжаются собакой и ловят девушек’ (*Собакой ходили. Придут, парни хватили девушек*) [ЛК ТЭ].

Кроме того, упоминания собаки можно обнаружить в текстах, описывающих знахарские манипуляции, лечебную магию. Так, в обрядовых практиках лечения воспаления глаз («ячмень») существует обычай «отдавать собаке болезнь» через пищу для выздоровления человека: костр. *Песий ячмень — бабушка испекёт хлеба, мыкиша выломит, поешь — и собаке отдай, быстро сойдёт; Печачмёнь скóчит, дак кто первый родился в семье, должен ткнуть кúкишем в глаз больному: «Печачмёнь, леги собаке на жóпу!»* [ЛК ТЭ]. Само это заболевание объясняется в народе тем, что человек смотрел на собаку в ненадлежащее время — когда она справляет нужду: *Не гляди, когда собака сёрет — обязательно вскочит песий ячмень — не гляди, когда собака свою нужду справляет; Как бежит собака и как она — раз, ногу подняла <...> И вот поглядишь на её, и надо сказать: «Сси-серй на свой шары!» Вот три разá надо проговорить* [ЛК ТЭ]. В народной медицине есть также отсылающий к переносу болезни через пищу с человека на собаку «рецепт» от гидраденита, называемого *сучьим выменем* или *сучьими со-сочками*: костр. *Сúчы сосóчки — под мышкам как вередá ходили. Мажут сметаной их. Хлебом стирают сметану эту, хлеб подают собаке* [ЛК ТЭ].

О том, что собака обладает знанием, свидетельствуют русские паремии со словами *собака* и *пес*, построенные аналогично выражениям *бог / черт / бес / леший (его) знает*, обозначающим неизвестность, непонятность: *пес (тебя, его и т. п.) знает* ‘неясно, непонятно, неизвестно и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 1296], смол. *собака кого-либо знает* ‘никто не знает’ (*Что делать? Собака ее знает, 1905–1921*) [СРНГ, т. 39, с. 138] и др. Структурно-се-

мантическую пропозицию подобных выражений следует трактовать следующим образом: «человек не знает того, что известно inferнальным персонажам». В числе таких «знающих» персонажей оказывается пес, собака — кстати, единственное животное в ряду субъектов сакрального знания, название которого функционирует в составе таких паремий. Ср. также омск. *пёс таскает* ‘чёрт носит’ (*Где тебя пёс таскает?*) [СРНГ, т. 26, с. 299].

Народные представления о связи собаки с потусторонним миром позволяют предполагать, что собаке приписывается обладание сакральным знанием, что сближает ее с бесом, чертом (ср. выражение *беса съест*) и объясняет функционирование лексемы *собака* в составе выражения, называющего человека опытного, сведущего. Ср. мнение М. А. Евдокимычевой о том, что выражение *собаку съест* обозначает «такую полноту знания (или настолько совершенное умение), которое может быть достигнуто с помощью магии» [Евдокимычева, 2007, с. 58].

СОБАКА И УМЕНИЕ

При отсутствии выражения *беса съел*, оказывающего мощную поддержку сакрально-мифологической версии происхождения идиомы *собаку съест* и суживающего круг версий до связанных с сакральными смыслами, вполне можно было бы предположить на основании все той же идеи уподобления едящего пище, что поговорка апеллирует к реальным, немифологическим характеристикам объекта, а именно прояснить актуальность смысла ‘опытный, умелый, наученный’ для образа собаки.

В гнезде с вершиной *собака*, объединяющем дериваты этого слова и выражения, включающие в себя эту лексему, обнаруживается множество линий семантического развития, которые приводят, например, к пополнению таких лексико-семантических полей, как «Брань», «Злость», «Верность», «Служение», «Количество» и т. д.

Среди этих семантических векторов присутствуют такие, которые ведут к лексико-семантическому полю «Опыт» и «Умение». «Мостик» к ним перекидывается от стереотипов «собака — существо страдающее, несчастное, терпящее побои и лишения, наученное побоями» (*жить, умереть и т. п. как собака; убить, избить, выгнать как собаку; вешать всех собак на кого-либо* [ССРЛЯ, т. 14, с. 5—6], *собачья жизнь* ‘тяжелая жизнь’ [Михельсон, 2012б, с. 413], *как собака (устать, проголодаться и т. п.)* ‘очень, сильно’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 6]) и «собака — животное, используемое для охраны, охоты, перевозки грузов» (ср. множество диалектных обозначений охотничьих собак, гончих: *заячья собака, зверовая собака, охотнинская собака, собака-следник* и др. [СРНГ, т. 39, с. 137–138], *красногон* [СГРС, т. 6, с. 137]).

Собака представляется животным, наученным, обученным выполнению каких-либо действий, «натасканным», «дрессированным», отсюда вторичное образование — простореч. *собака* и *собака на что-либо, в чем-либо* (или с неопр. формой глагола) ‘о знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатке своего дела’ (*Ведь тоже и по бумажным делам какая собака! Из других станиц приезжают к нему бумаги писать.* Л. Толстой, Казаки. — *Ну, и соба-ака на слово-то! — улыбнувшись широкою, самодовольною улыбкою, произнес Кондратий Савельич.* Наумов, Юровая. — *Пьет, мошенник, шибко, зато собака писать.* В. Соллогуб, Тарантас [ССРЛЯ, т. 14, с. 7].

Примечателен в этом смысле и глагол *насобачиться*. В современном русском языке он обозначает приобретение конкретного умения: простореч. *насобачиться* ‘научиться ловко что-либо делать’ (*Савелий, по народному выражению, лихо насобачился говорить по-английски.* — Марл. Мореход Никитин; *Так-то, товарищ технорук... Здорово вы насобачились строить памятники.* — Гладков. Цемент) [ССРЛЯ, т. 7, с. 516].

Существительные *нёс* и *собака* могут использоваться при экспрессивной характеристике человека, если он проявляет хитрость, изворотливость, ум, сообразительность: урал. *нёс* ‘о хитром человеке’ [СРНГ, т. 26, с. 299], *собака* ‘употребляется при выражении удивления, восхищения кем-либо’ (*Он малый ловкий И, нечего сказать, учен, Учен, собака!* Полон. Свеж, преданье. — *Ничего, видно, не поделаешь — хитер, собака, ловко придумал.* Гарин, Неск. лет в деревне) [ССРЛЯ, т. 14, с. 7].

Итак, обученность — компонент образа собаки, устойчивость которого в русском языковом сознании подтверждается вторичными обозначениями опытного, умелого человека или его действий, появившимися в результате семантической деривации внутри гнезда с вершиной *собака* (*собака* ‘дока’, *насобачиться* ‘хорошо научиться что-либо делать, приобрести опыт’). Симптоматично допущенное А. П. Чеховым расширение выражения прилагательным *легавый*, называющим охотничью собаку, которая встает перед добычей на задние лапы: *Психология занимает самое видное место. На ней наши романисты легавую собаку съели* (Чехов. Осколки московской жизни, 1883) [ФЭБ]. Если собакой называют доку, сведущего, опытного в каком-либо деле, то выражение *собаку съест* в этом случае следует трактовать тоже через мотив поедания (как *скорпионов съест, крокодила съест*) следующим образом: «съев доку (или собаку, способную к обучению, дрессировке), приобрести его свойства, стать сведущим, опытным человеком».

* * *

Таким образом, комплексный системный анализ группы номинаций, имеющих сходство в семантике, выявляет сходство моделей номинации и позволяет пролить свет на происхождение выражения *собаку съест*, которое относят к сращениям [Бизунова, 2005, с. 64 и др.], а значит, к «темным» языковым фактам.

Хотя действительно, по словам М. Л. Ковшовой, «само по себе «действие *собаку съест* вне фразеологизма не обладает символическостью — ни в обрядах, ни в литературе этому свидетельств не обнаружено» [Ковшова, 2009, с. 30], данное выражение может быть проинтерпретировано через посредство символических смыслов, стоящих за каждым компонентом словосочетания, с учетом существования сходных по структуре выражений на широком фоне принадлежащих лексико-семантическому полю «Опыт» номинативных единиц, объединенных гастрономической метафорой.

Мы показали, что идиомы *съест собаку*, *сожрать собаку*, *беса съест* имеют структурно-семантическое сходство в мотивационном отношении с выражениями *крокодила объесться*, *скорпионов съест*, *рябчика съест*, *козла съест*, *медведя съест* и др. Их объединяет сакрально-мифологическая основа, а именно идея уподобления едока пище, в качестве которой выступает живое существо или inferнальный персонаж. Характеристики этого существа переносятся на человека, являющегося субъектом действия, которое обозначено глаголом *съест*. Интерпретация предиката составляет половину толкования семантики анализируемого выражения. Вопрос о толковании образа собаки может быть решен или в рамках той же мифологической версии (собака обладает сверхъестественным знанием), или в контексте бытовых представлений о животном (собака поддается дрессировке, она обучается вплоть до формирования у нее навыков — сторожевых, охотничьих, ездовых и прочих, поэтому ее образ может служить символом выработанного умения, то есть опыта многократного выполнения какого-либо действия или деятельности).

Объяснение появления семы 'опытный' на основе представлений о бытовых характеристиках собаки кажется достоверным с точки зрения семантической точности: умение, обучение, мно-

гократное повторение действий и выработка навыков как раз и составляют сущность накопления опыта, а поедание существа, обладающего такими реальными свойствами, символизирует приобретение таких свойств.

В свою очередь, сакрально-мифологическая версия привлекательна тем, что семантическая рамка демонизма связывает оба компонента идиомы *собаку съесть*: и образ мистического поедания для чудесного уподобления, и образ собаки, обладающей в народном сознании связью с потусторонним миром. Наконец, несомненным свидетельством в пользу магической версии происхождения выражения *собаку съесть* являются записи речи носителей русских диалектов, в которых есть упоминания о магическом ритуале поедания собаки для приобретения способности к колдовству: «Для того, чтобы научиться колдовать или получить сверхъестественные способности, необходимо было в сакральном месте (бане) съесть собаку или собачьи отходы: “И вот эта собака будто вышла и ей будто бы сорвало. И вот эти отходы он (собирающийся стать колдуном. — Т. Б.) должен был все съесть”» [Бунчук, 1997, с. 212]. Кроме того, серьезным аргументом «от языковой системы» является присутствие в лексико-семантическом поле «Опыт» идиомы *беса съесть*, которая также состоит из двух компонентов, имеющих мифологическую семантику (мистическое поедание + изворотливая искушенная бесовская натура).

2.5. ЗНАТЬ СВИНЫЕ ПОЛДНИ

Т. В. Леонтьева

К числу фразеологизмов, неясных для носителей современного русского языка, относятся выражения, характеризующие опытного и неопытного человека, в составе которых присутствует оборот *свиные полдни*: вят. *знать свиные полдни* ‘быть взрослым, искушенным в чем-л.’ (1892) [СРНГ, т. 29, с. 42], ворон. *не знать свиных полдней* ‘ничего не смыслить в жизни, не иметь никакого жизненного опыта’ (1892) [СРНГ, т. 29, с. 42]. Мы лишь с большой долей условности можем говорить об антонимии между ними с учетом ситуации диалектного членения языка — между Воронежем и Кировом около полутора тысяч километров, но все же общерусская основа диалектов позволяет нам соотносить их в силу структурно-семантической близости.

Современному носителю языка непонятен прежде всего оборот *свиные полдни*, но по крайней мере его второй компонент (*полдни*) кажется ясным, очевидно соотносимым со словом *полдень*, обозначающим в современном русском языке время суток, поэтому сначала обратимся к временным смыслам в указанных и сходных с ними выражениях, а затем уделим внимание другим составным частям фразеологизма.

Временной компонент анализируемых выражений. Слово *полдни*, надо полагать, является обозначением приблизительно середины дня, которое часто определяется относительно времени

принятия пищи, что характерно для традиционной крестьянской культуры с ее циклическими хозяйственными работами, прерываемыми на краткий отдых и еду, в течение светового дня.

Вне сочетания со словом *свиной* субстантивы *полдень*, *полдни*, *полдня* обозначают околообеденное время, то есть период незадолго до обеда и несколько после него: нижегор., моск., тул., костром., калуж., курск., сарат., пенз., орл., ворон., дон., свердл., перм., ср.-урал., сиб., ср.-обск., тобол., смол., вят., новг., курган. *пóлдни* и пск. *полдні́* ‘середина дня, полдень’ (моск. *С полдён день на убыль пошёл, к вечеру*; вят. *Солнце с полдён своротило* — солнце миновало высшую точку над горизонтом) [СРНГ, т. 29, с. 41], калин. *пóлдня* и пск. *полдня́* ‘промежуток времени от 11—12 часов дня до 3—5 часов; «до обеда и после обеда»’ (*Опосля обеда — пóлдня*) [СРНГ, т. 29, с. 44], калин. *пóлдня* ‘отдых в обед’ [Там же].

Производный глагол *полудневать* (*полудновать*) в русских народных говорах также может называть завтрак, обед и полдник: ‘полдничать’ (курск., орл., брян., смол., великолукск., пск., новг., моск., калуж., тул., ворон., астрах., дон., краснодар., юж.-урал., новосиб., амур., ульян.), ‘обедать’ (дон., твер., смол., ряз., моск., костром., прибалт., свердл.), ‘завтракать’ (смол., зап.-брян., саратов.) [СРНГ, т. 29, с. 145].

Чаще же эти слова и родственные им лексемы обозначают послеобеденное время, ср. литературные факты *полдник*, *полдничать*, подразумевающие принятие пищи между обедом и ужином; волгогр. *полднева́ть* ‘принимать пищу в промежутке между обедом и ужином; полдничать’ (*Палдниливали мы часа чирис тричатыри послы абеда*) [СДГВО, с. 447] и др.

Остается вопрос: меняет ли что-то определение *свиной*, прилагаемое к слову *полдни*, вносит ли поправки в трактовку существительного, то есть совпадает ли «человеческий» полдень и «свиные полдни».

Зоологическая составляющая образной основы выражения свиные полдни. Слово *полдни* устойчиво сочетается в русских диалектах со словами *свиной*, *свиначий*. И вновь, в полном соответствии с разнобоям временной маркировки слова *полдень*, *полдни* и их дериватов, у оборота *свиные полдни* обнаруживаются значения ‘поздним утром’ и ‘после полудня’, ср.: калуж. *свиные по́лдни* ‘время около трех-четырёх часов дня’ (1916) [СРНГ, т. 36, с. 285], влад. *свиные по́лдни* ‘время после полудня’ (1853) [СРНГ, т. 29, с. 41], с одной стороны, и волгогр. (дон.) *свиные по́лдни* ‘9–10 часов утра (время первого кормления свиней)’ (*Ну, иди в хату, поешь; свиные полдни, а он вылёживается* — А. Серафимович. Змеиная лужа) [СДГВО, с. 447], дон. в *свиначий (свининый) полдень*, в *свиначьи (свининые) по́лдни* ‘в 9–10 часов утра (когда обычно дают первый корм свиньям)’ (*Вот долго спала, в свиначьи полдни встала*, 1975) [СРНГ, т. 29, с. 42], с другой стороны. При этом если отсылка к «утренним свиным полдням» объясняется тем, что это время кормления свиней, то «послеполуденные свиные полдни» остаются необъясненными. Последние можно соотнести разве что с дневным отдыхом скота на выпасе: калин. *полдни* ‘отдых для скота’ [СРНГ, т. 29, с. 41], тул., моск., арх. *полдень* ‘место полуденного отдыха, водопоя скота и дойки коров’ (*Лошади на полднях; Овец с полден погнали; Мать пошла на полдни корову доить; Така полдень есть, чисто место, выгоняют сюда скота*) [СРНГ, т. 29, с. 41]. Однако среди примеров, мы видим, свиньи не упоминаются.

И все же в двух опубликованных в XVIII и XIX веках пособиях по ведению хозяйства мы нашли рекомендации, как следовало управляться со свиньями «в полдни»:

(1) ...когда свиньи в полдни домой прибегают, то им грязи и мокрого песку подстилать [Флоринова экономия..., 1760, с. 115];

(2) *Где есть винокурение <...> назначено барду употреблять для откармливания свиней <...> Всего лучше давать им барду понемногу, и всем держаться следующего порядка: к барде допускать их в день три раза, именно поутру в 6 часов, в самые полдни, и в 6 или 8 часов с полдней* [Управитель ..., 1810, ч. IV, с. 27].

Речь идет об околообеденном — втором по счету в течение дня — кормлении свиней, которое еще и зависело от выпаса скота: стадо пригоняли домой. И первое, и второе кормление свиней — это разные составляющие ухода за свиньями, а поскольку в русских говорах нередко используются слова *управляться, правиться, справлять* как обозначения работ по хозяйству, становится понятным слово *справлять* в составе смол. *справлять свиньи полдни* ‘слишком поздно (после полудня) делать то, что обычно делают рано утром’ (*Як вы поздно скот гоните: свиньи полдни справляете*, 1914) [СРНГ, т. 29, с. 42], хотя перед нами уже переносное обозначение — вторичная номинация.

Анализ диалектных записей, содержащих этот оборот, показывает, что выражение *свиньи полдни* в большинстве его фиксаций выполняет функцию не номинативную, а оценочную, то есть не столько служит указанием на определенное время суток, сколько выражает неодобрительную оценку в отношении запоздания в выполнении какой-либо работы (особенно если человек встает днем, а не утром), а значит — нарушения заведенного порядка, поскольку крестьянские заботы предписывают ранний подъем и работы до наступления дневного зноя. Иначе говоря, оборот приобретает значение ‘не вовремя, поздно’: диал. (б/у места) *в свиньи полдни* ‘поздно’ [Даль, т. IV, с. 152], калуж. *свиньи полдни* ‘не вовремя, поздно’ (1916) [СРНГ, т. 36, с. 286], влад. *в свиньи полдни* ‘поздно’ (1858) [СРНГ, т. 36, с. 285], влад. *свиньи полудни* ‘поздно утром’ (*Хватился за работу в свиньи полудни и ничего не сделал*) (1858) [СРНГ, т. 29, с. 144].

Словарные данные, как мы видим, фиксируют преимущественно структуру с предлогом *в*, реализующим здесь временное значение.

Текстовый поиск в сети Интернет дает схожие фиксации из живой речи, но иной структуры — в них используется предлог *до*. На одном из интернет-ресурсов Белгорода читаем: *Друх, ты видимо не понял. Я приезжаю, на парковке стоит от силы 5 машин. Я и ставлю на свободное. А эти харю проплющили до свиных полдней, приехали и место в теньке им подавай*) [Автофорум, 2013]. Выросшая в Кировской области (с. Сосновка) В. Колбина вспоминает: «*Опять дрыхнете до свиных полдён*», — *ворчала мама, когда мы позволяли себе подольше поспать* [Колбина, 2014] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников). С тем же предлогом см. отрывок из художественного произведения: *Базар вон отошёл... до свиных полден прохлаждается* (А. Серафимович. Мышиное царство) [СДГВО, с. 447].

Симптоматична сочетаемость оборотов с *дрыхнуть* и *харю проплющить*: киров. *до свиных полдён дрыхнуть* и белгород. *до свиных полдней харю проплющить* (очевидно, что эвфемизм, заменяющий *проспать*, употреблен в переносном значении ‘промедлить’).

При этом анализируемые обороты *до свиных полдней* и *до свиных полдён*:

- обозначают чрезмерную продолжительность сна или бездействия;
- функционируют в глагольных сочетаниях;
- заменяют наречие меры длительности — *долго*;
- имеют структуру, типичную для выражений, характеризующих временной предел: приставка *до* + лексема с семантикой времени.

Таким образом, белгород. *до свиных полдней* и киров. *до свиных полдён* означают ‘долго, допоздна’.

Наконец, диалектный материал предоставляет свидетельства того, что прилагательные *свиной*, *свиначий* входят в состав других выражений, вовсе не содержащих лексического маркера времени в своей структуре (отсутствует слово *полдни*), сочетаясь со словом *голос* и при этом служа обозначениями слишком раннего либо позднего времени. Любопытно, что в записях середины XIX века отмечается значение ‘рано’, а в фиксациях середины XX века на южных территориях — значение ‘поздно’, ср. влад. (1848), казан., моск., волог. *в свин голос* ‘рано, очень рано’ (казан. *В свин голос встают да за работу принимаютя*) [СРНГ, т. 36, с. 280], курск. *в свиной голос (идти, приходит и т. п)* ‘очень рано утром’ (*Ен пришел в свиной голос, еще все спали*) (1859) [СРНГ, т. 36, с. 285], с одной стороны, и краснодар. *в свиной голос (идти, приходит и т. п)* ‘слишком поздно’ (1949) [СРНГ, т. 36, с. 285], краснодар., дон. *в свиначий голос (идти, приходит и т. п)* ‘идти куда-либо поздно, с опозданием, к шапочному разбору’ (дон. *Пойдешь за молоком, опоздал, пришел в свиначий голос*) (1965) [СРНГ, т. 36, с. 292], с другой стороны. Между тем, если принимать во внимание пояснение В. Даля, в приложении к ситуации выпаса свиней временные точки «рано» и «поздно» смыкаются, поскольку пастух иногда пригоняет свиней в деревню поздно ночью, практически перед тем, как начинает светать, а это одновременно и «поздно», и «рано»: диал. (б/у места) *кричать в свин голос* ‘не во время, некстати, до поры, либо спустя пору, заранее или запоздно, особенно последнее; оттого, что свиньи, пускаемые без пастуха, бегут с поля поздно, нередко уже ночью, с хрюканьем и ревом, и подымают хрюканье до свету’ [Даль, т. IV, с. 152]. Еще одна сходная фиксация характеризует поздний посев: диал. (б/у места) *сеять в свин голос* ‘(сеять) в осенние холода, когда свиньи

с визгом бегут с поля домой' [Даль, т. I, с. 380], — но в целом она не выбивается из общего ряда, поскольку выражает смысл 'поздней (осенью)'

Итак, идиомы (*в*) *свиные полдни* и *в свин голос* и их варианты появились на основе знаний об уходе за свиньями (времени первого кормления, времени их полуденного отдыха, времени возвращения из полей в деревню, а они закреплены в суточном круге).

Из вышеизложенного следует, что *свиные полдни* — это по преимуществу маркер суточного времени, притом с коннотативной добавкой 'поздний'. Далее необходимо выяснить, что может привнести глагол *знать* в общее содержание выражений.

ЗНАНИЕВЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМАНТИКИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАТЬ СВИНЫЕ ПОЛДНИ. В мотивационной семантике языковых единиц, образующих лексико-семантическое поле опыта, смыслы 'знать' и 'не знать' занимают по понятным причинам значительное место, поскольку и собственно опыт как категория принадлежит к обширной семантической области «Знание». Так, в ономаσιологическом ключе весьма показательны такие языковые единицы, как калуж., вят., арх., волог., пск., смол., брян., ворон. *спозна́вать* 'испытывать, узнавать на опыте, переживать что-либо' (*Ты спознай-кась, сын, чужу сторону; Тут и спознали житье в бедности*) [СРНГ, т. 40, с. 196], олон., костром., новг. *спрове́дать* 'испытать, узнать что-либо на опыте, изведать' (*Ты тюрьму спроведаешь*) [Там же, с. 264], урал. *зна́карь* 'человек, много знающий, опытный' (*Знакарь знат все, метливый, время знат, когда посадить*) [СРНГ, т. 11, с. 306], пск. *знако́мистый* 'много знающий, опытный, сведущий' (*Я не знакомиста, я не могу рассказать*) [СРНГ, т. 11, с. 306], ср.-урал. *зна́ткий* 'много знающий, опытный' [СРНГ, т. 11, с. 309] и мн. др.

Глагол *знать* и его дериваты обнаруживаются и в составе фразеологизмов, паремий, называющих приобретение опыта:

пск. *знать / узнать, почём фунт жареного гвоздя (изюма)* (шутл.) ‘испытать много трудностей, горя, приобрести определённый жизненный опыт’ [СПП, с. 62], пск. *узнать, почём пуд соли* ‘испытать многое в жизни’ [СПП, с. 63]. Они свидетельствуют о том, что в процессе номинации приобретения опыта конструируются метафоры измерения веса и покупки-продажи (*почем фунт, почем пуд*).

Время — тоже измеряемая и познаваемая категория, как и вес, поэтому можно предположить, что опытный человек представлялся носителям русских народных говоров (в литературном языке анализируемые обороты с сочетанием *свиные полдни* отсутствуют) как распознающий время циклических хозяйственных работ, а неопытный, соответственно, — как не знающий элементарных по меркам крестьянского быта вещей — времени кормления домашнего скота.

Изложенный материал позволяет выдвинуть две интерпретационные версии.

Первая версия имеет подспорьем группу выражений, обладающих структурно-семантическим сходством: они имеют в своем составе слово *знать* (или его дериваты) и обозначают опытного или неопытного человека. Можно также принять в расчет очень близкое идиоматическое обозначение глупого человека: орл. *не знать дён-полдён* ‘кто-либо не разбирается, ничего не понимает в чем-либо; глуповатый’ [Зубова, 2016, ч. 1, с. 96]. Тогда выражение *знать свиные полдни* соответствует модели «опытен тот, кто узнал меру вещей (вес, время), кто знает порядок, круг хозяйственных работ», которая воплощается и в перечисленных выше фразеологических обозначениях опыта, опытного человека со словом *знать*.

Другой вариант толкования буквальной основы выражений *знать свиные полдни* и *не знать свиных полдней* можно предло-

жить, если обратить внимание на сему ‘поздно’, устойчивую для сочетания *свиные полдни*, и одновременно на положение «свиных полдней» в суточном круге. Они приходятся на время около полудня или позднее, а значит, подчеркивается, что день «перевалил за середину». Как кажется, можно истолковать анализируемые обороты с позиций возрастной метафоры — одной из самых заметных в лексико-семантическом поле «Опыт» (см. выше). Русскому языку известна метафора «жизнь человека — сутки» (*утро жизни* ‘детство’, *вечер жизни* ‘старость’, *на закате дней* ‘в старости’). Диалектные производные от *полдень* тоже способны развивать возрастные значения в применении к животным и людям: яросл. *полудённыйк* ‘теленочок в возрасте до одного года’ и ‘детеныш любого домашнего животного в возрасте до одной недели’ [ЯОС, т. 8, с. 54], яросл. *полудённая телка* ‘телка по второму году’ и *полудёнок* ‘годовалый теленок’ [СРНГ, т. 29, с. 143], южн.-сиб., иркут., беломор. *полудновать* ‘жить последние минуты перед смертью, едва держаться, существовать’, южн.-сиб. *едва у кого-либо душа в теле полуднует* ‘едва в ком-либо теплится жизнь’ [СРНГ, т. 29, с. 145]. В этом ракурсе обоснованной кажется интерпретация «знать свиные полдни — перевалить за середину суток — прожить полжизни — знать жизнь — быть опытным».

3

**ЛЕКСИКА РЕСУРСНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК ЧЕЛОВЕКА**

(М. А. Еремина, Т. В. Леонтьева)

3.1. СИНОНИМИЧЕСКИЙ РЯД *ИЗГОЙ, ОТВЕРЖЕННЫЙ, ПАРИЯ, ОТЩЕПЕНЕЦ*

М. А. Еремина

Идея отверженности репрезентируется в современном русском языке синонимами *изгой, отверженный, пария, отщепенец*. Показателем синонимичности лексем является пересекающаяся часть их значений ‘тот, кто стоит вне какой-либо среды, общества в результате отвержения’, выделяемая в результате дефиниционного анализа, ср.: *изгой* ‘человек, стоящий вне какой-либо среды, общества, отвергнутый ими; отверженный, отщепенец’ [СлРЯ, т. 1, с. 641]; *отверженный* ‘изгнанный из общества, отвергнутый обществом, всеми избегаемый, презираемый’ [СлРЯ, т. 2, с. 666]; *пария* ‘бесправное, угнетаемое, отверженное существо’ [СлРЯ, т. 3, с. 24]; *отщепенец* ‘тот, кто откололся от какой-либо общественной группы, среды; тот, кто отвергнут обществом’ [СлРЯ, т. 2, с. 724].

Семиотика отверженности, являясь одной из множества форм проявления универсальной оппозиции «свой — чужой» [Корнева, 2014, с. 26], остается пока малоизученной областью в сфере семантических изысканий. Исследователи, обнаруживая значительное количество номинаций данного тематического класса, ограничивались рассмотрением отдельных лексем: *отщепенец* [Виноградов, 1999; Воркачев, 2013а; Воркачев, 2013б], *изгой* [Лотман, 1982; Хашимов, 2015], *диссидент* [Хашимов, 2015; Васильева, 2014].

Между тем исследование синонимического ряда как лексической микросистемы, основанное на выявлении существенных семантических, конструктивных и сочетаемостных сходств и различий, приближает к решению задач как теоретического, так и практического характера. Во-первых, реализуется принцип активности описания лексики, согласно которому оно должно содержать «по возможности исчерпывающую информацию о каждой лексеме, необходимую не только для ее понимания в произвольном тексте, но и для правильного использования в своем собственном тексте» [НОСС, с. 9]. Данный принцип масштабно разрабатывается в лексикографических проектах исследовательской группы под руководством Ю. Д. Апресяна [Апресян, 2009; Апресян, 2007; Апресян, 2002]. Во-вторых, изучение лексем с общей семантикой отверженности позволяет реконструировать фрагмент наивной социологии, то есть общего взгляда на нормы человеческих взаимоотношений в обществе, присущего русскому языку [Языковая картина мира ..., 2006].

Эмпирической базой исследования и источником иллюстраций послужил Национальный корпус русского языка [НКРЯ] (далее в данном параграфе примеры не паспортизируются, если они извлечены из этого источника), в котором представлены тексты основных жанров словесного творчества: художественной прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, мемуаров, публицистики. Художественные тексты и тексты СМИ рассматривались как равнозначные источники на основании отнесенности синонимов к одному стилистическому разряду «книжных» слов.

Далее описание синонимов строится путем выделения в ходе контекстного анализа сквозных семантических и конструктивных признаков каждой из четырех лексем.

3.1.1. Изгой

«Типичный» изгой — это человек, характеризующийся свойствами, которые противопоставляют его общественной среде и / или понижают его положение в социальной структуре, ср.: *Наверное, он имел в виду то, что персонаж-изгой во всех отношениях получился изгой, и добился, чтобы герой никоим образом не вписывался в общество* (Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое); *Полукровка, полукровка, Неудачливый изгой, Где проходит эта кромка — Пол одной и пол другой?* (А. Городницкий. Полукровка). Статусом изгоя может обладать не только индивид, но и группа людей, объединенных по признаку принадлежности к определенной, как правило творческой, профессии, ср.: *Сегодня, когда в силу причин унижающих, нечеловечных, преступных — слово «актер» звучит как «изгой», как пария, когда из всех зарплат «бюджетников» зарплата тех, кто работает в театре — стоит ниже всех, наша профессия считается непрестижной* (Т. Доронина. К. С.); *Поэт — изгой; это по определению, это общее место* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений), или социальная структура, в частности, государство, ср.: *В Кремле требовали именно открытых, публичных встреч, которые стали бы демонстрацией того, что Россия не изгой, а партнер* (Повестка дня // «Эксперт»); *Объявленный большевиками дефолт по долгам царского и Временного правительств, национализация частной собственности, в том числе иностранной, и ленинский «Декрет о мире без аннексий и контрибуций» оставили Россию с пустыми руками, на положении, которое лучше всего определяется современным термином «государство-изгой»* (В. Абаринов. Ошибка «короля шпионов» // «Совершенно секретно»). Обнаружить признаки изгойства можно и у животных, ср.: *Дважды Иван Иванович выводил его на выставку: снимали с ринга без оценки. Значит — изгой. И все же Бим — не наслед-*

ственная бездарь, а замечательная, настоящая собака: он начал работать по птице с восьми месяцев (Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо). Здесь стоит сделать замечание стилистического характера. Если обращение к человеку как к носителю признака приемлемо для всех типов дискурса, то государство (страна) и животное в силу особенностей данных референтов разводятся соответственно по публицистической и художественной сфере использования языка.

Среда, которой противостоит изгой, чаще всего представляет собой социальную группу, замкнутую, ср.: *Он фаворит школы, она **изгой** и отшельник* (Форум: Обсуждение фильма «Спеши любить»), — или незамкнутую, ср.: *Опальный человек, **изгой**, находившийся в состоянии utlegd, не мог жить в обществе, удалялся в незаселенную местность (отсюда его название skogarmadr; живущий в лесу) и считался оборотнем, волком (vargr)* (А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры).

Изгой может находиться в конфликте с идеологической системой, реализуемой в форме социального института или социальной практики, ср.: *При этом для Андрея Платонова у авторов пока что нашлась не столько теоретическая, сколько историко-литературная характеристика: «**изгой** соцреализма»* (А. Люсьи. О томе IV «Теории литературы» // «Октябрь»).

Взаимоотношения общества и изгоя могут регулироваться разными способами, например, путем ограничения его социальных прав, ср.: *По этой логике **изгой**, лишенный гражданства, неизбежно лишен и прав* (С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям). Влияние на изгоя оказывается также в форме общественного мнения, в котором преобладают оценки презрения и уничтожения, ср.: *Их бог — **изгой**, бродяга, он бросил свою мать* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Кто не любит землю, не чувствует ее материнства, тот — раб и **изгой**, жалкий бун-*

товщик против матери, исчадие небытия (С. Н. Булгаков. Свет невечерний); *Безродный изгой, никому не интересный, духовно пустой* (В. Попов. Свободное плавание // «Звезда»); *Эстонская школа. Йозеп — изгой в своем классе. Его положено унижать, над ним положено издеваться* (О. Андреева, Г. Тарасевич. Отличники с Манежной // «Русский репортер»). Кроме того, как при восприятии любого чужака негативная оценка изгоя может варьироваться до опасливого уважения [Лотман, 1982, с. 87], ср.: *Ощущение, что ты изгой, но такой изгой, которого не презирают, а боятся* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы, 1997); *Она чувствовала, только стыдилась сознаться, что казак Пугачев — не маркиз со страниц авантюрного романа французского, не презренный изгой, а доподлинный вождь народа — опасный и грозный* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев).

Социальная норма в отношении изгоя предусматривает меру, которая позволяет определять степень проявления признака, ср.: *Только очень сильная личность, почти изгой способен идти наперекор тем требованиям, что предъявляет женская половина* (С. Г. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь); *Полукровка — почти такой же изгой, как и бывшие отверженные, как гонимые и уничтожаемые фашизмом и коммунизмом евреи* (В. Кантор. Жизнь или «жизненное пространство» // «Октябрь»).

Причина конфликтных взаимоотношений индивида и социума в некоторых случаях кроется в слабой или несправедливой организации последнего, ср.: *Правда, еще могут посадить ни за понюх табаку, что у нас случается сплошь и рядом, однако надо принять в расчет: бывают такие государства и времена, когда нормальное положение нормального человека — изгой, и место ему в тюрьме* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь»); *Сытый ли, голодный ли, в толпе или изгой, властитель, раб или вольный граж-*

данин — человек несчастен (А. Кабаков. Последний герой). Ряд контекстов фиксируют возможность смены отрицательной оценки на положительную, и делается акцент на сильных сторонах натуры человека-изгоя — воле и чувстве собственного достоинства, ср.: *Я — **изгой**, князь, а потому исполняю лишь те повеления, которые хочу исполнить* (Б. Васильев. Вещий Олег); *Только очень сильная личность, почти **изгой** способен идти наперекор тем требованиям, что предъявляет женская половина* (С. Г. Кара-Мурза. «Совок» вспоминает свою жизнь); *Гордый **изгой**, пытающийся устоять в перекошенном мире* (Е. Губайдуллина. Бах и Коломбина. Завершаются Дни Швейцарии в Москве // «Известия»). Признание за изгоем личностного начала и учет возможности «маргинального самоопределения» [Переверзева, 2015, с. 62] позволяет упоминать в этом качестве конкретные лица, ср.: *В этом смысле его превосходил разве что **изгой** Вампилов, не принятый не только партийно-театральной цензурой — тут многие были равны, — но и стилем, господствовавшим в «прогрессивной» части театра и литературы* (С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них), а также допускает высказывания, содержащие самоидентификацию, ср.: *Был еще один мальчик, с кем я не то что крепко дружил, но он был такой же **изгой**, как и я, и очень уж льнул ко мне* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего).

В целом в общественном мнении по отношению к изгоям заметна амбивалентность, сосуществование позиции осуждения, с одной стороны, и принятия, с другой стороны. Контексты демонстрируют использование двух противоположных оценочных схем: (1) ‘X — изгой, но «хороший»’, ср.: *Калека ты, **изгой**, урод, несчастный бездомный чужестранец — ты все равно человек, ты достоин любви* (М. Шишкин. Венерин волос // «Знамя»); (2) ‘X — «хороший», но изгой’, ср.: *Друзья детства остаются*

комаровскими аборигенами, а он — всегда радостно принятый, но все же — **изгой** (М. Чулаки. Примус // «Звезда»); *На Западе пьяница — аутсайдер, **изгой**, будь он хоть семи пядей во лбу* (Д. Карапетян. В. Высоцкий. Воспоминания). Основой сочувственных интонаций в высказываниях об изгое является семантическая история слова, восходящая к этимону «тот, кто лишен средств для существования» и свидетельствующая об изначально безоценочном характере слова: изгоем обозначался статус человека, «отколовшегося от какого-либо социального коллектива, но не отвергнутого им» [Хашимов, 2015, с. 42].

Статус изгоя характеризуется социальной мобильностью: человек, однажды изгнанный из сообщества, может восстановить свои права и занять свое место в его структуре, ср.: *Казалось, что черствое, расчетливое сердце Северной Пальмиры наконец растаяло и всем до князя стало дело, будто он уже не прежний **изгой**, а полноправный и обожаемый соплеменник* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов); *Витька сел на заднюю парту — уже не **изгой**, но еще и не полноправный член «творческой группы», хотя какие там могут быть права, Витька не знал* (А. Иванов. Географ глобус пропил). Повышение статуса иногда обусловлено сменой сообщества, например, в случае миграции, ср.: *А портной — **изгой** в своей бывшей стране и только что прижившийся в Штатах* (В Ярославле моден реализм // «Театральная жизнь»).

3.1.2. Отверженный

Синоним *отверженный*, подобно *изгою*, употребляется по отношению не только к единичному субъекту, но и к коллективному, ср.: *Несмотря на то, что были избранным Божиим народом, ныне — **отверженный** и проклятый* (иеромонах Никон (Беляев). Дневник); *В их «отверженных селеньях» течет нормальная, по их меркам, жизнь* (А. Грудинкин. На Земле мы нашли

«марсианских микробов» лишь четверть века назад // «Знание — сила»). Возможно также применение слова к животному, ср.: *Так вблизи Хрустальной Сиверсии кружит отверженный волк, — продолжил рассказ старый Николай* (В. Бурлак. Хранители древних тайн).

За отвержением субъекта стоит непринятие любой группой лиц, как замкнутой, ср.: *После обеда, отверженный всей семьей, я угрюмо занимался в кабинете и несколько раз говорил по телефону* (А. Т. Аверченко. Магнит); *Сидел тут, отверженный от двора Екатерины, с краю пустыря и хоть бы пальцем пошевелил, чтобы сделать свою жизнь наряднее и привлекательней* (Ю. М. Нагибин. От письма до письма), так и незамкнутой, ср.: *И для того чтобы разделить до конца человеческую судьбу, отверженный людьми, распинаемый ими, Он должен приобщиться к последнему ужасу человеческой судьбы — богооставленности или, вернее, утрате, потере Бога* (митрополит Антоний (Блум). Размышления на пути к Пасхе).

Истоки конфликта между субъектом и средой иногда неопределенны. В этом случае отверженность воспринимается как экзистенциальное свойство человека, ср.: *От самого рождения печать рока на мне. Обреченный, отверженный... Ну, что ж?* (Д. С. Мережковский. Александр Первый). Но чаще всего человек получает статус отверженного в результате порочного процесса, катализатором которого выступают нарушения в нравственной сфере субъекта, ср.: *Так может чувствовать себя человек заблудший и отверженный* (В. Рецептер. Репетиллов // «Знание — сила»); *Этот человек, отверженный из отверженных, так низко упавший, как только может представить себе человеческая фантазия, этот добровольный палач, обошелся с ней без грубости* (А. И. Куприн. Яма); *Один брат убит, другой убийца, Каин, отверженный среди людей* (В. Шаров. Воскрешение Лаза-

ря). Субъект может находиться в разных фазах данного процесса, быть почти или совсем отверженным, ср.: *Ему было приятно, что он, почти **отверженный** и загнанный, причастен к этой смерти и не боится ее, а блестящий доцент жметя к дверям и чувствует себя, как набедокуривший перwokлашка в кабинете директора* (В. Корнилов. Демобилизация); *Если бы кто и полез на Горку, то уж разве какой-нибудь совсем **отверженный** человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае* (М. А. Булгаков. Белая гвардия). Существовавши, что процесс является обратимым, ср.: *Но главное — ему теперь кажется, что хотя он и не такой, как все, но уже не **отверженный**, что он нужен людям* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени).

Отличительная особенность синонима — указание на то, что основанием для отвержения может быть несоответствие грешной природы человека религиозной морали. В связи с этим частотно употребление слова в текстах на религиозные темы, ср.: *Поэтому тот, кто не видит в себе греха, есть самый последний грешник, **отверженный** от Бога, забывший Его и никогда не знавший, что такое благодать Божия* (Протоиерей Д. Смирнов. Проповеди); *Михаил, может быть вам неприятно мое посещение? Я, ведь, **отверженный** церковью Лев Толстой...* (К. Орлов. Отъезд Л. Н. Толстого // «Русское слово»).

В любом случае характер конфликта предполагает тесную связь отверженности с проявлениями человеческой индивидуальности. По этой причине для *отверженного* характерны контексты, указывающие на самоидентификацию субъекта, ср.: *Я — разбойникъ, **отверженный** Богомъ, людьми, никогда — никого не жалеть я, — пойми!* (Е. Н. Чириков. Братья-разбойники // Златоцвѣтъ), а также содержащие упоминания конкретных персон, ср.: *В обсуждении и написании Конституции Н.И. принимал*

непосредственное участие, поэтому свое отсутствие на съезде **отверженный** Бухарин переживал особенно тяжело (А. Ларина (Бухарина). Незабываемое). Способность иметь как родовой, так и конкретно-референтный статус сближает синонимы *изгой* и *отверженный*.

Акцент на моральной стороне вопроса приводит к тому, что отверженность рассматривается не как объективное положение дел, а как ощущение ситуативной близости к данному статусу, ср.: *Надежда обижается, бормочет ругательства, отлипает от стены и уходит, набросив бушлатик на плечо, как **отверженный** парень-ухажер, шапчонка набок, не хватает цветка за ухом, полная деревня* (Л. Петрушевская. Надька); *Один я стоял в стороне ото всех как **отверженный**, не решаясь подойти к моим бывшим друзьям* (К. И. Чуковский. Серебряный герб).

В сценарии отвержения заложена избирательность отношения общества к свойствам субъекта: в одном качестве он отвергается, в другом — принимается, ср.: *Везде, в любом представлении, где есть Чарли Чаплин, это человек в котелке и с тросточкой (у нас с воображаемой тросточкой и с усиками, кстати, тоже воображаемыми, никакой бутафории). Наш Чарли — это **отверженный** человек. Всех вокруг интересовали его котелок, походка, но как личность его никто не воспринимал* (Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое). Дифференциация существует и в отношении среды, которая отторгает человека, ср.: *Если для своих земляков я **отверженный**, то для него я в какой-то степени сотоварищ* (Ф. Шахмагонов, Е. Зотов. Гость); *Итак, **отверженный** «приличным» обществом парень, год назад сбежавший из родительского гнезда, поднимается на первую ступень заводской служебной лестницы* (И. Александров, Г. Григорьев. Курако).

Взаимоотношения человека и отвергающего его общества приобретают различные формы: исключение субъекта из соци-

ально-значимой деятельности, ср.: *Утрата работы человеком есть предупреждение, смутный сигнал о том, что этот человек — **отверженный*** (С. Г. Кара-Мурза. Антисоветский проект); пренебрежительное отношение окружающих, для которых он перестает что-то значить и даже существовать, ср.: *Моя мнительность обострилась припадком страха, что Поп расскажет о моей грубости Гануверу и меня не пустят к столу; ничего не увидев, всеми забытый, **отверженный**, я буду бродить среди огней и цветов, затем Томеон выстрелит в меня из тяжелого револьвера, и я, испуская последний вздох на руках Дюрока, скажу плачущей надо мной Молли: «Не плачьте* (А. С. Грин. Золотая цепь); отсутствие прикрепленности субъекта к одному месту, ср.: *Для мира их Учитель — **отверженный** и бездомный Странник, но именно сейчас пришло время Его «славы»* (А. Мень. Сын Человеческий).

Признаки отвержения иногда воспринимаются как своего рода метка, ср.: *То есть как «не коснется» — его оставляют в стороне, он **отверженный**, меченый, да?* (Л. Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове).

Подобно изгою, отверженный находит утешение в возможности осознания и принятия своего положения, реализуя тем самым внутреннюю свободу, ср.: *Ибо самый **отверженный** и темный грешник еще имеет око непогрешимо видящее свой грех* (Б. П. Вышеславцев. Значение сердца в религии // «Путь»).

3.1.3. Пария

Слово *пария*, как и *изгой*, часто относится к представителю творческой профессии, ср.: *Сценарист и вообще **пария**, ему не перепадает даже крох, если, конечно, он не носит имени Михалкова* (Ю. М. Нагибин. Дневник); *Сегодня, когда в силу причин унижающих, нечеловечных, преступных — слово «актер» звучит*

как «изгой», как **пария**, когда из всех зарплат «бюджетников» зарплата тех, кто работает в театре — стоит ниже всех, наша профессия считается непрестижной (Т. Доронина. К. С.); Современный литератор всего меньше «властитель дум», современный литератор — это **пария**, это почти прокаженный (М. Е. Салтыков-Щедрин. Литературное положение). Приписывание положения парии крупным социальным группам возможно только в отношении к группам с недостаточно организованной структурой, ср.: *И почему же Народ мой слаб? И почему народ мой — пария среди других народов? И зачем повторяю собственной судьбою судьбу своего Народа, еврейского?* (О. Эз. Пария), ср. невозможность употребления *государство-пария.

Обычно пария обретает свой статус в рамках социальной иерархии, в которой он противопоставляется более высокому социальному сословию, ср.: *Светского кондачка; и всякое отступление от него встречалось уничижительным презрением; я не соответствовал этому тону; и я был пария («не нашего общества»!)* (А. Белый. На рубеже двух столетий).

Положение парии, в отличие от изгоя и отверженного, рассматривается не как результат идеологического или морально-поведенческого конфликта между социумом и человеком, а как следствие расслоения общества, ср.: *А потом пришел человек, который в глазах иудеев был презренным просто из-за того, чем он был; не за его личные или нравственные недостатки, а потому что он был самарянин: отверженник, то, что индусы называют пария* (митрополит Антоний (Блум). Притча о милосердном самарянине). Воля человека при этом сводится к осознанию своего положения, ср.: *Я — пария, неприкасаемый, я — лишенец и, самое главное, меня могут в любой день арестовать, отправить в ссылку или в лагерь* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего). По этой причине невозможна синонимическая за-

мена на *парию* в контексте: *Я — изгой, князь, а потому исполняю лишь те повеления, которые хочу исполнить* (Б. Васильев. Вещий Олег).

Характеристики личности, на основании которых человек наделяется статусом парии, различны, ср.: *Всячески пария: для хамки — «бедная» (грошовые чулки, нет бриллиантов), для хама — «буржуйка», для тещи — «бывшие люди», для красноармейцев — гордая стриженная барышня* (М. И. Цветаева. Вольный проезд). Иногда эти стороны личности противопоставляются, ср.: *А что я для нее, Инги, как мужчина — гожусь, а как человек — пария?* (В. Корнилов. Демобилизация).

Основной формой проявления общественного неприятия парии становится ограничение вербальных социальных контактов, ср.: *Он не наш, не достоин общения с нами, он — пария...* (Из России пишут // «Дни: Еженедельник», Париж); *Все лица, окружавшие Нежданова, казались, во-первых, более особами, нежели лицами; во-вторых они все очень хорошо знали друг друга и менялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаниями и приветами — иные опять-таки через голову Нежданова; а он сидел неподвижно и неловко в своем широком, покойном кресле, точно пария какой* (И. С. Тургенев. Новь).

Из всех синонимов *пария* обозначает самый низкий социальный статус, ср.: *Места на нарах не дают, хотя его и достаточно, живет под нарами. Он здесь даже не пария. Если уж проводить аналогию с кастовым делением, то Повесть-Чайника следовало бы отнести, скорее, к «неприкасаемым»* (Г. Г. Демидов. Начальник). Он граничит с положением раба, лишённого всех социальных прав и являющегося объектом продажи, ср.: *Выплеснутая на него вода сбегала теперь мелкими серебристыми каплями с его волос, с пальцев его дрожащих рук, с его платья,*

*с его сомлевших колен: словно все существо его плакало, и слезы его лились на пол той самой комнаты, где за два года перед этим он был продан как **пария**, как последний крепостной раскрепощенной России (Н. С. Лесков. На ножах). Пария настолько не вписывается в человеческое общество, что уподобляется животному, ср.: Для людей сострадательных в понятии о нищем смешиваются два противные взгляда: с одной стороны, он человек божий, которому надо подать гроши не по чувству сострадания, а главное, потому, что за это на том свете награда будет; а с другой стороны, нищий — это **пария**, это какое-то особое животное низшей породы, которому нужно только поддерживать свое существование, и больше ничего (Н. А. Добролюбов. Внутреннее обозрение).*

Общий резко негативный характер оценки накладывает ограничение на упоминание конкретных лиц и употребление имен, что отличает слово *пария* от *отверженного*, *изгоя* и *отщепенца*. Вместе с тем эмоциональная оценка парии довольно сложная: на презрение и отвращение накладывается жалость и сочувствие, ср.: *Самый несчастный человек во всей нашей пенсильванской Москве на данный момент — это Майк Макгофф. Он изгой и **пария**. Он один против общества (И. Свиначенко. Век водки не видать // «Столица»).* В связи с этим нет запрета на автореференцию, ср.: *А я люблю без надежд, но все с тем же неугасимым пылом и с тою же нежностью, с тем же безумием. Я — жалкий **пария**, полюбивший королеву. Разве может быть королеве обидна такая любовь? (А. И. Куприн. Первый встречный).* Возможно также сближение *парии* с синонимами *изгой* и *отверженный* в контексте противопоставления социального статуса и внутренней свободы индивида, ср.: *... — И помни: ты **пария**, ты плебей, но не раб! (К. И. Чуковский. Серебряный герб).*

3.1.4. ОЩЕПЕНЕЦ

Для *отщепенца* центральной является идея противопоставления субъекта не столько социальному множеству, сколько определенному порядку вещей, сложившейся в обществе системе взглядов, ср.: *Социальным отщепенцем является такой отщепенец, который обрекается на эту роль по причинам глубоко социального характера, т. е. в силу его взаимоотношений с социальным строем страны, с ее системой власти и с идеологией* (А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца); *Но мой охотник — отщепенец, давно расставившийся с кержацкими предрассудками: нет для него ни Христа, ни Антихриста* (О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца). Наиболее часто отщепенец рассматривается в конфликте с религией как институционализированной системой общественно признанных верований и соответствующей практики, ср.: *Да вы имеете понятие, что такое расстрига? Это отщепенец. Ему нигде места нет!* (В. И. Немирович-Данченко. Святые горы); — *Ну, верно, — подхватил купец, — и этот не простой отщепенец; но злобный и яко лев рыкающий на православие еретик!* (М. Н. Загоскин. Брынский лес); *С атеистом Рабиновичем еще можно, стиснув зубы, смириться (отщепенец, блудный сын), но как быть с Рабиновичем-христианином?* (В. Иванов. Местечковский расизм // Интернет-альманах «Лебедь»). Такой семантический ракурс объясняется историей слова, согласно которой оно изначально функционировало именно в религиозном дискурсе [Виноградов, 1999, с. 88; Воркачев, 2013а, с. 10].

Отвержение отщепенца обществом или его частью является следствием изначального мировоззренческого конфликта. При этом речь всегда идет о незамкнутой группе, ср.: *И это не потому, что я отщепенец мира сего, а потому, что каждый из людей есть вселенский отщепенец* (А. Ким. Мое прошлое // «Октябрь»);

Отщепенец православной церкви, сообщник слуг антихристовых, он и благодарность, и кровь топчет в грязи (И. И. Лажечников. Последний Новик); — *Не вас лично, вы ренегат, отщепенец от своего народа* (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере), ср. неестественное **отщепенец школы*.

Положение отщепенца не определяется какой-либо иерархией, как у парии, оно возникает в среде людей, равных по социальному статусу, ср.: *И здесь мы вновь видим трещины, возникшие между Пушкиным и всей массой его класса, и здесь Пушкин выступает, как отщепенец, как одиночка* (В. Кирпотин. Великий народный поэт // «Народное творчество»).

Главное отличие лексемы *отщепенец* от других синонимов ряда состоит в том, что оно обозначает не собственно статус, а социальную роль, то есть социально ожидаемое поведение субъекта. Поэтому формы проявления признака лежат в основном в области поведенческого, ср.: *Каждый как будто держит шпагат или живет в футляре от контрабаса, это бывает более или менее заметно, но, видимо, каждый «отщепенец» вынужден импровизировать себе жилище, окружающую среду и принимать там неестественные позы* (Л. Гулова. В промежутке — жутко // «Неприкосновенный запас»); *Воспитательница Галина Ивановна пока дает большую калошу, и, хлопая и волоча подошву, девочка ходит позади всего класса как отщепенец, грешная душа, в разных калошах* (Л. Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника).

В силу того, что поступками субъекта руководят не социальные правила и нормы, а его собственные установки, поведение отщепенца иногда носит демонстративный характер, ср.: *Тогда возникают — «Крик ястреба», «Осенний вечер в скромном городке», «На смерть Жукова» (тут автор, принципиальный, демонстративный отщепенец, не может, не хочет скрыть частности к общей и, что бы там ни было, родной судьбе) ...*

[С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них]; Такой **отщепенец** как бы говорит нам: «Изверните меня из среды своей, ибо я одичалый член вашего общежития! [М. Е. Салтыков-Щедрин. Фантастическое отрезвление].

Будучи оценочным ярлыком, синоним указывает не на объективное положение дел, а на ценностную установку, принятую тем или иным сообществом, поэтому является идеологически маркированным [Воркачев, 2013а, с. 9], ср.: *Отборочный матч претендентов на звание чемпиона мира взял и выиграл эмигрант, с точки зрения официальной идеологии — предатель и отщепенец*, Виктор Корчной (В. Быков, Ольга Деркач. Книга века); *Кстати, поляки считают меня отщепенцем... Кажется, есть такое слово: отщепенец? Поляки считают меня русским, а русские считают меня поляком* (М. А. Алданов. Истоки). Это объясняет, почему отщепенец может перестать быть таковым, ср.: *Этот Саша, отщепенец Саша, вдруг стал в глазах всех совсем другим человеком, словно свершившим необыкновенный подвиг и осененный лучезарным ореолом* (К. М. Станюкович. Женидьба Пинегина).

Поведенческий аспект самоутверждения отщепенца обусловливает появление слов, репрезентирующих концепт стыда как одного из основных регуляторов поведения человека, ср.: *А я что? Отщепенец какой-то! Кругом смотрю — сердце радуется, а на себя взглянешь — болеть начинает* (В. К. Кетлинская. Мужество); *Возникло внезапное сообщение о чуть ли не всеобщем попадании в «одиночки» — «Сателлит-отель» сбил подготовленную начальством линию «гражданской обороны» за счет обилия одноместных и противоположного (для нас) дефицита двойных номеров, — и я, бесстыдный отщепенец, забыв о корпоративной этике, не смог скрыть своего животного ликования* (В. Рецепт. Ностальгия по Японии); *Скажите, пожалуйста,*

что я **отщепенец** какой или бездарность, стыдно, что ли за меня замуж идти? (Л. А. Чарская. Мой принц).

Эмоциональным наполнением переживания субъектом своего положения нередко становится озлобленность, ср.: *Интересный у нас расклад получается: озлобленный **отщепенец** растлевает желторотых юнцов и старого дурака Адамсона, дошло уже до того, что запасается про черный день огнестрельным оружием* (С. Гандлевский. НРЗБ // «Знамя»); — *Ну, верно, — подхватил купец, — и этот не простой **отщепенец**; но злобный и яко лев рыкающий на православие еретик!* (М. Н. Загоскин. Брынский лес).

Что касается социально-значимых действий отщепенца, то к ним относится прежде всего предательство, ср.: *Не самодержавный строй Николая I, смерть которого прошла незамеченной в осажденном Севастополе, защищали эти герои, а то, что является непререкаемой святыней для каждого, если он не чужак, если он не **отщепенец**, если он не предатель, — Родину* (С. Н. Сергеев-Ценский. Синопский бой); — *Причитается, — машинально поправил он, хотя ему было не до языковых тонкостей, поскольку Сергей Иванович в это время упер ему сзади в поясницу ствол казенного пистолета и шипел театральным голосом: «...измена славянской родине... мы ж вас еще тогда предупреждали, не наш он человек, атлантист и **отщепенец**, аксеновец... эх, Юрий Ильич, Юрий Ильич...»* (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора).

Поскольку положение отщепенца — это изначально внутреннее переживание, внешне он может имитировать причастность к сообществу, ср.: *Но вот уже вежливо к отошедшему прибавляется какая-нибудь бродячая душа, приглашая алкоголизироваться или затевая разговор, и опять очарование внеположения разрушено, и **отщепенец** возвращается в смуту танцующих* (Б. Ю. Поплавский. Аполлон Безобразов).

Общественное мнение в отношении к отщепенцу однозначно негативное, ср.: *Ты ж, подлец, — он мне кричит, — отщепенец!* (Б. Левин. Иностранное тело). Внешней формой социального воздействия становится исключение субъекта из определенной структуры, ср.: *На том заседании «отщепенец Пастернак» (так сказано в постановлении) был исключен из членов Союза писателей* (К. Ваншенкин. Писательский клуб).

Шаблонность характеристики, стоящей за синонимом, может приводить к сдвигу значения: предметом обозначения становится не субъект, а имя, словесный знак как инструмент общественного манипулирования, ср.: *Самым страшным и убийственным было забытое сейчас громовое слово-обвинение «отщепенец», действительное на всех уровнях жизни* (В. Муравьев. Высоких зрелищ зритель); *Этот оскорбительный термин встал в ряд с такими словами-дубинками, как «безродный космополит», «низкопоклонник», «отщепенец», позже сюда прибавилась и «плесень»* (А. Козлов. Козел на саксе).

3.1.5. АКТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ ИЗГОЙ, ОТВЕРЖЕННЫЙ, ПАРИЯ, ОТЩЕПЕНЕЦ

В целом синонимы различаются по следующим смысловым признакам:

— тип субъекта-носителя признака (коллективным субъектом чаще всего бывает *изгой*; реже — *отверженный*, *пария*; *отщепенец* — никогда);

— тип среды, которая отвергает субъекта (*пария* противостоит части иерархического сообщества; *отверженный* и *изгой* подразумевают отторжение субъекта не только от мира людей, но и от заряженной смыслами сущности, в случае с *отверженным* это Бог; *отщепенец*, как правило, не вписывается

в общепринятую систему взглядов, противостоит незамкнутой социальной группе);

— тип конфликта между человеком и средой (для *отверженного*, *изгоя*, *отщепенца* типичен идеологический и поведенческий конфликт с социумом или общественно принятой системой взглядов; религиозная подоплека конфликта характерна для *отверженного* и *отщепенца*; статус *парии* отражает неравенство социальных статусов);

— указание на степень проявления признака (для *изгоя* и *отверженного* возможна полная и частичная отверженность; статус *парии* и *отщепенца* абсолютный: он или есть, или его нет);

— возможность изменения положения (*изгой*, *отверженный* и *отщепенец* имеют такую возможность, *пария* — нет).

Семантические особенности синонимов обуславливают их сочетаемостные, прагматические и коммуникативные различия.

Синонимы *изгой*, *отщепенец*, *пария* образуют оценочные сочетания с весьма широким спектром эмоциональных оценок. Слово *отверженный*, будучи субстантивированным причастием, не имеет такой конструктивной особенности. *Изгой*, помимо отрицательной оценки, допускает положительную оценку качеств субъекта, ср. *гордый изгой*.

Синонимы *изгой*, *отверженный* и *отщепенец* входят в сравнительные конструкции с союзами *как*, *точно*, *будто* и др.

Все синонимы ряда имеют валентность субъекта, среды, которая отвергает носителя признака. Эта валентность у синонимов *отщепенец* и *отверженный* единообразно оформляется предложно-именной группой *от + род. п.*, ср.: *отщепенец от своего народа*, *отщепенец от природной, органической жизни*, *отвер-*

женный от Бога, отверженный от двора Екатерины. Сходный способ выражения данной валентности свойственен синонимам *пария, изгой, отщепенец*, которые управляют беспредложным род. п., ср.: *отщепенец мира сего, отщепенец православной церкви, пария бурсы, «изгой соцреализма».* Кроме того, синонимы *отщепенец* и *пария* подчиняют себе падежно-именную группу *среди + род. п.*, ср.: *пария среди других народов, отщепенец среди их сынов.* Синоним *отверженный* то же самое грамматическое значение способен выражать в сочетании с существительным в дат. п., ср.: *отверженный церковью, отверженный всей семьей, отверженный Богом, отверженный людьми, отверженный родиной.* Среди синонимов выделяется слово *изгой*, которое реализует противостояние субъекта и среды при помощи валентности места, ср.: *изгой в своем классе, изгой в своей бывшей стране.*

Синонимам данного ряда свойственна предикативная функция, ср.: *Ни охоты, ни права нет отвечать, что ты — такой же изгой в своей стране, как любой прочий, что ни шиша за душой у тебя нет, кроме упований, — и начинаешь верить в везение, «пруху», обыкновенное счастье* (Ю. Черниченко. Красный остров // «Огонек»); *Диагноза «алкоголизм» врачи боятся, алкоголик — это пария* (А. Лужбин. Цифра Паукова // «Столица»). Для всех синонимов возможны конструкции с отрицательным предикатом, ср.: *Мы — не сверхдержава и не страна-изгой* (С. Новопрудский. Элегия Пингвина // «Известия»); *Здесь он с первых же дней ощутил, что он не калека, не урод, не отверженный, а такой же человек, как и все* (К. И. Чуковский. Солнечная). В случае с лексемами *отщепенец* и *изгой* актуальной становится атрибутивная функция, реализуемая с помощью приложения, ср.: *Книжки в доме ни одной, разве какой-нибудь отщепенец-сын, от которого родители не ожидали проку, тайком от них, где-*

нибудь на сеннике, тербил по складам замасленный песенник или сказки про Илью Муромца и Бову Королевича (И. И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие); Все это, придя, рассказал тот же Андрей-отщепенец, и его оставили со всеми пить водку, и он в порыве сказал, чтобы ему никто ничего не говорил, он за включение в экспедицию стал стукачом, но стучать обязан только на корабле, на суше он не нанимался (Л. Петрушевская. Свой круг); Возникает еще один вопрос: не выгодно ли самим Соединенным Штатам пойти на такую войну, чтобы навести порядок в тех странах, которым они приклеили кличку «страна-изгой»? (М. Виноградов, А. Садчиков. Поза или позиция. Наши политики не знают, как теперь смотреть на мир // «Известия»).

Стереотипность представления об отщепенце приводит к тому, что слово чаще, чем остальные синонимы, употребляется в тематической части высказывания, ср.: *Если какой-нибудь отщепенец спьяну и купит билет, так ему, конечно, неудобно, когда идут контролеры: когда к нему подходят за билетом, он не смотрит ни на кого — ни на ревизора, ни на публику, как будто хочет провалиться сквозь землю (В. Ерофеев. Москва-Петушки); По крайней мере, этот отщепенец был хитрым педантом, ставящим себе задачу сделать из литературы источник дохода (Р. Грачев. Промежуток).*

Анализ семантических, референциальных, коммуникативных и прагматических свойств слов *изгой, отверженный, пария, отщепенец* показывает, что в данном синонимическом ряду сходства преобладают над различиями. В силу этого для синонимов типичны нейтрализующие контексты, в которых происходит «нализывание» синонимов, ср.: *Недаром, Альцест, прозвали тебя мизантропом и суждено тебе под этим именем прославиться в веках — ты и есть человеконенавистник, нелюдим, отщепенец, пария, изгой! (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в сле-*

зах. Роман с эпитафиями); *Самый несчастный человек во всей нашей пенсильванской Москве на данный момент — это Майк Макгофф. Он **изгой** и **пария**. Он один против общества* (И. Сви-
наренко. Век водки не видать // «Столица»); *Видимо, **изгой***
*не склонны любить других **отверженных*** (С. Довлатов. Наши),
и невозможны дифференцирующие контексты, ср. **он не пария,*
*а отщепенец, *он не изгой, а отверженный*. Причиной сближе-
ния семантических, сочетаемостных и функциональных свойств
синонимов является общая для всего ряда эмоционально-оценоч-
ная «заряженность», одинаково, за исключением редких случаев,
«эксплуатируемая» как в художественных, так и публицистиче-
ских текстах.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Т. В. Леонтьева

В диалектном дискурсе интересный речевой феномен представляют собой выражения с глаголом *остаться*, описывающие вымирание деревни: костром. *Теперь в деревне никого не **осталось***, арх. *Деревня-то наша не корыстна (= невелика), всё старьё одно **осталось*** [СГРС, т. 6, с. 67], перм. *Никого уж в деревне-то нет, **остались** только ииша да агаша, да ишо третья палаша* [СПГ, т. 2, с. 554]. Анализ данных словарей и картотек позволил выявить несколько десятков подобных диалектных фиксаций. Коммуникативной задачей подобных высказываний являются сетования, выражение сожалений по поводу исчезновения деревень как признака глобальных перемен («всё меняется <в деревне и мире>»), выражение обеспокоенности из-за этих перемен, воспринимаемых как разрушение жизненных основ. Иначе говоря, речевые обороты этой группы используются тогда, когда предметом речи является сравнение прошлого и настоящего. Репрезентированный в этих номинациях ментальный конструкт наступивших перемен лежит в области темпоральной картины мира.

Диалектологи отмечают, что разные временные планы имеют в сознании диалектоносителя разную степень значимости. Так, Е. В. Иванова приводит любопытную статистику: в русском паремиологическом фонде количество пословиц

о прошлом в четыре раза превышает число соответствующих пословиц в английском языке [Иванова, 2003, с. 26]. М. В. Пелипенко замечает, что «сопоставление прошлого и настоящего является отличительной особенностью всех рассказов диалектоносителей об укладе сельской жизни» [Пелипенко, 2009, с. 21]. С. М. Белякова, рассматривая вербальные воплощения представлений о прошлом и будущем в старожильческих говорах юга Тюменской области, заключает следующее: «Основным временным планом в диалектных текстах остается план прошлого, при этом главной оппозицией является “прошлое — настоящее”» [Белякова, 2005, с. 87], в то время как «будущее гораздо менее актуально для диалектоносителя» [Белякова, 2005, с. 85].

В целом с этим утверждением можно спорить, поскольку «темпоральные предпочтения» диалектоносителей объясняются во многом возрастом опрашиваемых информантов и ситуацией экспедиционной записи, когда фактически информант побуждается собеседником к созданию устного произведения заданного жанра — воспоминаний, устного автобиографического рассказа, для которого естественно использование глаголов в форме прошедшего времени. Даже в отвлечении от специфики диалектного дискурса можно вспомнить, что «будущее время в естественных языках всегда занимает более периферийное место» [Мельчук, 1995, с. 77]), а в подсистеме народных говоров это проявляется еще заметнее: «План будущего вообще (т. е. и грамматическое, и лексическое его выражение) в диалектных текстах отмечается сравнительно редко. Так, из выборки в 1000 предложений, имеющих темпоральные определители, предложения, отражающие план прошлого, составляют 42,5 %, план настоящего — 31 %, план будущего — всего 5 %» [Белякова, 2005, с. 80]. Если принять во внимание перечисленные аргументы, то это существенно ос-

лабит версию об особом, ориентированном на прошлое менталитете носителя традиционной культуры.

И все же невозможно отрицать, что семантическая оппозиция «прошлое — настоящее» заметно проявляет себя в отдельных тематических сегментах диалектного дискурса. Важнейший из сегментов объединяет тексты, высказывания, посвященные обычаю, социальному порядку. Так, Ю. Н. Грицкевич и В. Г. Новиков рассматривают наречную оппозицию *раньше (тогда) — теперь* как один из типичных лексических показателей концепта «Мода» [Грицкевич и др., 2011] (*А раньшеы маркофку не была моды сеить, не была абычая; Тяперь моды нет рукам касить; Мода был ф каляду блины пячи; До трёх дней кристили, а ни крестицца нильзя, ни в моди* [Грицкевич и др., 2011, с. 78]), а словом *мода* в диалекте обозначается именно обычай.

Сходный вывод делает С. М. Белякова, также комментируя функционирование вербальных маркеров времени (*раньше, прежде, прошлый, допрежней, ранешной* и др.) в диалектных текстах, записанных в Тюменской области (*Преже не така жизнь была; Раньше семь деверей и семь снох вместе жили; Ране мужики были больши, а теперь бабы над мужиками больши*): «В речи данные лексемы чаще всего употребляются с особым коммуникативным заданием: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется (эксплицитно или имплицитно) с существующим в настоящее время» [Белякова, 2005, с. 80]. Неудивительно, что временные маркеры вводят в речи фрагменты рефлексии по поводу перемен в социуме, обусловленных движением времени. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» справедливо отмечается: «В *раньше* очень важна идея сравнения», и в контекстах, включающих это наречие, «сравнивается скорее не время, а сами ситуации» [НОС-СРЯ, с. 941].

Итак, в речи носителей русских народных говоров с высокой степенью регулярности маркируются социальные изменения, при этом констатируется факт смены эпох. Обороты с глаголом *остаться* — одно из средств маркировки социальных перемен.

О глобальных переменах в жизни деревни как существенном для традиционного сознания факте действительности могут свидетельствовать самые разные черты быта, например, отсутствие работы, исчезновение школ, больниц, органов административного управления, утрата деревней статуса самостоятельного населенного пункта и проч. И такие сюжеты встречаются в диалектных записях бесед с информантами, однако они не носят регулярного характера и не имеют специальных, устойчиво воспроизводимых языковых средств выражения.

На уровне речи устойчиво фиксируется только локальный смысл, выражаемый высказываниями с глаголом *остаться*. На первый взгляд, в их основе лежит количественный денотат «никого не осталось в деревне / мало кто остался», поскольку логически мы легко восстанавливаем в них указание на то, что люди переезжают в города безвозвратно, на постоянное местожительство, покидают деревню. Однако мотивировка, положенная в основу большинства таких высказываний, на самом деле еще более узкая — «остались только люди определенного сорта», то есть «люди, которые принадлежат социальной периферии».

Демонстрируя использование оборотов со словом *остаться* как особенность диалектного нарратива, мы намеренно первым (в самом начале этого подраздела) привели контекст, в котором глагол *остаться* сочетается со словом *никого* (костром. *свѣжий* ‘приезжий’ (*Теперь в деревне никого не осталось: кто умерли, кто свежие, вот как ты например. Свежий равно что приезжий*) [ЛК ТЭ]) и фиксируется элементарный смысл ‘отсутствие людей’. На этом фоне виднее становится специфика прочих кон-

струкций, когда элемент «никого» замещается, как ни странно, смыслами присутствия, при этом совсем не смыслом «(осталось) малое количество жителей». Акцент смещается на пропозицию «остались негодные люди».

На месте количественного признака закрепились идея «социального атрибутива». Очевидно, что выбор номинатора в ее пользу обусловлен прагматическим мировидением носителя традиционной культуры, который имеет склонность к оценке человека (и себя в том числе) по критерию «годный — негодный» к работе.

По контекстам реконструируются направления детализации «негодности».

Проанализируем две записи диалектной речи: арх. *Деревня-то наша не корыстна* (= невелика), *всё старьё одно осталось* [СГРС, т. 6, с. 67]; волог. *ста́рый да ма́лый да люд неуда́лый* 'о малом количестве людей' (*Много осталось там в деревнях, старый да малый да люд неудалый*) [КСГРС].

Они показывают, что к «негодным» отнесены две возрастные группы — «престарелые люди» и «дети» («возрастные окраины»). Кроме того, как подсказывает спектр значений слова *неудалый* в русских говорах, речь идет о неумелых, нерасторопных, непроторных, ленивых, плохих работниках: *Руки неудалые, как грабли, как клещи поганые; Неудалую жену он взял; Як пошел мой неудал шилом сено косить* [СРНГ, т. 21, с. 18]. Помимо этого, обратим внимание, что антоним *удалый* 'быстрый, подвижный; проворный в работе; ловкий, сноровистый, умелый; работающий; сильный; здоровый; хорошего качества' [СРНГ, т. 46, с. 270] сигнализирует еще и о том, что «неудалость» может обозначать не только нежелание или неумение работать, но и неспособность работать из-за болезни, по немощности.

Если в выражении *люд неудалый* лишь слабо просвечивает смысл 'нездоровый, немощный', то в других выражениях он при-

существует очевидно, вне всяких сомнений: волог. *косо́й да же́лтый* ‘о немощных людях, оставшихся без поддержки’ (*Ну, остались в деревне шоша да мотоша, косо́й да же́лтый*) [СГРС, т. 6, с. 81], волог. *криво́й да же́лтый* ‘о немощных людях, оставшихся без поддержки’ (*Никого дельных не осталось — криво́й да же́лтый*) [СГРС, т. 6, с. 164]. Приведенные контексты, содержащие слово *остаться*, неинформативны относительно выявления характеристик денотата, мы можем только предполагать (хоть и с высокой степенью надежности, если имеем представление о регулярных семантических моделях), что такое *криво́й / косо́й да же́лтый*, однако другая запись содержит прямое пояснение информанта: волог. *дым да уга́р, криво́й да же́лтый* ‘всякий сброд’ (*Дым да уга́р, криво́й да же́лтый — собрались там, плохие, **больные**, может*) [КСГРС]. Модус предположительности обусловлен тем, что информант рефлексирует над внутренней формой выражения, и она подсказывает ему смысл ‘больной’.

Медицинская метафора обнаруживается еще и в костром. *хромь да вы́вих* ‘о немощных людях’ (*Мы уж тут остались — хромь да вы́вих*) [ЛК ТЭ], костром. *изло́м да вы́вих* ‘об отсутствии молодого работоспособного населения’ (*Тожэ деревни нет, что там осталось — излом да вы́вих, молодых-то нет, но есть ещё старички, живут*) [ЛК ТЭ]. Однако в данном случае, как нам кажется, не воссоздается образ немощных жителей деревни, а скорее дается образная характеристика «больной ситуации».

Итак, мы перешли к фразеологизмам, имеющим образную основу, или к конструкциям со словами, имеющими переносное значение. Денотат несколько труднее реконструировать в случаях, когда социальная периферия получает метафорические обозначения, но все же и тут можно опереться на анализ контекстного окружения, а также продуктивен анализ внутренней формы слова или буквальной основы фразеологизма.

Пример из наших костромских записей укажет еще на одну трактовку «социальной негодности»: костром. *óшошь* ‘сброд, негодные люди’ (*Теперь кто в колхозе остался, одна ошошь, хорошие разбрелись да уехали*) [ЛК ТЭ].

Диалектное слово *óшошь* обозначает ненужные вещи, отбросы, остатки чего-либо, старые тряпки, обноски: костром. *óшошь* ‘о непригодных для обработки, сучковатых деревьях’ (*Лес рубят, да одни сучки, скажут — одна ошошь, брось рубить*), ‘лесной мусор’ (*В лесу это ошошь такая — разны ветки, кора на ветках бывает, как мох*), ‘малопригодные остатки чего-либо, дрянь’ (*Ну, например, дрова несут худые — «Всю ошошь ты собрал да принес»; Грибы, например, перебирала, одни хорошие, другие не очень, ошошь — это уже не очень, но в дело идет; Ошашь — дребедень разна брошена, на свалку только, тряпки всякие, еще что бесполезное*) [ЛК ТЭ], ср.: М. Фасмер объясняет вят. *ошошь* ‘мусор, отходы’ как появившееся из **осошь* в результате ассимиляции, поскольку цслав. *осоштити* ‘обрубать сучья’, то есть *осошь* — ‘то, что обрубается при отесывании дерева’ [Фасмер, т. III, с. 180].

В результате семантической деривации слово *ошошь* присоединилось к множеству экспрессивных характеристик людей. В частности, оно выступает обозначением детей: костром. *óшошь* ‘социально незначимые, маргинальные слои населения’ (*Косят-то взрослые, а потом отправляют нас — всю ошашь — к ночи: повернем сено, потом загребем и мечем стога; Ошашь — вся мелочь наша, вся мелузга — дети; Как ошошь — люди недорослые бегают, кто молодые*) [ЛК ТЭ].

Однако рассматриваемый пример словоупотребления касается работы в колхозе (**кто в колхозе остался...*), а значит, речь идет не о детях, поэтому нужно обратить внимание на другое значение этого существительного: костром. *óшошь* ‘представители

«социального дна», маргинальные слои населения, сброд, шваль’ (*Вся ошошь идет; Вся ошошь собралась, пьянчуги-те; Мужик-от всю ошошь собрал, всех шалав-то; Ошошь — никчемные люди, распущенные там, гулящие, пьющие, курящие*) [ЛК ТЭ]. Следовательно, слово *ошошь* в обороте *в деревне осталась одна ошошь* служит переносным обозначением непутевых, морально разложившихся, страдающих пороком пьянства, ведущих разгульную жизнь людей.

Наконец, «социальная негодность» уточняется посредством семантики бедности: перм. *скрёма да ерёма, кол да перетьыка* ‘о малоимущих или немощных людях’ (*Из тоё деревни-то все разъехались, одне старики остались — скрёма да ерёма, кол да перетыка*) [ФСПГ, с. 331].

Сема ‘бедный’ закреплена здесь в устойчивом сочетании *кол да перетьыка*, у которого имеются варианты.

Фразеологизмы подобной структуры выступают обозначениями бедняков, бедности, нищеты: костром. *кол да перетьыка*, горьк. *кол да ёр да перетьыка*, перм. *голь да перетьыка* ‘о том, кто крайне беден; бедность’ (*Сами кол да ер да перетыка, а людей промывают*) [СРНГ, т. 26, с. 249], волог. *кол да перетьыка* ‘о тех, кто крайне беден’ (*А мы бедные были, кол да перетыка*) [СВГ, т. 7, с. 45]. Ср. пример того, как использован прием градации в художественном тексте при характеристике деревенской бедноты: *Теперь на Горах немало крестьян, что сотнями десятин владеют. Зато тут же рядом и беднота непокрытая. У иного двор крыт светом, обнесен ветром, платья что на себе, а хлеба что в себе, голь да перетыка — и голо и босо и без пояса* (Мельников-Печерский, «На горах»). Факультативно, для демонстрации модели, упомянем еще один оборот: ленингр. *Ушла дочь, и остались дома шары да палки* [СРГК, т. 6, с. 834] (хотя контекст не имеет отношения к семантике упадка деревни). Каждое суще-

ствительное в перечисленных выражениях — *палка, шара, кол, перетька, ёр / ёра, голь* — способно выступать в качестве обозначения очищенного тонкого ствола дерева, шеста, вицы: диал. *перетька* ‘кол изгороди’ [СРНГ, т. 26, с. 248], петерб., новг. *ёра, ёра* ‘вид березы, низкорослая береза’ [СРНГ, т. 8, с. 363], арх. *ёры* ‘ветки кустарника’ [СРНГ, т. 9, с. 37], др.-рус. *голь* ‘ветка, gamus’ [Срезн., т. I, с. 546], ленингр. *шарá* ‘молодое деревце, обычно хвойное’ (*Шару-то выбирай подольше, частокол будет повыше*) [СРГК, т. 6, с. 834]. Мы полагаем, что на появление и функционирование таких выражений оказал влияние известный в русской языковой картине мира символ: образ палки, кола связывается с отсутствием своего двора, дома: новг. *от колá жить* ‘начинать с нуля’ (*Как вот приехали, от кола жить начали, даже дома своего не было*) [СРГК, т. 2, с. 396], литер. *ни колá ни дворá* ‘ничего нет’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 594]. В структурно-семантическом отношении мы имеем дело с перечислительными сочинительными союзами конструкциями, которые инвариантно обозначают «то, что не составляет труда перечесть».

Конечно, нельзя подходить к трактовке богатства и бедноты с сегодняшним пониманием этих слов (как финансового благополучия и неблагополучия). Бедность «по-деревенски» — это прежде всего худое хозяйство, неухоженный двор и дом, а причинами этой бедности могут быть и нежелание работать, и немелость, и немощность.

Итак, в сущности во всех случаях конкретизации денотата выражений, называющих представителей социальной периферии, подразумевается трудовая характеристика человека: дети и старики нетрудоспособны, непутевые не хотят работать, больные не могут работать и т. д.

Все шесть реконструируемых денотатов при всем их различии (это разные социальные слои, группы: (1) дети, (2) старики,

(3) не умеющие работать, (4) немощные, (5) непутевые, (6) бедняки — объединены тем, что в сознании носителей языка связываются с неучастием человека в трудовой жизни деревни.

На первое место выходит характеристика человека по «социальному качеству», но количественная сема не исчезает вовсе, она сохраняется на уровне грамматической структуры высказывания в виде двучленной синтаксической конструкции с соединительным союзом *и, да*.

Анализ материала показывает, что постепенно над логикой осмысления номинируемой ситуации носителем языка начинает довлеть языковая логика. Особенно часто это можно наблюдать при нарастании экспрессии.

В наибольшей степени внутренние потенции языка актуализируются при использовании антропонимов в составе сочетаний. Семантика негодного передается посредством включения во фразеологизмы русских имен, которые выступают знаками-носителями определенного комплекса смыслов, возникающего из аттракционных притяжений или на базе прецедентного содержания, если речь идет о мифологическом персонаже: волог., костром. *тjуха (да) пантjуха да колупай с братом* 'о неуважаемых, ничемных людях, часто физически или морально ущербных, приехавших из разных мест: всякий сброд, кто попало' (волог. *Понаехали без весть откуда — тjуха да пантjуха да колупай с братом. У нас в деревне оставиши тjуха да пантjуха да колупай с братом, кто дачники, кто местные*) [КСГРС], костром. *тjуха да пантjуха* 'всякий сброд' (*Остались тjуха да пантjуха, кто откуда, кто наврёт, кто сворует*) [ЛК ТЭ], костром. *тjуха да понтjуха* 'о небольшом количестве людей' (*Тjуха да Понтjуха в колхозе осталось, всё развалилось, все разбежались*) [ЛК ТЭ], арх., пск. *тjуха (да) матjуха* 'о беспомощных людях (больных, старых, многодетных и т. п.)' (*Никого уж нет в Юмже, тjуха да матjуха остались*

[КСГРС], волог. *шóша да мотóша* ‘о никчемных, неспособных к работе, неуважаемых, немощных людях; всякий сброд’ (*Все разъехались, **остался** шоша да моташа — только бы выпить. Хорошие разъехались*) [КСГРС], костром. *шóша да матóша да колунáй с брáтом* ‘о небольшом количестве людей’ (*Что нас осталось-то, шоша да маташа да колунай с братом, молодые поехали, а старые повымирили, три дома стоит*) [ЛК ТЭ], перм. *шиша да агаша, третья — палаша* ‘малопочитаемые люди’ (*Кто у тебя сѣдни был в гостях-то? — А-а, шиша да агаша, третья палаша; Никого уж в деревне-то нет, **остались** только шиша да агаша, да шио третья палаша*) [СПГ, т. 2, с. 554], перм. *тjóтя да ляпа* (*Ноне только тютя да ляпа в деревне-то и живут, кто уж совсем ничё не знает. Кто мало-мало грамотной, дак в город уходит*) [СПГ, т. 2, с. 459], пск. *две вáсихи крестóм* ‘о малом количестве людей; почти никого нет’ (*Да, в Арли-то народу две васихи крестом, никого не **оставиш***) [ПОС, т. 16, с. 134].

Даже первый взгляд на приведенные примеры ставит перед нами вопрос о том, каков ономастический статус слов, имеющих сходство либо совпадающих с именами (*агаша, ероха, мартын, тюха, матюха*, возможно, соотносимы с *Агафья, Ерофей, Мартын, Пантелеймон (Пантюха), Матвей* и др.). Вероятно, в этом ряду есть случаи онимизации апеллятивов и случаи апеллятивизации онимов (детальный анализ выражений *тюха-матюха, тюха-пантюха* и их вариантов в аспекте ономастического статуса их компонентов см. в [Феоктистова, 2017]), но чаще всего это нельзя установить наверняка.

Экспрессивная мощь антропонимов и квазиимен берет верх над конкретным смыслом ‘никто’, ‘мало кто’ (поскольку номинирует лицо, то есть служит знаком присутствия людей) и как нельзя лучше подходит для выражения идеи об истощающемся человеческом ресурсе русской деревни. Поиск коннотаций

имен, используемых в оборотах, наверняка увенчается успехом. Так, например, одна из трактовок слов *тюха* и *матюха* в составе анализируемого выражения как прозвищ изложена в книге И. А. Подюкова и Е. Н. Сваловой: «*Тюха, Пантюха да Колупай с братом*. Выражение основано на использовании прозвищ человека по недостаткам (*Тюха* от *тюхать* — медленно идти, *матюхаться* — мешкать в работе, *пантюхать* — медленно передвигаться) с одновременным сближением их с реальными формами имён (известно пермское *Матюха* от *Матвей*, сибирское *Тюха* — уменьшительная форма от имени *Христина*)» [К пиру ..., 2014, с. 49].

Итак, среди конструкций вида «*остались в деревне* + S (субъект)» выделяется три модели, появление каждой из которых обусловлено разными факторами:

- логикой мышления (*никого не осталось*);
- мироощущением (<*остались*> *хромь да вывих*);
- собственными потенциями языка (*остались только шиша да агаша, да ишо третья палаша*).

Каждый фактор не изолирован от прочих, но имеет преимущество при формировании какой-либо из этих моделей.

Речевое явление, ставшее предметом нашего анализа, можно считать свидетельством в пользу высокой значимости для представителей традиционной народной культуры ситуации коренных социальных трансформаций как факта действительности, который получает глубоко эмоциональную оценку. Рассмотренные сочетания глагола *остаться* с антропонимами и квазиименами обозначают исчезновение, гибель русской деревни и целого культурного слоя.

3.3. ЯЗЫКОВЫЕ ОБРАЗЫ НАДЕЖНОГО И НЕНАДЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Т. В. Леонтьева

3.3.1. Слова *НАДЕЖНЫЙ* и *НЕНАДЕЖНЫЙ* КАК ИНТЕРПРЕТАТИВЫ

Представленные в толковом словаре дефиниции лексем *надёжный* и *ненадёжный* дают основания утверждать, что надёжность — это абстракция, этическое понятие со сложной структурой, и развернутые, «конкретизированные» определения надёжности, данные разными людьми, вряд ли бы совпали: литер. *надёжный* ‘такой, на которого можно положиться, внушающий полное доверие’ (*Зовёт он слуг надёжных, Своих проворных сердюков.* Пушкин, Полтава. *Рассказывают за достоверное, — что приготовлены были надёжные войска, чтобы раскассировать палату.* Салтыков-Щедрин, За рубежом. — *Сдай дела надёжному товарищу. Завтра выведешь со мною в город.* Гладков, Цемент) [СлРЯ, т. 2, с. 343]; литер. *ненадёжный* ‘такой, на которого нельзя положиться, такой, кому или чему нельзя верить, доверять’ (*Да и возница ненадёжный.* Чехов, Пересолил) [СлРЯ, т. 2, с. 456].

Дело в том, что конкретизированное, фактическое содержание характеристик и поступков человека, называемого, например, *надёжным*, может мыслиться различно: он выполняет обещания, помогает, не бросает в беде, защищает, не обманывает и др. Выявить спектр таких действий можно на основе анализа контекстов.

Надежным можно назвать человека на основании любой из этих частных характеристик его поведения (необязательно по их совокупности), квалифицируя его поступки как дающие основание к тому, чтобы доверять ему, полагаться на него в отношениях, делать что-либо вместе с ним, то есть *надеяться* на него. Аналогично, по противоположности, можно описать и семантику *ненадежного*.

Иначе говоря, слова *надежный* и *ненадежный* можно рассматривать как интерпретативы приблизительно в том смысле, в каком трактует Ю. Д. Апресян некоторые глаголы. По его мнению, интерпретационные глаголы и глагольные выражения (*вредить, грешить, злоупотреблять, карать, обелять, поддерживать, противодействовать, поступать неправильно* и др.) таковы, что они «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян, 2009, с. 177].

Служа обозначением человека по его поступкам или качествам личности, слово *надежный* является выразителем точки зрения номинатора, отражает восприятие им свойств номинируемого субъекта. Интегральную оценку поведения и морально-нравственных качеств человека несет сообщение номинатора о готовности положиться на человека, получающего такую характеристику: *надежный* = «ОН ведет себя так, что Я и ДРУГИЕ можем надеяться, положиться на НЕГО», или: «Я считаю его надежным, потому что ОН ведет себя определенным образом». В сущности, модель «я считаю его таким, потому что он совершает определенные поступки» — общая для описания репутационных понятий.

Итак, надежность осмысливается как абстракция из сферы личностных ресурсов человека, как свойство личности, проявля-

ющееся в поступках человека, его поведении и имеющее следствием определенное отношение к нему окружающих.

Среди обозначений надежного и ненадежного человека есть немало фразеологических и паремиологических единиц, которые представляют интерес в аспекте принципов номинации, то есть выявления системы образов, запечатленных в буквальной основе фразеологизмов, поскольку устойчивые обороты речи часто сохраняют живые, нестертые образы.

Если обратиться только к материалам русского литературного языка, то ассортимент образов будет невелик: *как за каменной стеной (быть, находиться и т. п.)* ‘под надежной защитой, имея надежную опору’ [СлРЯ, т. 4, с. 260], *правая рука* ‘первый и самый надежный помощник’ [СОВРЯ, с. 42], разг. *в разведку не пойдешь / не пошел бы* (неодобр.) ‘о ненадежном человеке’ [БСРП, с. 554] и некоторые другие. Однако предсказуемо разнообразнее метафорика нелитературных языковых фактов, прежде всего — диалектных номинаций.

Материал отбирался по критерию присутствия в дефиниции или в контекстном окружении лексем *надежный* или *ненадежный* и родственных им слов: *переметная сума* ‘о человеке, непостоянный, кидаящийся туда и сюда, ненадежный товарищ’ [Даль, т. III, с. 66], иркут. *надежда на кого-либо, как на вешний лед* ‘плоха надежда на кого-либо’ [СРНГ, т. 16, с. 318] и др. Такая методика сбора позволяет выявить только «костяк» лексики данной семантической группы, которая, разумеется, может быть значительно расширена, если установить и конкретизировать семантический объем понятий «надежность» и «ненадежность» на основе анализа значительных по объему контекстов, достаточных для распознавания ситуативной конъюнктуры и особенностей взаимодействия коммуникантов, однако одновременно это и непомерно расширило бы поле исследования за счет вовлече-

ния пограничных семантических участков «Честь», «Долг», «Лицемерие», «Двуличие» и др. Способом интерпретации материала выступила известная ономазиологии методика экспликации мотивировочных признаков и их систематизации (см. [Березович и др., 2004]).

3.3.2. ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НАДЕЖНОСТИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Проанализируем в первую очередь номинативный материал, касающийся надежного человека.

(1) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ПОДДЕРЖКИ

Образ моста присутствует в пословице, содержащей сравнительный оборот со словом *надежнее*: *Добрый человек надежнее каменного моста* [Даль, т. II, с. 357]. В этом и всех прочих случаях для нас важен поиск мотива, положенного номинатором в основу образа. Как правило, объект, выступающий эталоном сравнения, имеет ряд свойств: например, мост соединяет что-то; мост может быть сделан из разных материалов и в зависимости от этого окажется маленьким и хлипким или крепким, прочным. Процедура анализа предполагает, что в знаниях об объекте мы вычленим те представления, которые были релевантны для номинатора, выбирающего языковые средства для обозначения надежного человека, и отмечаем, исключаем те признаки избранного номинатором вещного образа, которые не соотносятся или мало соотносятся со свойствами обозначаемого объекта.

Один из компонентов фразеологизма — слово *мост* — актуализирует здесь, разумеется, не мотив соединения (хотя стереотипно представление о том, что мост соединяет что-либо), а мотив прочности как способности выдержать большой вес, нагрузку, не разрушившись.

Другой компонент в структуре анализируемого фразеологизма указывает на материал, а именно — камень, отличающийся среди прочих материалов твердостью и, как следствие, опять же прочностью. Неслучайно, как пишет Комиссарова, «во все времена в разных культурах камни символизировали стабильность, надежность, бессмертие, нерушимость» [Комиссарова, 2012, с. 7].

Итак, в образе моста, притом не любого, а возведенного из камня, воплощается мотив прочности, крепости. Используемая метафора двухкомпонента, притом обе ее составляющие («мост» и «камень») «резонируют» в части их мотивационной базы, актуализируя один и тот же мотивировочный признак «прочность».

Образ горы. Образ мужского полового органа. По той же схеме можно разобрать другие единицы и прийти к выводу о том, что номинатор, характеризуя надежного человека, выбирает образы предметов, отличающихся твердостью, мощью: жарг., угол., мол., неценз. *хуй железный* (одобр.) ‘надежный, безотказный человек’ [БСРП, с. 723], разг., экспр. *как на каменную гору (надеяться)* ‘вполне, целиком и полностью’ [Федоров, 1995, т. 1, с. 158].

Образ укорененного дерева реконструируется на основе слова *корень* в составе ворон. *самостоятельного корня кто-либо* ‘надежный, рассудительный, внушающий доверие, положительный (о человеке)’ [СРНГ, т. 36, с. 104]. В его основе лежит мотив неколебимости, крепости (по сходству с живым, крепким стоящим на корню деревом).

Итак, по минимальном удалении от предметных образов обнаруживаются частные мотивы — собственно мотивировочные признаки. Сходные мотивировки могут обнаруживаться у нескольких языковых фактов, имеющих весьма

различную образную природу. Частные мотивировки можно объединить по сходству в сквозные мотивы, а на основании последних в свою очередь можно найти мотивационную доминанту.

Так, сквозные мотивы прочности и мощи можно интерпретировать как варианты реализации представления о том, что надежный человек способен служить опорой для других, однако, поскольку и слово *опора* выступает метафорой, для формулирования мотивационной доминанты следует предпочесть другие способы выражения, например: «мотивационная доминанта поддержки».

Заметим, что выявленные в процессе анализа фразеологии мотивы подтверждаются при обращении к однословным единицам семантической группы «Надежность». Вообще мотивационная доминанта способности к поддержке соприкасается с этимологией ключевого слова этой группы — *надежный*. По данным этимологических словарей, рус. *надежный* принадлежит гнезду праслав. **nadedjъnъ(jъ)* [ЭССЯ, вып. 21, с. 234], производного от субстантива **nadedja*, образованного сложением *na-* и редуцированной презентной основы **dedj-* глагола **dě(ja)ti* [Там же]. Глагол **naděti / nadějati se* [ЭССЯ, вып. 22, с. 8] восходит далее к праслав. **dě(ja)ti*, продолжающему и.-е. **dhe-* в его основных значениях ‘ставить, класть’ — ‘делать’ [ЭССЯ, вып. 4, с. 229–230].

В этимологическом гнезде с глагольной вершиной **nadě(ja)ti* присутствуют одновременно отвлеченные значения (‘внушать надежду’, ‘упование, ожидание’ и др.) и предметно-операциональные смыслы (‘накладывать’, ‘насадить’, ‘наполнить, начинить’, ‘надеть, облечь’, ‘обуть’), а также «вещные» значения (‘одежда’, ‘червь, гусеница для наживы на удочку’). В частности, у континуантов основ **nadedja* и **naděja*, кроме преобладающего абстракт-

ного значения ‘надежда, упование, spes’, отмечается и более конкретное значение ‘одежда, то, что на-девается’ [ЭССЯ, вып. 21, с. 235]. В словарной статье, посвященной **nadějati se*, указано также: «Вторичность более абстрактного значения ‘надеяться, возлагать надежду’ хорошо видна на примерах сохраняющегося более конкретного значения ‘накладывать’» [ЭССЯ, вып. 21, с. 236].

Итак, этимологически для слова *надежный* восстанавливается мотив «класть; положить, деть», находящийся в полном соответствии с выражением *положиться на кого-либо*, которое обычно включается в состав дефиниции анализируемого слова (*надежного* часто определяют как ‘такого, на которого можно положиться’). С учетом этих данных можно говорить о плеонастичности сочетания *возлагать надежды*, поскольку *надежда* — это и так «то, что кладется, возлагается (на-кладываемое, на-лож-енное)», поэтому компоненты словосочетания имеют структурно-семантическое сходство, дублируют друг друга.

Между мотивом «накладывать» (эксплицированным в ходе этимологического анализа слова *надеяться, надежный*) и мотивом «способный быть поддержкой, служить опорой» (выявленным в ходе анализа буквальной основы фразеологизмов) есть точка соприкосновения: «наложить» что-либо можно только на что-либо «прочное, твердое, мощное, устойчивое». Нам кажется возможным говорить о центральной для понятий «надежный», «надеяться» идее делегирования собственных задач и трудностей другому человеку, которая объективируется и в толковании соответствующих слов (*надежный* — ‘такой, на которого можно положиться’), и в мотивации языковых единиц («прочный, как мост из камня», «мощный и неколебимый, как гора» и др.).

Образы: «мост из камня», «мужской половой орган <твердый, как железо>», «каменная гора», «дерево, стоящее на корню».

Частные мотивы: «выдерживающий большую нагрузку», «твердый», «непоколебимый, мощный», «крепко цепляющийся за землю (о корнях)».

Сквозные мотивы: «прочный, служащий опорой», «мощный, непоколебимый».

Мотивационная доминанта: «способный оказывать поддержку (о человеке)».

(2) Мотивационная доминанта защиты

Образ стены хорошо известен носителям русского языка по выражению *как за каменной стеной* (*быть, находиться и т. п.*) ‘под надежной защитой, имея надежную опору’ [СлРЯ, т. 4, с. 260]. Ср. также фольк. (плач невесты): *Ты моя надежда, стена каменна* (отец), *ты моя заступница, вековечная печальница* (мать) [Даль, т. IV, с. 359]. Исследователю может «привидеться» сходство с предшествующими образами каменного моста и каменной горы, однако в этом случае структура фразеологизма совершенно иная: использован топик расположения за некоторым объектом, в то время как ранее не велась речь об образах расположения за мостом или за горой. Стена — это символ защиты (надежный — «тот, кто способен защитить»). Ср. пск. *лежать не за кем* ‘об одиноком, беспомощном человеке, которому не на кого надеяться’ [СПП, с. 48], противоположное в структурно-семантическом смысле выражению *быть как за каменной стеной*.

Образ: «стена».

Частный мотив: «находиться за чем-либо».

Сквозной мотив: «служить защитой».

Мотивационная доминанта: «способный защитить (о человеке)».

(3) Мотивационная доминанта деятельности

Образ оружия. В выражении *неизменное копьё мое* 'надежный, верный человек' [Даль, т. II, с. 25] раскрывается другая — акциональная — сторона понятия: надежного человека язык репрезентирует как «боеспособную единицу», вооруженного воина, готового вступить в бой за кого-то (имеющего для этого силы, подготовку, средства), точнее — живое воплощение оружия.

Образ орудия появляется в идиоме *правая рука* 'первый и самый надежный помощник' [СОВРЯ, с. 42]. Конечно, семантическим центром дефиниции выступает компонент 'помощник', и именно идея помощи обусловила образ руки как орудия. Однако этим фразеологизмом именуют не любого помощника, а одного самого надежного, поэтому компонент *правая* в составе выражения чрезвычайно важен, он указывает на инструментальность: правой рукой человек, как правило, совершает наибольшее число манипуляций. Еще один семантический нюанс: надежный человек представлен как один из акторов солидарной, совместной деятельности: он действует не вместо кого-то, а вместе с кем-то (с тем, кто надеется).

Образы: «копьё», «правая рука».

Частные мотивы: «используемый как оружие в бою», «являющийся орудием для осуществления разнообразных действий».

Сквозной мотив: «служащий средством осуществления деятельности».

Мотивационная доминанта: «способный выступить деятелем или соактором в какой-либо деятельности».

(4) Мотивационная доминанта принадлежности кругу своих

Образ человека, хорошо известного в какой-либо среде, социальной группе, реконструиру-

ется с разной степенью очевидности в следующих единицах: жарг., угол., прост. *свой в доску* (одобр.) ‘надежный человек из уголовной среды’ [БСРП, с. 200], разг. *свой парень* (одобр.) ‘человек с близкими кому-л. убеждениями, взглядами, настроениями; надёжный товарищ’ [БСРП, с. 485], иркут. *твóй бы и был* ‘о человеке, который произвел хорошее впечатление, но не оправдал надежд’ (1907) (*Казалось, что твой бы и был*) [СРНГ, т. 43, с. 326]. Носитель языка выражает уверенность в надежности человека на основе признака принадлежности его и себя к одному кругу общения, или мотива репутационного знакомства.

Образ: «человек, принадлежащий определенной социальной группе».

Частный мотив: «свой», «твой».

Сквозной мотив: «свойскость, социальная близость».

Мотивационная доминанта: «принадлежность кругу своих».

3.3.3. ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ НЕНАДЕЖНОСТИ

Представим далее обозначения ненадежного человека.

(1) Мотивационная доминанта неспособности служить поддержкой

Отчасти фразеологические обороты этой группы составляют «симметричную» оппозицию номинациям обозначений надежного человека.

Образ весеннего льда опредмечивает мотив непрочности: иркут. *надежда на кого-либо, как на вешний лед* ‘плоха надежда на кого-либо’ [СРНГ, т. 16, с. 318]. Опереться на непрочный лед так же опасно, как самые плачевные последствия может иметь ненадежность человека, на которого кто-либо полагается.

Образ: «лед весной».

Частный мотив: «хрупкий, ломкий, подтаявший, непрочный (о льде)».

Сквозной мотив: «не способный выдержать нагрузку и служить опорой».

Мотивационная доминанта: «неспособный поддерживать, помочь (о человеке)».

(2) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА НЕПОСТОЯНСТВА

Однако не все образы зеркально симметричны тем, которые обнаружили в обозначениях надежного. Образный ряд в лексике ненадежности по-своему уникален.

Образ ветра универсально в любой культуре символизирует движение и переменчивость, а эти смыслы служат благодатной почвой для семантического переноса: волгогр. *вей ветер* (неодобр.) ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРП, с. 82], волгогр., шутол. *федула передула* ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРП, с. 700], диал. *ветром подбитый* ‘говор. о человеке: ветрогон, ветренный, скорохват; непостоянный, непоседный, ненадежный, опрометчивый’ [Даль, т. I, с. 343]; ср. однословную номинацию: *ветер* ‘то же’ [Там же];

Образ птицы, перелетающей с ветки на ветку, можно реконструировать в пск. *сегодня на один куст сядет, завтра на другой* (неодобр.) ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРП, с. 346];

Образ человека, часто и беспорядочно меняющего занятия или решения, совершающего противоречивые поступки, нарисован в паремии (иноск.) *Самъ и зудъ зудитъ, самъ и расчесъ расчесываетъ, и взманъ манитъ, и казнить велитъ* ‘о ненадежном человеке’ [Михельсон, 1912а, с. 782].

Образ человека, взгляд которого обращен назад или вовне, воплощает мотив попятного движения, всегда оцениваемого негативно (так метафорически передается переменчивость в решениях), то есть мотив предательства, а также мотив опасности, поскольку «вон глядит» обычно, согласно русским поговоркам, волк, то есть дикий зверь, хищник из мира дикой природы, в традиционной культуре противопоставленной миру «людскому», чужак-одиночка: *он вон глядит* ‘ненадежен’ [Даль, т. I, с. 244], *он глядит вон, глядит в лес* ‘не прочен, не надежен на этом месте, хочет уйти’ [Даль, т. I, с. 369], народн. *финтйт, вертйт, не туда глядит* ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРП, с. 674], *вы вьюны да оглядчики* стар. ‘изворотливы, ненадежны’ [Даль, т. I, с. 337] (здесь *оглядчик, оглядчица* ‘кто оглядывает что, или оглядывается’, ср. *оглядливый* ‘человек, осторожный’; *оглядчивый* ‘у кого привычка часто оглядываться назад’ [Даль, т. II, с. 589]; глагол *оглядываться* тоже передает семантику движения, направленного назад, то есть перемены движения на обратное, а также рисует образ человека, который страшится быть разоблаченным в чем-либо, и страх этот свидетельствует о виновности).

Образ движения по кривой, кручения, вращения (он по сути совпадает с мотивом) воссоздается в народн. *финтйт, вертйт, не туда глядит* ‘о непостоянном, ненадежном человеке’ [БСРП, с. 674], *вы вьюны да оглядчики* стар. ‘изворотливы, ненадежны’ [Даль, т. I, с. 337] (где *вьюн* — ‘ловкий, расторопный человек; пролаз, льстивый угодник’ [Там же]), новосиб. *как береста на огне (крутится)* ‘о непостоянном, ненадежном и нечестном человеке’ (*Крутель, путальник* — человек крутится, как береста на огне, и с бабами, и где можно обмануть человека) [ФСРС, с. 11]. Этот мотив воплощается в многочисленных лексических единицах: арх.(?) *вертэжный* ‘легкомысленный,

ненадежный' [СРНГ, т. 4, с. 150], олон. *вертіло* 'непостоянный, ненадежный человек' [СРНГ, т. 4, с. 153], влад. *вертляный* 'непостоянный, ненадежный (о человеке)' [СРНГ, т. 4, с. 154], перм. *вертословый* 'не умеющий держать данное слово; лживый, ненадежный' [СРНГ, т. 4, с. 154], урал. *вертун* 'ненадежный человек, обманщик' [СРНГ, т. 4, с. 155], арх., олон. *вертячий* 'ненадежный, лживый' (*Вертячий мужик. Вертячая баба*) [СРНГ, т. 4, с. 157], арх. *вертячливый* 'ненадежный, плутоватый' [СРНГ, т. 4, с. 158], диал. (б/у места) *вихлюша* 'шатает на ходу, ненадежный, изменчивый в мыслях, в слове (человек)' [СРНГ, т. 4, с. 304], пск. *вихляватый* 'ненадежный; такой, на которого опасно положиться' [СРНГ, т. 4, с. 304] и др.

Образы: «ветер»; «птица, перелетающая с куста на куст»; «человек, совершающий множество действий — нелогичных, противоречивых»; «взгляд, обращенный в сторону или назад»; «верчение».

Частные мотивы: «стремительно движущийся, меняющий направление (о ветре)»; «многократно меняющий местоположение, перелетающий с ветки на ветку (о птице)»; «противоречивый в многообразии (о поступках)»; «обращенный назад (о взгляде)»; «движущийся по кривой».

Сквозной мотив: «переменчивый».

Мотивационная доминанта: «непостоянство (человека)».

(3) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ДВОЙСТВЕННОСТИ

Образ плаща, накидки становится метафорическим выразителем смысла 'ненадежный' потому, что этот предмет одежды накидывается на плечи и генерализуется значение парности (два плеча, две свободно свисающие полы накидки): *эта епанча на оба плеча* 'человек непостоянный (ненадежный товарищ)' [Михельсон, 1912а, с. 618].

Образ перекидываемого через плечо мешка

вовлекается в процесс номинации потому, что эта вещь состоит из двух частей, которые можно, набрасывая на плечо, менять местами: *переметная сума* ‘о человеке, непостоянный, кидающийся туда и сюда, ненадежный товарищ’ [Даль, т. III, с. 66], *перемётная сума* ‘человек непостоянный (ненадежный товарищ)’ [Михельсон, 1912а, с. 618]. Ср.: мотив «и тот, и другой», сходный с идеей перекидывания сумы «туда и сюда», лежит в основе однословной единицы: перм., арх., вят., север. *всяковáтый* ‘всякий (то хороший, то плохой); «чаще в смысле нехороший, ненадежный»’ (север. *С правдой, дружок, вашей вы тоже всяковаты бываете*) [СРНГ, т. 5, с. 223].

Образы: «епанча», «переметная сума».

Частные мотивы: «накидываемый на оба плеча — туда и сюда (о епанче), «перекидываемый туда и сюда (о наплечном мешке)».

Сквозные мотивы: «парный, двойной».

Мотивационная доминанта: «двойственность, двуличие (о человеке)».

(4) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА НЕГОДНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Образ отказа вместе идти в разведку отчасти пересекается с метафорой «надежный человек — оружие», но общность заключается только в предметно-тематической сфере (хотя это показательно, поскольку надежность проверяется в сражении и нужна для ведения совместных боевых действий), а с точки зрения мотивировки здесь базой является идея негодности для сотрудничества, невозможности осуществлять с кем-либо совместную деятельность через посредничество смысла «способный предать»»: разг. *в разведку не пойдешь / не пошел бы* (неодобр.) ‘о ненадёжном человеке’ [БСРП, с. 554].

Образ продажи включает в себе все тот же мотив предательства: народн. *в душу влезет, а за грош продаст* (неодобр.) ‘о ненадежном, двуличном человеке, подхалиме’ [БСРП, с. 216], прост. *продаст родную мать за грош* (неодобр.) ‘о ненадежном, эгоистичном человеке’ [БСРП, с. 391].

Образ замутненности, непрозрачности является своего рода зеркальным отражением метафоры «надежный — свой» на основе оппозиции «известный, свой (надежный) — неизвестный, непонятно какой, неопределенный (ненадежный)»: жарг. *мутный кекс* (неодобр.) ‘непорядочный, ненадежный человек’ (*И что наша Катька с таким мутным кексом связалась?*) [Никитина, 2003, с. 246], тобол. *баламутный* ‘неверный, ненадежный’ [СРНГ, т. 2, с. 72].

Образы: «разведка на войне», «продажа», «мутная жидкость».

Частные мотивы: «отказ от ведения совместных боевых действий», «продающий», «непрозрачный».

Сквозные мотивы: «способный предать», «неопределенный».

Мотивационная доминанта: «негодный для сотрудничества».

(5) МОТИВАЦИОННАЯ ДОМИНАНТА ПРАВСТВЕННОГО ПОРОКА

Образ недуга, болезни реконструируется в просторечно-разговорных и жаргонных единицах: жарг. мол. *провести вакцинацию* ‘проверить кого-либо на надежность’ [БСРП, с. 70], разг., шутил.-ирон. *проверять на вшивость* (неодобр.) ‘испытывать кого-либо на честность, порядочность, надежность’ [БСРП, с. 108].

Образы: «вакцинация», «вши (педикулез)».

Частные мотивы: «провести профилактику болезни», «выявить заболевание».

Сквозной мотив: «отклонение от нормы».

Мотивационная доминанта: «нравственный порок».

3.3.4. ОБРАЗЫ НАДЕЖНОГО И НЕНАДЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

В СВЕТЕ МОТИВАЦИОННОЙ СЕМАНТИКИ

Проводя исследование, мы исходили из того, что представления о надежности обусловили выбор образов носителем языка. Соответственно, анализ языкового материала позволяет нам шагнуть в обратном направлении, то есть провести (1) регистрацию ассортимента образов, характерных для языковых единиц одной семантической группы; (2) реконструкцию мотивационных признаков; (3) экспликацию семантических составляющих понятия «надежный (человек)» на основе анализа мотивации слов или выражений.

Можно говорить о частных, сквозных мотивах и о мотивационных доминантах.

Частный мотив. Наибольшей конкретностью отличается частный мотив, характеризуемый различной степенью детализации, поскольку он представляет собой мотивационный признак, положенный в основу одного языкового факта либо общий для целого ряда слов. В данном случае речь идет о мотивировочных признаках, релевантных при создании и употреблении языкового знака. Формулировки для обозначения этих мотивационных признаков обычно таковы, что их скорее можно приложить к названию эталона сравнения, но не к обозначению объекта номинации — в данном случае человека (ср. *прочный каменный мост*, но не **прочный человек*). Один и тот же частный мотив может выявляться в нескольких языковых фактах.

Сквозной мотив. Частные мотивы, характеризующиеся смысловой близостью, можно объединить в сквозной мотив, стоящий на второй ступени иерархии мотивов, обладающий

большей степенью отвлеченности от образа и потому нередко актуальный для элементов из нескольких различных предметно-тематических сфер (то есть для разных вещных образов). В таком случае можно говорить, например, о том, что частные мотивы прочности (камня, моста) и неколебимости (горы) объединены общим для них сквозным мотивом опоры. Сквозной мотив интересен своим интерпретативным характером, поскольку это «экстракт смысла», один генерализованный признак, на основании которого осуществляется перенос, смысл-посредник, «вытяжка», весьма условная и для вещного образа-эталона, выбранного номинатором, и для объекта номинации, то есть он одинаково отстоит (находится на одинаковом удалении) от них, поэтому его обозначение максимально упрощено, формулировка содержит указание на один признак.

Мотивационная доминанта. Далее можно вычленять мотивы еще более высокой степени абстрагирования от эталона сравнения и более точного приближения к представлениям о свойствах объекта номинации. Иначе говоря, множество сквозных мотивов сводимо к сравнительно небольшому числу мотивационных доминант — единиц высшей степени абстракции, составляющих концептуальный каркас лексико-семантического поля или группы языковых единиц и потому нередко смыкающихся со смыслами (значениями, коннотациями), выявляемыми при анализе семантики. В части формулировки мотивы этого уровня максимально привязаны к свойствам объекта номинации, то есть утрачивают отвлеченность сквозных мотивов, хотя мотивационная доминанта может совпадать со сквозным мотивом, если он в силу своей интерпретационной природы обладает универсальностью формулировки и годится для характеристики одновременно объекта номинации и эталона сравнения (если полагать, что сравнение как ментальный акт лежит в основе метафоры).

Так, надежный человек, это «тот, на кого накладывают, возлагают что-либо» (мотивационная доминанта делегирования собственных трудностей другому человеку); это «другой, на которого опираются» (сквозной мотив опоры); и он «выдерживает груз, проявляя качества прочности и неколебимости» (частные мотивы прочности, твердости, устойчивости). Мотивационная доминанта, как можно заметить, может смыкаться с семантикой слова, отраженной в дефиниции.

В этой логике мы производили препарирование материала.

Резюмируя проведенную реконструкцию мотивационных доминант, представим портреты-метаописания, составленные на основе мотивационного анализа материала:

надежный — это тот, кто готов оказать поддержку другому (кому можно делегировать чужие трудности); кто способен защитить; кто способен действовать для другого; кто принадлежит кругу своих;

ненадежный — это тот, кто не может оказать поддержку другому; кто переменчив, непостоянен; кто не годится для совместной деятельности; кто двуличен; кто имеет нравственный порок.

Как нам кажется, выявленные мотивационные доминанты в данном случае объективируют то содержание понятий «надежный» и «ненадежный», которое скрыто за дефиниционной семантикой ‘тот, на кого можно положиться’, поскольку мотивы самой значительной степени отвлеченности от образного каркаса языкового знака максимально сближаются с толкованием слова.

3.3.5. СТЕРЕОТИПИЗИРОВАННЫЕ СУБЪЕКТЫ

НАДЕЖНОСТИ И НЕНАДЕЖНОСТИ

На основе ряда номинаций можно реконструировать также стереотипизированные субъекты надежности и ненадежности

(например, царь, мать, отец, с одной стороны, женщина, крещеный еврей и т. д. — с другой). Остановимся на них подробнее.

СТЕРЕОТИПЫ НЕНАДЕЖНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Языковые данные фиксируют устойчивые представления о социальных ролях, которым «вменена» ненадежность. Это образы:

— женщины, с которой прочно связан стереотип коварства: зап. *женская ласка, да морская затишь* ‘равно ненадежны’ [Даль, т. II, с. 242];

— друга, бывшего раньше врагом, поскольку и здесь заложена идея скрытого коварства, потенциальной опасности: *волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, да недруг замиреный* ‘равно ненадежны’ [Даль, т. I, с. 236] (прост., устар. *замирить* ‘усмирить, покорить’ [СлРЯ, т. 1, с. 545]); ср.: диал. (б/у места) *сшить дружбу* ‘уладить что-либо кое-как, ненадежно’ (1903) [СРНГ, т. 43, с. 103];

— еврея, сменившего вероисповедание, то есть уже однажды переметнувшегося и потому способного на измену: *жидовин крещеный, волк кормленный, да недруг примиреный* ‘ненадежны’ [Даль, т. II, с. 335]; *волк кормленный, конь леченый, жид крещеный, да недруг замиреный* ‘равно ненадежны’ [Даль, т. I, с. 236];

— свояков, родственные узы которых не столь крепки (своjak — муж старшей сестры жены), чтобы они помогали друг другу (между ними нет кровного родства; неслучайно им противопоставляются братья — кровные родственники, с которыми связывается стереотип взаимной поддержки): *Два брата на медведя, а два свояка — на кисель* ‘ненадежны’ [Даль, т. IV, с. 156];

— шута, который, вне зависимости от того, подразумевается ли придворный шут, гаер или шутник, опасен сменой своих личин, масок, поскольку шутка — это игра, в которой трудно раз-

личить действительное и ненастоящее: *Шуту в дружбе не верь. Шут в дружбе не верен* 'не надежен' [Даль, т. IV, с. 670]. Народной мудрости вторит предложенная П. П. Червинским трактовка лексемы *клоун* (снабжено пометами «общеразг., пренебр., осужд.») в контексте примеров идеологизации языка советской эпохи: «Человек, ведущий себя, с точки зрения говорящего, несерьезно, несообразно, несоответствующим образом, прикидывающийся непонимающим, дураком, ёрничающий, насмехающийся, издевающийся над тем, что не может быть предметом насмешек и шутовства, в первую очередь то, что связывается с идеологией, политикой, советскими принципами и идеалами, советским образом жизни, моралью. Обращающий все это своим поведением, отношением из святого, не подлежащего критической переоценке и сомнениям, в пустоту и ничто. В связи с чем человек политически неблагонадежный (выделено нами. — Т. Л.) и асоциальный, публичные выступления, равно как и близость с которым, приятельские отношения, могут оказаться опасными и навредить» [Червинский, 2011, с. 140]. В сущности, это один из частных смыслов слова *клоун*, актуальный в определенную эпоху, в значительной степени идеологизированный (хотя думается, что автором словаря несколько преувеличена мера обремененности этого слова политическими смыслами) и находящийся в полном согласии с поведенческим значением этого слова в разговорном употреблении вне какой-либо идеологии. В том же словаре разработана весьма близкая интерпретация слова *фокусник* («общеразг., недовольн., неприязн.») в одном из его значений того же ряда, что и 'шутник': «Человек капризный и непредсказуемый, поведение и реакции которого характеризуются чертами нарциссизма, неумения и нежелания считаться с чувствами и мнениями других, а также, в том числе, с потребностями, задачами и обстоятельствами

момента. В связи с чем, в условиях советского коллективизма и вырабатываемой личной дисциплины, предполагающих постоянную готовность действовать по требованию, по указанию вышестоящих, исходя из политических, идеологических и социальных нужд и устремлений, может оцениваться и восприниматься как ненадежный (выделено нами. — Т. Л.), трудный во взаимодействии и, в известной степени, антиобщественный субъект, руководствующийся своими прихотями, желаниями и волей вместо осознанной необходимости быть полезным, нужным людям, обществу и стране» [Червинский, 2011, с. 308]. В пространных комментариях, которыми автор словаря снабдил данные лексемы, он, ставя перед собой задачу описания не столько «языковых значений, сколько значений устойчивых словоупотреблений, обусловленных речевой ситуацией, советскими обстоятельствами, а также вкладываемым в них типовым отношением субъекта речи» [Там же, с. 11], использовал семантические маркеры ‘ненадежный’ и ‘неблагонадежный’ (характеризуя, по-видимому, коннотативную зону в структуре значений слов *клоун* и *фокусник*), и это коррелирует с тем, что В. И. Даль истолковал пословицы со словом *шут* (факты речи) посредством одноименного маркера ‘не надежен’.

Все эти стереотипы имеют поведенческий характер: носители качества ненадежности ведут себя определенным образом, совершают поступки, указывающие на ненадежность.

Однако в фольклоре можно найти стереотип другого рода — не поведенческий, а, можно сказать, статусный — «дочь»: *Мы, девушки, зяблые семена, ненадежные детушки* (причит., олон., Барсов) [СРНГ, т. 12, с. 48]. Дочь «ненадежна», в видении носителей традиционной крестьянской культуры, потому, что она растет, пребывая в семье в качестве «едока» (как все дети), до замужества, а затем уходит в дом мужа и потому в будущем не ста-

новится опорой для своих родителей, в отличие от сына, который, возмужав, остается в родительском доме и становится главой семьи (именно с сыном связываются надежды на прочное и безбедное существование рода).

СТЕРЕОТИПЫ НАДЕЖНОСТИ

В номинациях надежного человека поведенческий стереотип надежности единственный — друг: *неизменный друг* ‘верный, надежный, всегдашний’ (*Неизменное копье мое*) [Даль, т. II, с. 535].

Остальные номинации имеют как раз статусный характер: воплощениями надежности выступают мать и / или отец, муж или жена, возлюбленный / -ая, то есть ближнее окружение (родные). В фольклорных текстах слово *надёжа*, *надёженька* выступает в качестве обращения к родителям (обычно отцу, реже — матери), мужу, реже — жене, а также к жениху или невесте: яросл., онеж., олон., арх., новг., перм., урал., костром., калуж., смол., моск., курск., самар., краснояр. *надёжа* (фолькл.) ‘ласковое обращение к близкому, любимому человеку’ (*Э-ох, дак уж ты, здравствуй, душечка, да надежа, Дак здравствуй, миленький, миленький сердечный друг; У надежи, света батюшки*) [СРНГ, т. 19, с. 228], яросл., вят, север., костром., перм., смол. *надёженька* ‘то же’ (*Надеженька милый мой, Ты не ходишь ли с иной? Уж ты свет, ты мой надеженька. Ты надеженька-законный муж*) [СРНГ, т. 19, с. 229]; *Что ты не смеешь надеяться на надежу родителей батюшку и матушку* (рус. (карел.)) [СРНГ, т. 25, с. 124]; *Кабы дома-то была — Вышла, встретила меня, целовала-любовала, Надеженькой называла* (вят.) [СРНГ, т. 17, с. 237].

Еще один стереотипизированный субъект надежности — царь («государь-батюшка»): *Здравствуй, свет великия надежа государь* (сказка «Царь, старик и бояра») [Русская сатирическая сказка ..., 1955, с. 17]; *И ты, надежа — великий царь, занял у него сорок тысяч денег!* (сказка «О царе и портном») [Русская

сатирическая сказка ..., 1955, с. 102]. В образе царя сильна коннотация 'отец (народа)', с которым связывается будущее государства.

Таким образом, по данным языка, надежность представлена как вмененное свойство «сильных», то есть людей, обладающих мощью и обязанностью служить опорой и защитой для слабых (младших или подданных) по своему статусу, а ненадежность диагностируется по поведению, образу действий человека, преимущественно обусловленному его социальной ролью.

3.4. БЛАГОНАДЕЖНЫЙ VS. НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ: ОТ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАНТИКИ К ДЕФИНИЦИЯМ

Т. В. Леонтьева

3.4.1. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *БЛАГОНАДЕЖНЫЙ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Слово *благонадежный* и его дериваты имеют спектр значений, объединенных социальной семантикой. Ранее слово *благонадежный* лишь вскользь попадало в фокус внимания лингвистов и литературоведов, которые уделяли внимание композитам с элементом *благо-* [Андреева, 2008; Гагарина, 2007; Гагарина, 2008] либо обширным тематическим группам, в состав которых включается данное слово, например, лексике веры [Бабенко, 1989, с. 147; Чернышева, 2015]. В частности, С. Л. Андреева говорит о том, что слово *благонадежный* в числе прочих слов с корнем *благо-* является средством языкового выражения концептов ОЦЕНКА и — шире — НОРМА [Андреева, 2008, с. 357], а Л. Г. Бабенко относит его к числу слов эмоциональной характеристики в поле «Вера» [Бабенко, 1989, с. 147]. Исследуются особенности функционирования слова в разные периоды, так, отмечается, что в XVIII веке оно активно функционировало и принадлежало к языковым средствам юридической терминологии [Смирнова, 2012, с. 89]; в религиозном дискурсе его значения отличались от светского толкования [Чернышева, 2015]. В связи с описанием «облика человека социализма» предлага-

ется выделять среди прочих семантическое поле «Благонадежность» [Надель-Червиньска, 2009, с. 148]. В публикациях комментируются языковые средства, фиксирующие представления о благонадежности или неблагонадежности и знание реалий, связанных с ними, например, в деловом документообороте — «маркирующие благонадежность / неблагонадежность характеризующего лица последовательно употребляемые стандартные сочетания *морально устойчивый, политически грамотный / морально неустойчив, политически безграмотен*» [Купина, 2012, с. 31]; в книжной речи — слово *цензура* ‘осуществляемый органами власти контроль политической благонадежности выходящих в свет произведений’ [Трипольская и др., 2015, с. 31]; в разговорной речи — сочетание *волчий паспорт* или *билет* ‘в царской России — документ о политической благонадежности’ [Миронова, 2013, с. 72].

Наше исследование проводится на текстовом материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На основе анализа сочетаемости слова в газетном подкорпусе НКРЯ выявляются его значения. Мы исходим из того, что анализ контекстной реализации слова позволяет выявить ключевые семы в структуре его значения. Актуальность исследования определяется тем, что в речи носителей современного русского языка произошел ощутимый сдвиг значений слова в сторону отдаления от еще недавно актуальной для него идеологической (политической) семантики. Отсутствие в лингвистической литературе работ, посвященных обстоятельному анализу спектра значений и коннотаций этой языковой единицы, обусловил новизну исследования.

БЛАГОНАДЕЖНЫЙ в СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В «Словаре современного русского литературного языка» предлагается только одно актуальное значение слова: ‘заслужива-

ющий доверия, преданный' (*Он [помещик] позвал несколько благонадежных людей из своей прислуги, приказал отнести барыню в каменный подвал, запер огромным замком и ключ положил себе в карман.* С. Акс, Сем. хр.) [ССРЛЯ, т. 1, с. 485].

Все другие значения охарактеризованы как устаревшие или имеют ограничительную историческую помету:

— доревол. 'признанный заслуживающим политическое доверия, как непричастный к революционной деятельности и сторонник существующей власти' и 'свойственный благонадежному человеку';

— устар. 'подающий надежды, надежный, основательный' (*Успехи мои хотя были медленны, но благонадежны, ибо на десятом вodu от роду я знал почти все то, что поныне осталось у меня в памяти.* Пушкин, Ист. села Горюхина.)

— в сочетании с *для чего*: 'благоприятный, удобный' (*Места, где деревья зелеными ветвями своими наклонились над водою..., — благонадежны для уженья не очень раннего и не очень позднего; ибо в это время рыба, уже поднявшись со дна, ходит на умеренной глубине и очень любит держаться около зелени листьев.* С. Акс., Зап. об уженье рыбы);

— устар., в сочетании с *будь, будьте*: 'уверенный' (*Так я могу на вас надеяться? — крикнул я ему вслед. — Будьте благонадежны! — раздался его самоуверенный голос.* Тург., Странная история) [Там же].

Между тем очевидно, что в современной речевой практике это слово, действительно утратившее к настоящему моменту последние три из приведенных значений, во-первых, достаточно активно употребляется в его «идеологическом» значении, которое, как мы уже отметили, в словаре маркировано как принадлежащее только дореволюционному периоду, во-вторых, реализуется не только в значении 'преданный', предложенном как един-

ственное актуальное для современной речи. Анализ контекстного окружения слова в современных текстах позволит выявить эти значения.

БЛАГОНАДЕЖНЫЙ В ГАЗЕТНОМ КОРПУСЕ НКРЯ

Газетный корпус НКРЯ дает всего 8 вхождений слова *благонадежный*, а именно контексты, извлеченные из периодических изданий, охватывающих 2001—2014 годы. Из восьми словоупотреблений в семи случаях прилагательное характеризует человека. Их анализ позволяет высказать следующие соображения.

Под благонадежностью может пониматься нравственность человека — в полном соответствии с одним из словарных значений прилагательного *неблагонадежный*. Приведем, к примеру, контекст, в котором говорится об обнаружившейся безнравственности человека: *Кто бы мог подумать, что ее с виду благонадежный дед (он же, видимо, и отец) в текущие экономически нестабильные времена регулярно сдавал внаем тела своих дочерей-внучек с целью обогащения?* (С. Тыркин. За фасадом // Комсомольская правда, 2013.09.02).

Обратим внимание на сочетание *с виду благонадежный*, которое маркирует демонстрационный, публичный характер благонадежности. Иначе говоря, благонадежность должна быть «видна», то есть это свойство личности, обнаруживаемое на основе наблюдаемых признаков — по поведению, поступкам. Эта его особенность позволяет ему также быть имитируемым, чисто внешним, «маской». Ср. сочетание с глаголом *выглядеть*: *Постарайтесь выглядеть благонадежным, успешным и уверенным в себе гражданином* [Как правильно себя вести ..., 2015].

Другое направление развития семантики слова *благонадежный* — его миграция в сферу экономической жизни, основанной на сотрудничестве сторон, где стабильность и уверен-

ность в партнерах высоко ценится: *Швыдкой намекал, что «Сатирикону» на плаву без посторонней помощи не обойтись, и государство будет согласно на выкуп, если только у театра найдется **благонадежный** меценат* (Итоговый выпуск (вечерний) — 04.04.05 — Екатеринбург // Новый регион 2, 2005.04.05). В приведенном высказывании подразумевается прочный финансовый фундамент благотворителя, собственно его платежеспособность, не имеющая ни этической подоплеки, ни политической.

Кстати, единственный имеющийся в газетном корпусе НКРЯ случай употребления анализируемого прилагательного в сочетании с существительным, не называющим человека, — *благонадежный климат* — показывает, что данное слово может служить характеристикой экономической ситуации и не имеет отношения к политике: *В Министерстве экономики Ростовской области считают, что выход новой компании на рынок свидетельствует о быстрых темпах развития экономики: «Раз сюда идут, значит, здесь **благонадежный** экономический климат и хорошие партнеры»* (М. Дидковская, Ростов-на-дону. «Эстар» загружается // РБК Daily, 2008.01.14). Благонадежность трактуется в этом случае как стабильность, прочность, неизменность, то есть собственно как надежность.

Третий семантический вектор, который обнаруживается в ходе анализа контекстной реализации слова *благонадежный*, лежит в области профессиональной характеристики человека: *Довольно часто в процессе обыска изымаются компьютеры, иная сложная аппаратура, а также ее отдельные устройства и блоки. Целесообразно, чтобы при этом присутствовал не просто представитель предприятия, а **благонадежный** сотрудник, обладающий специальными познаниями. В случае изъятия должны быть соблюдены требования уголовно-процессуального зако-*

нодательства (Голубев Владимир. Откройте, милиция! // Труд-7, 2001.08.27). Благонадежным назван человек, верный руководству предприятия (вероятно, из числа приближенных), преданно отстаивающий интересы своего работодателя. Преданность такого рода — прямая проекция политической ангажированности: благонадежность, понимаемая в определенный период как преданность государственной идеологии, теперь может трактоваться как преданность руководству и интересам предприятия на основе опорной для анализируемого слова семы ‘неизменно прочный, крепкий’.

Помимо того, что за словом закрепилась семантика нравственной чистоты, материально-финансовой прочности и преданности руководству предприятия, оно способно характеризовать военнослужащих: *Надо пройти с десяток согласований и проверок на благонадежность (а я — благонадежный, как-никак — полковник запаса), и — выходи на работу* (М. Чижиков, М. Фалалеев. Как я был английским шпионом // Комсомольская правда, 2004.07.22). Высказывание построено таким образом, что его семантико-синтаксическая структура представляет собой модель для выявления стереотипов. Схема «я / он *такой* <потому что> как-никак *являюсь кем-либо*» фактически может заполняться переменными данными в частях, обозначенных курсивом, ср.: **Я хорошо считаю, как-никак продавец* и под. Следовательно, в нашем примере благонадежность представлена «встроенным», безусловным, обязательным качеством полковника; а иначе: полковник представлен стереотипным носителем свойства благонадежности. Это в целом закономерно, поскольку при использовании слова *неблагонадежный* в сочетании с обозначениями военных чинов и званий между компонентами словосочетания возникает «семантический конфликт». Например, сочетание **неблагонадежный генерал* служило бы обозначением нарушителя

присяги, предателя, собственно участника антиправительственной оппозиции. Таким образом, анализ сочетаемости лексем *благонадежный* и *неблагонадежный* в этом случае позволяет реконструировать несомненную идеологическую составляющую обозначаемых понятий.

Наконец, три газетных фрагмента из восьми содержат слово *благонадежный* в его «идеологическом» значении.

В отрывке из газетной публикации 2004 года устаревшее значение слова актуализировано лишь по той лишь причине, что он отсылает к историческому контексту — политической ситуации 60-х годов XX века: *Наколки обнаружили на лице у художника, когда он содержался под арестом в следственном изоляторе в 1960 году. Зотов уже тогда был под пристальным вниманием правоохранительных органов как человек не вполне благонадежный. В очередной раз его арестовали через десять лет. В уголовном деле, с которым мне довелось познакомиться, подробно рассказывается, каким «опасным» человеком для государства и общества был этот человек* (А. Петров. Оттепель — еще не весна // Труд-7, 2005.11.24).

Другой фрагмент описывает современный политический казус, а именно внутривнутрипартийный раскол: *Уральские «коммунисты-предатели» уходили в отставку по очереди: сначала лишился должности бывший глава свердловского отделения КПРФ Владимир Кадочников — ему на смену пришел «политически благонадежный» и идейно выдержанный Валерий Новоселов* (Итоговый выпуск вечерний — 29.07.04 // Новый регион). Однако обратим внимание, что стилистическое чутье заставило журналиста поставить кавычки, то есть указать на принадлежность использованного речевого штампа другой эпохе.

Третий фрагмент представляет собой выдержку из стихотворения, посвященного Алексею Апухтину (1840—1893): *Не фар-*

мазон. Отнюдь не вертопрах. Непьющий Вакх. **Благонадежный** Дельвиг. И правовед, молчавший о правах. Он, обожатель булочек изюмных, нос морщивший от вони кабака, певец ночей бессонных и безумных, предпочитал ночами храпака! (Е. Евтушенко. В начале было слово // Труд-7, 2003.08.07). Поэту дается ряд характеристик, каждая из которых выражена посредством оксюморона: *непьющий Вакх* (хотя Вакх — бог виноделия), *благонадежный Дельвиг* (хотя поэт считался политически неблагонадежным из-за издательской деятельности и тесных связей с декабристами), *правовед, молчавший о правах* (хотя служитель Фемиды должен словом защищать права человека) и др. Интересующая нас лексема — историзм, она отсылает к реалиям времени монархического правления (соответствующий ЛСВ имеет в словаре помету «дореволюционное»).

Небольшое количество контекстов в газетном подкорпусе НКРЯ, конечно, обусловлено случайностью и неполнотой выборки изданий, поскольку корпус, хоть и постепенно пополняется, не может включать всю публицистику. Поэтому отметим, что свободный поиск в сети Интернет обнаруживает множество контекстов с анализируемыми словами.

Среди них выявляются, например, такие, которые включают лексему *благонадежный* в значении ‘законопослушный, не являющийся правонарушителем’: *В частности, муж, жена и дети, готовые стоять за своего члена семьи в суде. Именно им придётся долго доказывать, что обладатель final order of removal никакой не преступник, а благонадежный житель Соединённых Штатов* [Почему не стоит бояться..., 2016].

СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *БЛАГОНАДЕЖНЫЙ*

Ключевые семы в структуре значения слова *благонадежный* мы определили бы следующим образом.

Семантическое ядро составлено следующими семами: ‘потенциально’ + ‘неизменный’ + в проявлении положительного свойства’. Оно объединяет все без исключения значения многозначного имени, то есть и характеристики человека, и свойства других объектов номинации.

При этом заметим, что более соответствовала бы внутренней форме слова, производного от *надеяться*, формулировка ‘такой, на которого можно надеяться’. Однако, как нам кажется, это «наведенный смысл» (заданный внутренней формой слова), то есть такой, который располагается не в ядре слова, а в пресуппозиции. Именно от этой оценки (квалификации) отталкивался говорящий (и это пресуппозиция), осуществляя поиск обозначения для конкретной характеристики человека — или нравственного, или платежеспособного, или законопослушного, или верного присяге (военного), или солидарного в политических взглядах с официальной государственной властью, центральным органом управления, или преданного руководству предприятия (это ассерция).

Процедура прояснения сем, то есть компонентов в структуре значения, предполагает большое внимание к тем значениям слова, которые вышли из употребления, поскольку они могут выражать существенные смыслы, наиболее близкие этимологическим.

Так, устаревшее синтаксически обусловленное лексическое значение фиксируется устойчивым благопожеланием *будьте благонадежны!* Оно означает ‘будьте уверены’, то есть выражает смысл собственно доверия. Это единственный случай, когда словом *благонадежный* назван агент, то есть «тот, кто может надеяться», а не «тот, на кого можно надеяться». Данное значение слова ясно фиксирует сему ‘надеяться’, соответствующую этимологии слова. Но если выделять ее как базовую, то лексикогра-

фирование этого слова должно предполагать выделение только одного значения — ‘тот / то, на кого / на что можно надеяться’.

Другой устаревший ЛСВ представляет собой обозначение удобства использования объекта, его пригодности для каких-либо целей (*благонадежное место для ужения рыбы*) и фиксирует важнейшую в структуре анализируемого слова сему — ‘намерение’ (речь идет о месте, в котором можно в будущем получить хороший улов). И действительно, благонадежность человека в любой сфере следует трактовать как надежду говорящего на то, что характеризуемый объект и в будущем намерен проявлять себя так, как на текущий момент.

Наконец, при характеристике словом *благонадежный* факторов (способностей, достижений), дающих надежды в будущем, открывающих большие перспективы (*мои успехи в чем-либо благонадежны*), релевантна сема ‘неизменность в течение длительного времени’.

Итак, без намерений и условия их неизменности нет благонадежности. Анализ устаревших значений слова подтверждает результаты экспликации состава семантического ядра анализируемого прилагательного и гипотезу о локализации смысла ‘надеяться’ в пресуппозиции.

Этот смысловой элемент, общий для всех названных значений, по сути является интерпретативным семантическим компонентом, так как он «истолковывает» свойство объекта, ставшее объектом номинации: платежеспособному (характеристика объекта номинации) можно доверять (оценка этого свойства субъектом номинации: модус доверия), нравственному (характеристика объекта номинации) можно доверять (оценка этого свойства субъектом номинации: модус доверия) и т. д. Интерпретативный смысл «кому / чему можно доверять» (а в случае с *неблагонадежным* — смысл «кому / чему нельзя доверять»), ср. выделение

семантики сомнительности в этом слове в [Гоголина и др., 2016, с. 33]) не входит в ассерцию. Он обеспечивает общность пресуппозиции для коммуникантов при использовании и понимании слова *благонадежный*.

Приядерная зона прилагательного *благонадежный* включает семы, которые «профилируют» основное свойство, маркируемое ядром, по признаку среды, в которой проявляется номинируемая характеристика человека: ‘финансовый’, ‘политический’, ‘этический’, ‘военный’, ‘правовой’. На их основе можно устанавливать границы между значениями полисеманта. Собственно в этой зоне обнаруживается релевантность социальной семантики для данной языковой единицы, закрепляется способность слова характеризовать поведение человека в общественных отношениях (кстати, в отличие от межличностных отношений, в которых актуальна надежность, а не благонадежность).

На **семантической периферии** располагается смысл ‘внешний, наблюдаемый извне, имеющий видимые признаки’. Эта сема лишь иногда актуализируется посредством контекстного окружения (*с виду благонадежный*) и указывает на поведение как сферу проявления номинируемого свойства: можно демонстрировать благонадежность, создавать видимость.

3.4.2. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Зафиксированные в «Словаре современного русского литературного языка» значения прилагательного *неблагонадежный* асимметричны значениям слова *благонадежный*, предложенным составителями того же словаря (‘заслуживающий доверия, преданный’, доревол. ‘признанный заслуживающим политического доверия, как непричастный к революционной деятельно-

сти и сторонник существующей власти' и 'свойственный благонадежному человеку', устар. 'подающий надежды, надежный, основательный', 'благоприятный, удобный', <'уверенный'> [ССРЛЯ, т. 1, с. 485]), то есть лексико-семантические варианты (ЛСВ) двух анализируемых слов не образуют строгих антонимических пар:

— 'не подходящий по своим физическим свойствам, качествам; ненадежный' (*Тогда театр, или сарай, где давались представления, оказался **неблагонадежным** со стороны постройки и был запечатан.* Бел. «Вчера и сегодня» В. А. Соллогуба. *Для большой рыбы оно [искусственное удилице] неудобно и неблагонадежно.* С. Акс. Зап. об уж. рыбы. *Русский битюг — тот везет, а здешние кони **неблагонадежные**.* Саян. Небо и земля);

— 'недостойный доверия в нравственном или политическом отношении' (*Мать говорила, что нянька у нас **неблагонадежна**.* С. Акс. Детск. годы Багр.-внука) [ССРЛЯ, т. 7, с. 702].

Семантическая асимметрия между значениями слов, различающихся отрицательной приставкой (подробнее о явлении негации см., например, [Червиньски, 2006]), симптоматична, поскольку свидетельствует о недостаточной проработанности системы значений этих языковых единиц в современной лексикографии и необходимости изучения примеров употребления соответствующих лексем в речевой практике.

Прилагательное *неблагонадежный* встречается в НКРЯ в 14 контекстах.

Из них 3 апеллируют к историческому фону, а именно описывают эпоху (например, советскую), когда плюрализм мнений в политике и общественной жизни не приветствовался и на этом фоне появлялись разные формы выражения несогласия, формировались находящиеся под запретом оппозиционные политические силы, имели место антиправительственные выступления

(в сущности же эти феномены составляют содержание политической жизни во все времена). В таких примерах реализуется значение (1) ‘политически опасный, способный к противостоянию официальной идеологии государства, предположительно оппозиционный правительству (доревол., советск.)’: *Но, учитывая мою «политическую неблагонадежность», меня обделили ленинской, повышенной, стипендией. Зато наш либеральный университетский ученый совет присудил мне специальную стипендию в 90 рублей. По тем временам — большие деньги, я «шиковал». — А на что тратил деньги **неблагонадежный** студент Рыжков?* (А. Басина. ‘Свободу Владимиру Рыжкову!’ // Труд-7, 2001.03.12); *Совсем как когда-то Тарас Шевченко, который 150 лет назад вступил в кирилло-мефодиевское братство, ратовавшее за объединение славянских культур. За это братство, между прочим, поэт и пострадал — был сослан в ссылку как **неблагонадежный*** (А. Бобрович, Т. Максимова. Санкт-Петербург. Тарас Шевченко ждал Путина и Кучму три года // Комсомольская правда, 2000.12.23); *неблагонадежный «Черный кот» — о песне как объекте цензуры в период тоталитарного режима (Михаил Танич: песня пишется лаконично, как телеграмма // Труд-7, 2000.11.02).*

Кроме того, характеристика *неблагонадежный* релевантна для современной внутрипартийной политической жизни, где имеют место конкурентная борьба за власть и понятие идеологической преданности центральному органу или руководству. Данный ЛСВ имеет большое сходство с предшествующим с той, однако, разницей, что на данный момент не является историзмом — (2) ‘политически опасный, способный составить оппозицию центральному партийному органу’: *Потанов продемонстрировал графики, которые свидетельствуют: начиная с 1996 года последовательно падал рейтинг Зюганова, вслед за ним — рейтинг*

партии <...> Те, кто сопротивляется (как случилось с самой Астраханкиной), получают угрозы: мол, «**неблагонадежный**» обком ждет проверка из ЦК <...> Все это проходит под разговоры о соблюдении партийной дисциплины (М. Виноградов. Астраханкина больше не подарит Зюганову полевых цветов // Известия, 2004.06.18);

Согласно способности прилагательного *благонадежный* положительно оценивать финансовую состоятельность человека слово *неблагонадежный* имеет значение (3) ‘неспособный выполнять финансовые обязательства, неплатежеспособный’: [В казино]: *Небритый здоровяк лет тридцати с трудом забирается на стул у рулетки и чуть не заваливается мне на плечо. — Представляешь, меня сначала пускать не хотели, — говорит он заплетающимся языком. — Говорят, **неблагонадежный**. А я только за машину из Ростова десять тысяч заплатил. Куда им еще благонадежнее-то...* (В. Демченко. Казино, работающие в единственной в России легальной игровой зоне «Азов-Сити», сказочно разбогатели // Комсомольская правда, 2012.06.28); *По данным Минфина, Чечня — самый **неблагонадежный** заемщик. Доля просроченных кредитов составляет 20% от суммы годовых расходов бюджета* (Е. Беляков. Как Минфин всех посчитал // Комсомольская правда, 2011.10.31).

Другие примеры словоупотреблений не имеют соответствий (с учетом ожидаемой антонимии между словами, различающимися приставкой *не*) со значениями слова *благонадежный*. Мы сформулировали дефиниции следующим образом:

(1) ‘нарушающий законы, склонный к совершению правонарушений’: *Голландские футбольные болельщики не самые спокойные ребята, и привозить в город еще и этот **неблагонадежный** контингент полицейские сочли безрассудной затеей* (Д. Беляева. Англия осталась без футбола // РБК Дейли,

2011.08.10); В законе ведь и так есть пункт о предупреждениях: если **неблагонадежный** организатор получит такое предупреждение, в следующий раз его заявка может быть отклонена сразу (Юрьев митинг // Труд-7, 2007.01.26); Хотя, как здесь поговаривают, милиция уже несколько недель отлавливала по всей республике бомжей и «всякий **неблагонадежный** элемент» (Г. Чародеев. ‘Недаром я — железный...’ // Труд-7, 2007.01.20); Это в советские времена, чтобы попасть на объект особой важности — космодром, нужно было только разрешения ждать несколько месяцев. А его могли и вовсе не дать, если вы — товарищ **неблагонадежный** (Р. Попов. В Москве теперь можно купить путевку на Байконур // Комсомольская правда, 2004.09.27); На этот раз его упекли пожизненно как социально опасного рецидивиста. Правда, демократичная юстиция туманного Альбиона определила изувера в тюрьму «открытого» типа, из тех, откуда осужденных отпускают на выходные домой за хорошее поведение. Во время такой побывки Хоар и «вложился» в лотерейный билетик, который принес ему 7 миллионов фунтов стерлингов (13 миллионов баксов) чистого дохода. Ирония судьбы в том, что теперь зек-миллионер рассматривается тюремными властями как... **неблагонадежный**. Ведь на воле его манят «бешеные деньги», с которыми в случае побега он легко укроется в любом уголке мира. Поэтому «нувориша» переводят в другую камеру на строгий режим (О. Шевцов. Насильник стал богачом в тюрьме // Комсомольская правда, 2004.08.12);

(2) ‘запрещенный, полученный незаконным путем’ — это значение реализуется, например, в статье, посвященной мерам пресечения нарушений авторского права в сети Интернет: Предполагается, что борьба с пиратством будет вестись повсеместно <...> (Провайдерам) будет разрешено просто удалять

«неблагонадежный» контент, сообщить куда следует о нарушителях и отключить их от Интернета (Т. Безрукова. Гаджеты с пиратскими фильмами и музыкой отнимут на таможне?! // Комсомольская правда, 2012.04.03);

(3) 'противоречащий традиции, подозрительный, сомнительный по критерию соответствия социально-традиционным нормам': *Наш Дед происходит из славянской мифологии, в то время как современный Санта-Клаус скорее является продуктом рекламных кампаний. Указывается на более дюжины отличий, по которым следует распознавать неблагонадежный символ. Все это нужно, как утверждают противники Санта-Клауса, чтобы дети в нашей стране окончательно не забыли, как выглядит настоящий Дед Мороз. Те, кому не дает покоя нашествие на нашу страну иностранных новогодних дедушек, уверены: попросите вашего ребенка нарисовать Деда Мороза, и он, скорее всего, нарисует вам Санта-Клауса* (И. Николаева. В России протестуют против Санта-Клауса // РБК Daily, 2010.12.24).

В публицистике отыскивались даже в некотором смысле эталонно неблагонадежные персоны, которых объединяет, пожалуй, то, что они вольнодумцы, — уже упомянутый выше Дельвиг (поскольку в основу сочетания *благонадежный Дельвиг* положен оксюморон по аналогии с *непьющий Вах*) и известный литературный персонаж — Мюнхгаузен: *Власти Костромы сделали своим героем Снегурочку — в туристических маршрутах регион представлен как родина внучки Деда Мороза <...> Недалеко от Костромы находятся родина царя Гороха — Гороховец и родина Ильи Муромца — Муром <...> Пожалуй, самый «неблагонадежный» сказочный герой достался Калининграду. Но здесь, в отличие от Владимирской области, без стеснения говорят, что Мюнхгаузен часто посещал Кенигсберг* (Л. Новиков, Владимир. Обалденная история // Известия, 2006.03.16).

Итак, контекстный анализ слова *неблагонадежный* на фоне осмысления словоупотреблений прилагательного *благонадежный* позволяет заключить, что применительно к новому, постсоветскому, времени, идеологическая составляющая соответствующих понятий отошла на второй план, точнее, утратила свою «единственность», сохранившись в двух сферах — военной и партийной. Ее место заняли другие составляющие понятия: аксиологическая (преданность интересам руководства предприятия — измена), этическая (нравственность — безнравственность), финансово-экономическая (состоятельность / стабильность — несостоятельность / нестабильность), правовая (склонность к нарушению закона; незаконность), социальная (подозрение в отклонении от традиций). Обратим внимание, что слово *неблагонадежный* из рассматриваемой пары антонимов про-являет бóльшую активность в правовой сфере.

3.4.3. ТРАНСФОРМАЦИИ КОННОТАТИВНОГО ШЛЕЙФА СЛОВ

НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ И НЕБЛАГОНАДЕЖНЫЙ

В высказываниях о советском периоде слово *неблагонадежный* сопровождается одобрительными коннотациями, так как *неблагонадежность* представлена свидетельством честности и чести в отстаивании своего независимого мнения, геройством.

Экспликацию противоположной неодобрительной коннотации у позитивно-оценочного, казалось бы, прилагательного *благонадежный* провести труднее, но она, безусловно, есть. На нее явственно указывает, например, контекстное окружение этой лексемы в следующем фрагменте художественного текста: *Ему-то нужно было как раз такое место, накрепко устроиться, где он у немцев будет на виду, перед глазами постоянно мельтешить как исполнительный, благонадежный, верноподданный, довольный всем, подобострастно-жадный до новых благ або-*

риген (С. Самсонов. Одиннадцать, 2010). Презрительный оттенок, наметившийся в словах *исполнительный, благонадежный, верноподданный, довольный всем*, крепнет и в завершении фразы недвусмысленно оформляется посредством выразительного эпитета *подобострастно-жадный*, который уже не оставляет сомнений в негативной подоплеке предшествующих атрибутивов. Ср. также выдержку из научной статьи, которая приводится здесь только в качестве образца словоупотребления анализируемого слова: *Под формулой «новый» человек всегда имелся в виду «нужный» — т. е. благонадежный, заслуживающий доверия правящей власти и соответствующий ее представлениям о нормах поведения и образе жизни. Это и огорчало когда-то Дмитрия Ивановича Менделеева...* [Полищук, 2014, с. 67]. Поскольку качества «нового человека» (в том числе благонадежность), как указывает автор, *огорчают кого-то*, значит, эти качества негативно оцениваются говорящим. Точно так же Н. Н. Гагарина в литературоведческой публикации, посвященной творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, заключает: *Сатирик опосредованно реализует в тексте свое отрицательное отношение к либеральствующей пустопорожней «воблушке» и заявляет о существовании тех самых «неблагонадежных компаний», чьими силами воблушки будут уничтожены в будущем. А пока таких воблушек пожирают еще более «благонадежные»* [Гагарина, 2008, с. 23]. Ясно, что М. Е. Салтыков-Щедрин (ему приписывается цитата: «Благонадежность — это клеймо, для приобретения которого необходимо сделать какую-нибудь пакость») опирается на тезис «благонадежный — отрицательная характеристика» как на презумпцию (то есть не доказывает этот тезис, а берет его за основу как само собою разумеющееся, отталкивается от него, создает непривлекательный образ «благонадежной воблушки-либерала», заявляет о своей вере в победу «неблагонадежных»). Между тем современ-

менные значения слова *благонадежный* — ‘нравственный’, ‘финансово состоятельный’ и др. — неодобрительной компоненты значения не имеют. Нивелирование политической компоненты имело следствием актуализацию ядерных сем у слова *благонадежный* — ‘потенциально неизменный’, то есть смещение акцента на сему ‘надежный’. К тому же элемент «благо» во внутренней форме слова сегодня, когда советские идеологемы преданы забвению, располагает носителя языка к актуализации позитивных смыслов, утверждая языковой факт, еще недавно имевший негативные коннотации неодобрения, в новом, «деполитизированном» толковании.

4

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ
В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ**

(М. А. Еремина)

4.1. ПЕРЕДОВОЙ ТРУЖЕНИК VS. АСОЦИАЛЬНЫЙ ТУНЕЯДЕЦ

М. А. Еремина

Независимо от того, нацелена трудовая деятельность на коллективный или индивидуальный результат, она является частью социализации любого члена общества. Человек, который с увлечением погружен в дело или, наоборот, уклоняется от работы, подвергается оценке через призму социальных норм, ценностей и стереотипов. В области трудовой этики наиболее значимые для общественного сознания социальные смыслы маркируются посредством лексических единиц семантического поля «Отношение человека к труду», реализующего идеи лени / праздности и трудолюбия.

Социально-этические аспекты характеристики тунеядцев и тружеников представлены на разных уровнях семантики поля. Во-первых, на уровне денотативной семантики они закрепляются в идеограммах, отражающих ситуации взаимодействия людей: 'приохотить к делу, работе, научить', 'передовой работник', 'тот, который опережает других в работе', 'тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе', 'уклоняться от работы' (глагол *уклоняться* содержит в своем значении нормативную сему 'перестать придерживаться чего-л., отклониться, отойти от чего-л. правильного') и др. Во-вторых, способом выражения общественного мнения в отношении лентяев и тружеников служит лексическая кон-

нотация единиц поля [Еремина, 2003, 79]. В-третьих, различные образы социума, репрезентирующие социокультурные представления, установки и стереотипы, хранятся во внутренней форме лексем и фразеологических выражений.

Именно уровень мотивационной семантики указанного поля выделен нами в качестве объекта рассмотрения. Цель исследования — систематизация номинативных фактов с семантикой лени и трудолюбия, внутренняя форма которых отсылает к различным социальным феноменам: социальным группам, отношениям между индивидами, нормам, ценностям, стереотипам. Образы социума, положенные в основание оценочных характеристик по отношению к труду, обнаруживают наивно-языковые представления носителей общественного сознания о норме трудовых взаимоотношений.

Полную картину номинаций по данному признаку можно увидеть при включении в языковой материал, помимо фактов литературного языка, еще и большого пласта диалектной лексики. Это обусловило обращение при сборе лексико-фразеологического материала к словарям как современного русского языка, так и русских народных говоров, а также к лексической картотеке топонимической экспедиции Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Выявленные в результате мотивационного анализа признаки, связывающие социальную лексику и лексику, характеризующую формы проявления лени и трудолюбия, мы представим в виде двух наборов семантико-мотивационных моделей, соотносящихся с субполями «Отрицательное отношение человека к труду» и «Положительное отношение человека к труду».

4.1.1. СУБПОЛЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ТРУДУ»

В развитии семантики безделья значительную роль играет ксеномотивационная модель, которая реализуется путем перено-

са негативных черт с обобщенного образа другого этноса на образ лентяя. Так, в результате семантической деривации лексемы *кацáн* ‘переселенец из средней части России в южные области’ появилась номинация со значением ‘о бродяге-бездельнике’ (арх.) [СРНГ, т. 13, с. 140]. Значимым фактором в данном случае оказалась отрицательная оценка оторванности от места проживания. Распространенная на территории Русского Севера лексема *лопáрь* ‘лентяй, бездельник’ [СРНГ, т. 17, с. 131] соотносится с наименованиями северных народностей, ср. *лопарь* ‘ненец’ [СРНГ, т. 17, с. 131], *лопарí* ‘старое название саами’ [СРНГ, т. 17, с. 116] (из шв. *lappar* ‘саамы’ от фин. *Lappi* ‘Лапландия’ [Ожегов, с. 332; АОС, т. 9, с. 116]). Не исключено, что поводом для уличения в склонности к безделью послужили исконные занятия народов Севера — оленеводство, охотничий промысел, собирательство, воспринятые сознанием крестьянина-земледельца как недостаточно тяжелая и поэтому «ненастоящая» деятельность. Модель ‘представитель чужого этноса’ → ‘лентяй’ поддерживает также лексема *макшáн* ‘нерасторопный, ленивый человек’ (олон.) [СРНГ, т. 17, с. 316]. М. Фасмер фиксирует эту лексему со значением ‘неповоротливый человек, ленивая кляча’ и производит ее от *мóкша*, названия части мордовского народа [Фасмер, т. 2, с. 640].

Стереотипное представление об образе жизни привилегированных в дореволюционной России слоев привело к появлению целого ряда вторичных номинаций с исследуемой семантикой, ср.: *бáр* ‘барин, лентяй’ [КСГРС], *барíна* ‘избалованная, любящая безделье, в достатке живущая женщина’ [Там же], *как барúн* ‘бездельник, барин’ [Там же], *бáрынок* ‘лентяй, бездельник’ [Там же], *баровáть* ‘бездельничать’ [СГРС, т. 1, с. 66], *бáрничать* ‘бездельничать, отдыхать’ [СРГСУ, т. 1, с. 16], *бáрыньку игрáть* ‘ничего не делать, барствовать’ [СРНГ, т. 24, с. 93], *дворяниться*

‘строить из себя дворянина, барствовать, бездельничать’ (петерб., тул.) [СРНГ, т. 7, с. 302], *пáниться* ‘жить ничего не делая, не работая’ (смол.) [СРНГ, т. 25, с. 195]. В языковом портрете представителя привилегированного класса основными его штрихами являются довольство жизнью, избалованность, отсутствие забот и чувство собственного превосходства. Как можно заметить, образ не ограничивается социальным статусом и затрагивает определенные стороны личности. Это явилось основанием для закрепления в языке выражения *барственная лень* как обозначения особого типа безделья и праздности.

Похожую модель представляет семантический перенос *дама* ‘городская женщина’ [АОС, т. 10, с. 259] → *дáма* ‘о девушке, женщине, которая уклоняется от труда’ [Там же]. Очевидно, что городская жизнь, далекая от крестьянских забот, представлялась традиционному сознанию лишенной настоящего труда.

Возможность вести праздный образ жизни человек получает не только в силу своего социального статуса, но также в ситуации чрезмерного внимания и заботы окружающих, ср. номинации, образованные от глаголов со значением ‘баловать, нежить, лелеять’: *баловно́й* ‘ленивый’ (*И баловной парень был, лежит весь день на кровати*) [СРГК, т. 1, с. 36]; *полелюй* ‘лентяй’ [КСГРС], *полелюйничать* ‘бездельничать’ [КСГРС]; *бажáнный, бажéнный* ‘праздный, не занятый никаким делом’ (яросл.) [СРНГ, т. 2, с. 45] (< *бажить* ‘ласкать, лелеять’, *бажать* ‘усиленно просить, ублажать’ (нижегор., смол., тамб., арх., олон. и др.) [СРНГ, т. 2, с. 44]); *дрóчиться* ‘сибаритничать’ [Даль, т. 1, с. 495], *трóчиться* ‘бездельничать’ [КСГРС] (ср. *дрóчить кого* ‘нежить и тешить, ласкать, баловать, любя выкармливать’ [Даль, т. 1, с. 495]); *изнабазу́литься* ‘избаловаться, стать капризным, облениться’ [СРГСУ, т. 1, с. 201] (ср. *базу́лить* ‘баловать, извадить, давать потачку’, *базу́литься* ‘тешиться, забавляться, дав себе волю’ [Даль, т. 1, с. 38]).

Быть лентяем — в глазах членов социума значит проявлять несговорчивость, неуступчивость, то есть нарушать в самом общем смысле нормы социального взаимодействия. Эту оценку реализуют единицы, чья внутренняя форма отражает демонстративно асоциальную направленность поступков лентяя: *опрóтивень* ‘упрямый ленивец’ [СРГК, т. 4, с. 225], *настырный* ‘ленивый’ (кубан.) [СРНГ, т. 20, с. 203] (ср. *настырный* ‘дерзкий, наглый, бесстыжий’ (тул., кур., орл.), *настырничать* ‘бесстыдничать, нахальничать’ [Даль, т. 2, с. 492]).

В некоторых случаях асоциальность лентяя делает его в глазах окружающих чужим, диким, непонятым, ср. *очужáться* ‘уклоняться от работы, отлынивать’ [КСГРС], *подичáть* ‘подурчиться, побездельничать’ (сев.-двин.) [СРНГ, т. 28, с. 25], *стра́нить* ‘шляться, шататься праздно, не делать, не работать, бродить по сторонам, зевать’ (вят.) [Даль, т. 4, с. 335], *исстра́ниться* ‘стать очень неряшливым и ленивым’ (вят.) [СРНГ, т. 12, с. 252] (ср. *странь* ‘чужой, странный человек; чудака, нелюдим; шатун, негодяй; дикой, малоумный’ (перм., вят., арх.) [Даль, т. 4, с. 355]).

В ситуации, когда общество готово привлечь лентяя к коллективной деятельности, он стремится избежать участия путем обмана и плутовства. Об этом аспекте взаимоотношений лентяя и социума свидетельствует блок номинаций, который связан словопроизводственными отношениями с единицами, объединенными мотивом обмана: *непра́вдошнй* ‘поступающий несправедливо, отлынивающий от работы’ (яросл.) [СРНГ, т. 21, с. 124], *плутяжной* ‘склонный к лени, праздности’ [КДЭИС], *примулында* ‘человек, который ленится, уклоняется от работы, хитрит’ (забайк.) [СРНГ, т. 31, с. 301], *примулындывать* ‘прикидываться, хитрить, отлынивать от работы’ (вят., сиб.) [СРНГ, т. 31, с. 301] ← *мулындать* ‘обманывать, запутать кого-либо’ [Даль, т. 2, с. 358], *мыта́рить* ‘бездельничать’ (яросл.) [СРНГ,

т. 19, с. 64] ← *мытáрить* ‘плутовать, обманывать’ [СРНГ, т. 19, с. 64] (ср. *мытáрь* ‘о плутоватом, пронырливом, лживом человеке’ [Там же]), *мухлítь* ‘делать что-либо небрежно, как попало’ (твер.) [СРНГ, т. 19, с. 37] ← *мухлítь* ‘хитрить, лукавить’ (твер.) [СРНГ, т. 19, с. 37], *прошалбёрничать* ‘прослоняться, пробездельничать’ (урал.) [СРНГ, т. 33, с. 45], *шалбёр*, *шалбёрник* ‘праздношатающийся’ [Даль, т. 4, с. 237] (ср. блр. *шалбер* ‘мошенник, обманщик’, которое является заимствованием польского *szalbierz* ‘мошенник, обманщик’ [Фасмер, т. 4, с. 397]), *алыр*, *алырь*, *алыра*, *алыря* ‘фокусник, обманщик, плут, мошенник, бездельник, перекупщик’ (орл., костром., волог., пск., твер., сарат., влад., костром.) [СРНГ, т. 1, с. 243], *алырить* ‘бездельничать, лениться’ (вят., нижегор., уфим., симб., перм. и др.) [СРНГ, т. 1, с. 243], *алырничать* ‘бездельничать, лениться’ [СРНГСУ, т. 1, с. 9] в силу происхождения из тат. *alыр* ‘разбойничий’ [Фасмер, т. 1, с. 23]). К идее обмана, плутовства, а затем к значению ‘ленивый человек’ приводит семантическое развитие в рамках этимолого-словообразовательного гнезда праславянского корня **var-*, ср. семантическую реконструкцию Н. В. Галиновой: ‘вертеть’ → ‘делать беспорядочные движения’ → ‘быть проворным’ → ‘умелый, смекалистый’ → ‘плут, обманщик’ [Галинова, 2000] и далее → ‘ленивый человек, бездельник’: *варлыга* ‘ленивый человек, лентяй, лентяйка’ (вят., твер., барнаул.) [СРНГ, т. 4, с. 55], *вор* ‘плут, обманщик, бездельник’ (арх., калуж.) [СРНГ, т. 5, с. 97].

Установка на то, что характер, поведение, образ жизни лентя не приемлемы с точки зрения норм социальной жизни, отчетливо проявляется в номинациях, построенных на базе семантики отверженности: *ганява* ‘шатающийся без дела человек (обычно о женщине)’ (нижегор.) [СРНГ, т. 6, с. 137], *клятина* ‘подлец, негодяй, лентяйка’ (свердл.) [СРНГ, т. 13, с. 336], *клять* ‘о ленивом человеке’ (перм., свердл.) [СРНГ, т. 13, с. 336], *отишэльник* ‘чело-

век, отлынивающий от работы' (*Што ты его просишь, отшельника таково*) [КСГРС].

В целом социальная семантика в образной номинации человека, не желающего трудиться, формируется двумя основными способами. Во-первых, посредством фундаментальной культурной оппозиции «свой — чужой», которая определяет лентяя как чужого в разных отношениях. Во-вторых, при концептуализации идеи лени / праздности в диалекте задействуются частные социальные нормы, содержание которых предписывает осуждение незанятости земледельческим трудом, неприкрепленности к месту проживания, мягкого воспитания, неумения ладить с людьми, а также притворства, обмана и плутовства.

4.1.2. Субполе «Положительное отношение человека к труду»

Социальная тема в мотивационной семантике единиц поля «Положительное отношение к труду» развивается в следующих направлениях.

Совместная работа, целью которой была помощь одному из членов общины, являлась социальной нормой в русской деревне, о чем свидетельствует существование идеограмм 'участники коллективной помощи' (*помочане*), 'коллективная помощь при жатве' (*отжинка, пожатуха*), 'коллективная помощь при молотье' (*молотяги, отмолот*) и др. [ЭИС, с. 245]. Ситуация, когда при выполнении общей работы между участниками устанавливалось эффективное и бесконфликтное взаимодействие, безусловно, оценивалась положительно, ср. *верёвочка* 'о дружной, хорошо удающейся работе' (*Раньше-то, как по верёвочке, работа шла, не было спору, ничего, дружно было*) [СРГК, т. 1, с. 173]. Именно в этом нормативно-ценностном контексте появились номинации, отмечающие такие качества хорошего работника, как дружелюбие, умение договариваться, безотказность, готовность прийти

на помощь, ср.: *друзьяка* ‘усердный в работе, трудолюбивый человек’ (курск., южн., калуж.) [СРНГ, т. 8, с. 220], *ладовитый* ‘хозяйственный, деятельный’ [СРГК, т. 3, с. 90] (ср. *ладовитый* ‘такой, который живет с другими дружно, в согласии’ [Там же]), *безответник* ‘трудолюбивый, скромный, послушный человек’ (калуж.) [СРНГ, т. 2, с. 196], *как топор за поясом* ‘тот, кто постоянно помогает, всегда вместе на работе’ (*У него мальчонка, как топор за поясом, всегда помогает*) [НОС, т. 11, с. 49].

Думается, что от подобных — «коллективистских» — установок отталкивается и сниженная, с оттенком иронии, оценка, заключенная в номинации *кикимора* ‘о тихом, скромном, трудолюбивом человеке’ (волог.) [СРНГ, т. 13, с. 204]. Она появляется на основе мифологического представления о кикиморе, домашнем злом духе, образ которого мотивирует обозначение нелюдиного человека, домоседа, ср. *кикимора* ‘о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим’ (вят.) [СРНГ, т. 13, с. 204]. Экспрессию создает столкновение социальной нормы общительности и трудовой нормы увлеченности делом.

При другом подходе коллективный труд видится как арена для соперничества между работниками. В этом случае на первый план выходят такие деловые качества, как инициативность, нацеленность на успех, желание превосходить остальных, ср.: *передовой* ‘наиболее инициативный, успешный в работе, превосходящий других’ [СРГК, т. 1, с. 441], *передовица* ‘та, которая опережает других в работе’ (*Мама была очень труженица, передовица*) [Там же], *передовка*, *передовийка*, *передовуха*, *передовицица* ‘работница, достигшая наибольших успехов в труде, ударница’ (*Хорошая работница, старается, ее называют передовийкой*) (моск.) [СРНГ, т. 26, с. 89], *выдвижо́нец* ‘передовой работник’ [АОС, т. 6—7, с. 180].

«Натуральный ряд чисел лежит в основе шкалы приоритетов, объединяющей материальные и духовные блага, социальный престиж и другие ценности» [Арутюнова, 1998, с. 65]. Именно по такого рода шкале оценивается человек в номинациях *первушной* ‘самый усердный в работе’ [СРГСУ, т. 3, с. 126], *впервых* ‘лучше других, опережая других в каком-нибудь деле’ (*Я работала всегда впервых, а не впоследствии*) [АОС, т. 5, с. 140]. Признак ‘первый, находящийся впереди’ входит в оппозицию «первый — последний», которая реализуется с учетом идеограммы ‘приехавший последним’, выражаемой лексемой *килун* (*А хто задний, тот все говорят: «О, этот килун!»*) [ЭИС, с. 174].

Связь высокого социального статуса и деловой активности отражена в метафорической номинации *воевода* ‘бойкий, проворный в работе человек’ (смол.) [СРНГ, т. 4, с. 354] (ср. *воевода* ‘в свадебных обрядах — самое почетное лицо из свиты жениха’ [Там же]).

Внутренняя форма фразеологизма *биться как печенег* (*обзель*) ‘трудиться без устали, беспрестанно’ [СРДГ, т. 3, с. 11], который содержит наименование устраивавших набеги на русские города тюркских племен, отсылает к мусульманской традиции совершения молитвы. Выбор образа религиозного ритуала для номинации усердного труда, на наш взгляд, мотивирован экспрессивно-образной актуализацией признака «повторять действие множество раз». Вместе с тем свою роль в появлении номинации сыграл мотив чуждости, характеризующий слишком усердного работника, который настолько поглощен делом, что выпадает из социальной жизни, ср. также *дикий* ‘работящий, проворный, расторопный’ (новг.) [СРНГ, т. 8, с. 56].

Таким образом, как показывает мотивационный анализ единиц поля «Положительное отношение к труду», социальная норма одобряет стремление к трудовым достижениям в рамках

гласного или негласного соревнования между работниками, но не приемлет чрезмерные трудовые усилия, обособляющие работающего человека от других членов общества.

В качестве вывода отметим, что описанная выше семантико-мотивационная модель «социум — отношение к труду» имеет бóльшую значимость для реализации идеи лени, что подразумевает количественную представленность и разнообразие мотивации. Существует и качественное различие в концептуализации лени и трудолюбия с помощью образов социума. Оно заключается в том, что характеристика лентяя в социальном аспекте преимущественно связана с ситуациями социального взаимодействия: «лентяй — тот, кого балуют / кто обманывает / кого изгоняют»; а типичная оценка трудолюбивого человека основывается в большей мере на статусе среди других работников: «труженик — тот, кто первый / находится впереди / имеет высокий статус / обособлен от других».

4.2. СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КОМПЕТЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА: *СПЕЦИАЛИСТ, ЭКСПЕРТ, ЗНАТОК, ПРОФЕССИОНАЛ*

М. А. Еремина

Владение знаниями и умениями в какой-либо области деятельности характеризует не только личностный потенциал индивида, но и социальную категорию компетентных людей. Значимость статуса знающего и умелого человека подтверждается существованием синонимического множества, объединяющего слова *специалист, эксперт, знаток, профессионал*². В основе данных наименований лежит культурно-обусловленное представление о социальной роли компетентного человека, то есть образце поведения, который общество признает целесообразным для обладателя данного статуса. Лингвистическим маркером такого представления является употребление синонимов в сочетании с союзным словом *как* и предлогом *в качестве*, ср.: *А я как **специалист** рассматриваю его по-другому; Для проведения этого благочестивого мероприятия в качестве **эксперта** была привлечена Василиса, в качестве крёстной — Тома; «Я сразу понял, что мы как **профессионалы** говорим на одном языке», — отметил старший директор по развитию*

2 В современном русском языке имеются другие слова со значением ‘человек, сведущий в какой-либо области’: *дока, профи*, но их употребление ограничено рамками разговорной речи.

производства компании Pfizer в России Леон Коган; Наряду с этой почтенной деятельностью Михайлов сумел составить себе кружок почитателей, в качестве знатока св. писания [НКРЯ].

4.2.1. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВ

СПЕЦИАЛИСТ, ЭКСПЕРТ, ЗНАТОК, ПРОФЕССИОНАЛ

Анализ семантических сходств и различий вышеуказанных синонимов, позволяет увидеть спектр деятельностных и поведенческих особенностей, присущих категории людей с высоким уровнем компетентности в чем-либо.

(1) ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Деятельность эксперта всегда имеет отношение к институциональным (официально регламентированным) сферам, ср. типовую сочетаемость лексемы *эксперт*: *финансовый, военный, судебный, дипломатический, пенсионный* и т. д.

Область компетенции специалиста также имеет официальный характер. Однако, если для эксперта достаточно отвлеченного обозначения области компетентности, то в случае со специалистом обычно следует уточнение, в каких именно вопросах он разбирается, ср.: *Их действий принято опасаться; защита компьютеров и компьютерных сетей от их разрушительных действий стоит немалых средств и является предметом постоянной заботы многочисленных специалистов по защите информации; На самом деле специалисты по избирательным кампаниям знают, что на одних «технологиях» можно «накрутить» максимум 15 процентов голосов (обычно — не более 10 процентов); всё, что свыше, кандидат должен взять сам — однако это страшная «государственная тайна»; Как теперь будут называть специалистов по раскрытию преступлений в налоговой сфере, никто не знает [НКРЯ].*

Лексема *профессионал* избирательно входит в атрибутивные сочетания, указывающие на отношение к институциональным сферам, ср. допустимое *военный профессионал* и некорректное **судебный / финансовый / пенсионный профессионал*. Употребление данной лексемы чаще всего манифестирует конкретное занятие, дело, в котором человек проявляет свои знания, умения, навыки, ср. устойчивое выражение *профессионал своего дела*.

Для референтов лексемы *знаток* принципиальна предметная разнородность их познаний: можно быть *знатоком жизни, цен, живописи, музыки, вина, буддизма, землероек, розыскного дела, галантного обращения* и т. д.

(2) ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность эксперта представляется преимущественно служебной, вспомогательной, инструментальной: его, как правило, привлекают для решения какой-либо задачи, ср.: *Воплощать все эти замыслы в конкретику, как заявил вчера на совещании с членами правительства Владимир Путин, нужно начинать немедленно, **эксперты** должны приступить к работе уже на этой неделе; Если вы хотите изучить наш судебный опыт и тот путь, который мы прошли, чтобы добиться реальной независимости судов как на федеральном, так и на региональном уровнях, мы пришлём **экспертов-правоведов**; Зато чиновник привлекает советников и **экспертов**, имеет доступ к особому источнику знаний: так называемой «служебной информации» [НКРЯ]. Ограничение роли эксперта функцией источника информации лингвистически репрезентируется употреблением вводных конструкций с соответствующим значением: *По оценкам **экспертов** Министерства обороны, уровень защиты устройства соответствует требованиям к хранению совершенно секретной информации; Сегодня, по мнению **экспертов**, этот потенциал, накопленный предыдущими поколениями, практически иссяк; Кроме того,**

по свидетельству экспертов, даже те, кто всё-таки возвращается после учёбы, всё равно надолго не задерживаются; При этом, как говорят эксперты «ВТБ24», укрепление национальной валюты вызывает краткосрочные всплески активности по продаже валюты [НКРЯ].

Задача специалиста в отличие от эксперта не сводится к высказыванию специального мнения, он может принимать непосредственное участие в работе над чем-либо, ср.: *Наши специалисты постоянно работают над её совершенствованием [НКРЯ].*

Специалиста, профессионала и, реже, эксперта объединяет профессиональный характер деятельности, ср.: *Охотой должны заниматься только профессионалы, то есть охотники-промысловики, охотоведы (с научной целью); Кроме того, эксперту-психологу необходимо обработать полученные данные и сформулировать выводы, что также требует значительного времени; Низкая стоимость разработок, возможность создания силами одной небольшой лаборатории с двумя-тремя высококвалифицированными специалистами-биотехнологами [НКРЯ].* Специалист и профессионал владеют широким кругом знаний, умений и навыков, что предопределяет способность соответствующих лексем развивать значение 'мастер в каком-либо деле'.

В отношении специалиста актуально представление о полученном им профессиональном образовании, ср.: *С призывом в армию связано сегодня много проблем, и нам надо перестроить работу военных кафедр таким образом, чтобы готовить для армии нужных ей специалистов (НКРЯ); Тогда Минобразования РФ по ходатайству ассоциации Сибирское соглашение и администрации Красноярского края приняло решение о подготовке специалистов для этой отрасли на базе университета [НКРЯ].* Подобные контексты со словом профессионал единичны, что, видимо, объясняется распространенным мнением о том, что про-

фессионализм приходит не с дипломом об образовании, а в результате опыта и самосовершенствования.

Для знатока связь с профессией не имеет существенного значения.

(3) ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ОФИЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

По данному признаку выделяются два типа экспертов. Первый из них входит в штат той или иной организации, ср.: *По оценкам экспертов Министерства обороны, уровень защиты устройства соответствует требованиям к хранению совершенно секретной информации* [НКРЯ]. Эксперт второго типа имеет автономный статус, ср. типовую сочетаемость с прилагательным *независимый*.

Специалист сближается с экспертом в привязке к учреждению, ср.: *В разработке этого документа активное участие принимали и специалисты компании «Ингосстрах»; Специалисты ВНИИ МВД РФ сделали прогноз. Старая каста воров в законе не сможет противостоять новому поколению, располагающему огромными средствами и коррумпированными связями; Вслед за ним аналогичные предложения подготовили (в рамках намечающейся налоговой реформы) специалисты Минфина и Минэкономразвития* [НКРЯ]. Независимый статус также возможен для специалиста, но менее типичен, чем для эксперта.

Стоит отметить, что, будучи вписанными в иерархические отношения внутри организации, как специалист, так и эксперт часто занимают в ней высокое положение, ср. устойчивую сочетаемость лексем с прилагательными *главный, ведущий*.

Знатока и профессионала объединяет необязательность принадлежности к официальной структуре.

(4) ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ

Свои суждения эксперт выражает в виде мнения, оценки, версии, свидетельства или заключения. Все эти формы высказы-

вания имеют официальный характер и являются частью институциональной роли.

Сведения, предоставляемые специалистом, часто имеют вид советов и рекомендаций, ср.: *По совету **специалистов**, стены дома одели в светлый натуральный камень, сделали пристройку — бассейн; Интересна «Консультация врачей»: в онлайн-режиме можно получить совет **специалиста**; Следует прислушаться и к рекомендациям **специалистов** о количестве рыбы для того или иного размера водоёма [НКРЯ].*

Знаток обычно делится знаниями в виде неформального устного сообщения, ср.: ***Знатки** рассказывали, что в истоке Ангары есть большая скала, выдающаяся над водою; Прекрасный **знаток** старины, он рассказывал все, что знал, и все, что мог; если он о чем-то умалчивал (а были вещи, о которых он сказал мне, только когда я приехал на Колгуев в третий раз), значит, на то были важные причины; Один из компании, выставляя себя большим **знатоком** театра, принялся рассказывать публике, что он прочел всего Ибсена и только «Пер Гюнта» не прочел, так как он только что закончен писателем [НКРЯ].*

Отсутствие контекстов с указанием на форму речевого проявления компетентности профессионала свидетельствует о том, что его социальная задача принципиально шире, чем трансляция специальных знаний.

(5) Ситуация идентификации

За каждой исследуемой лексемой стоит представление об эталоне, определяющем принадлежность человека к разряду компетентных людей, ср. типовую сочетаемость синонимов с прилагательными *настоящий, истинный, полноценный*. Для всех синонимов весьма частотна ситуация самоидентификации, языковым средством которой является употребление лексем в функции положительного или отрицательного предиката, ср.:

«Я хорошо готовлю лягушачьи лапки, но в биржевых делах я не специалист», — признавался кулинар; — Старик, я профессионал, вы понимаете? Я не хвастаюсь, просто у меня такой разряд; Могу высказать только свое личное мнение, если Вам интересно, я не эксперт; Я не знаток отношений полов, но предполагаю, что за нашей вероятной близостью может последовать самая пестрая гамма чувств — разочарование, возмущение, неловкость, даже злость [НКРЯ].

Своеобразие идентификации профессионала состоит в том, что, с одной стороны, она не представляет собой трудности, ср.: Балабан был крутой **профессионал**, это сразу становилось ясно; Но работал явно **профессионал**: как ни старалась полиция, за восемь месяцев внимательного наблюдения ей так и не удалось загнать в угол дьявольски осторожного злоумышленника; Расположились они тоже не случайным образом, а это значит, что они явно **профессионалы**, по крайней мере — один из них; с другой стороны, предполагает некоторые условия, ср.: Если зашкалила за 30 тыс. — вы **профессионал**. И экономить на опциях не стоит; А Г. С. Лебедев — замечательный питерский археолог, ныне покойный, — говорил, что в его профессии это необходимо: если ты не умеешь этого делать — ты **не профессионал**; — В нашем деле, Таня, **профессионал тот**, кто берёт на себя ответственность, выбирает из имеющихся возможностей наиболее приемлемую, иногда это выбор жизни или смерти [НКРЯ].

Чтобы считаться знатоком, человеку иногда достаточно иметь интенцию представить себя таковым, ср. устойчивые выражения с видом знатока, строить из себя знатока, показать себя знатоком, выдавать себя за знатока, выставять себя знатоком, слыть за знатока, казаться знатоком. Желание увидеть в человеке знатока может исходить и от окружающих, ср.: Здесь,

в нашей деревне, такой коньяк оценить некому. Я в вас подозреваю знатока. — Помилуйте, какой же я знаток? [НКРЯ].

(6) АКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Все синонимы ряда положительно оцениваются по параметру социального признания, ср. сочетаемость со словами *известный, авторитетный, признанный*.

Понятия «специалист», «профессионал», «знаток» соотносятся с оценочными шкалами степени проявления признака и социального признания, ср. лексическую сочетаемость с положительно оценочными прилагательными: *хороший, отличный, лучший, большой, блестящий, замечательный, великий, выдающийся, прекрасный, потрясающий, величайший, непревзойденный*.

Что касается негативной оценки, то она является вполне допустимой характеристикой для знатока и, реже, специалиста, ср.: *К сожалению, Иванов, считавшийся отличным артиллерийским генералом, был плохим знатоком этого дела, совершенно не понимающим значения современного артиллерийского огня; Насколько американцы плохие знатоки живописи, показывает следующий курьезный факт; Я был всегда плохим знатоком парусной техники как по бегучему, так и по стоячему такелажу, но зрелище развернутых парусов над закинутым, если смотреть вверх, лицом — таково, что видеть их, двигаясь с ними, — одно из бескорыстнейших удовольствий, не требующих специального знания; Может быть, он и знаток в полотенцах, коньках и древних пряниках, но очень плохой специалист в действительной московской старине* [НКРЯ]. В отношении профессионала и специалиста негативная оценка часто появляется в контексте предполагаемого, а не реального положения дел, ср.: *Знаю, вы скажете, что я плохой профессионал; — Не надо придуриваться, а то я буду думать, что вы плохой профессионал, — раздраженно проскрипел Серпинский; То врачи ей казались плохими специ-*

алистами, то неправильные ей назначают анализы и питание [НКРЯ].

Лексема *эксперт* имеет ограничение на сочетаемость как с положительными (в случае их экспрессивности), так и с отрицательными оценочными обозначениями, ср. **прекрасный / потрясающий / величайший / плохой эксперт*. В целом качественная характеристика эксперта довольно бедна, а оценочная составляющая образа имеет нейтральный характер.

Специалиста и эксперта объединяет квалификация по географическому признаку (*американский, европейский, западный, китайский* и т. д.) или признаку принадлежности к родной стране (*отечественный, иностранный, зарубежный*). Для профессионала и знатока подобная типология возможна, но менее актуальна.

Стоит отметить частотность отдельных признаков профессионала и специалиста. Первый во множестве случаев представляется *опытным (матерым)*, а второй — *узким*, что свидетельствует о существовании данных черт как эталонных.

(7) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ

При употреблении синонимов *эксперт, специалист, профессионал* актуализируется противопоставление между представителями рассматриваемой категории и людьми, не обладающими достаточной компетентностью в какой-либо области, ср.: *То, что можно простить дебютанту, непростительно для профессионала; Правда, он не имел практического опыта проведения взрывных работ, но, как истинный профессионал, там, где жалкие любители ограничивают своё воображение масштабами нескольких граммов вещества, мыслит килограммами; «Информация, которая сейчас предоставляется СМИ, предназначена для специалистов, обычные граждане не могут в ней разобраться», — говорит глава НАПФ [НКРЯ].*

Институциональный характер роли эксперта приводит к повышению ответственности за сообщаемую им информацию, ср.: *Из этого следует, что эксперты отвечают головой, а следователи сами проводят экспертизу и ни за что не отвечают, да и к мнению ведущих экспертов не прислушиваются; За свои выводы эксперты, можно сказать, отвечают головой — за заведомо ложное заключение можно попасть за решётку на срок до пяти лет* [НКРЯ].

Далее, если эксперт представляет интеллектуальный труд чаще всего в виде конечных выводов, то знаток демонстрирует мыслительную деятельность в процессе погружения в решение какой-либо проблемы, ср.: *Конечно, как только пошли разговоры об этой проблеме, тут же появились знатоки, её решающие; Кто открыто обсуждал шансы фаворитов, другие прислушивались, что-то шептали про себя, прикидывали; я решительно выбрал «Голубую стрелу», — это вызвало немедленное размышление знатоков; Как это ты приводил? — «То, что с трудом великим измыслили знатоки, раскрывается другими, ещё большими знатоками, как призрачное», да?* [НКРЯ]. Показательно, что образ занятого сложной интеллектуальной задачей человека, репрезентированный лексемой *знаток*, лег в основу наименования игроков клуба «Что? Где? Когда?». Ср. также весьма частотное *глубокий знаток* при невозможности сочетания **глубокий эксперт*.

Роли знатока и профессионала допускают проявление эмоций в ситуации сообщения информации, ср.: *С юным пылом знатока он рассказывает ей про осадочные и магматические породы, про силурийскую и девонскую системы, о природе золота, а сам все плотней придвигается к сдобной, как слоеный пирог, хозяйке (НКРЯ); Потом она рассказывала, что сидевшие с ними в ложе явные знатоки оперы поразились тому, что негородского вида старик, очень скромно одетый, внимательно слушает му-*

зыку и правильно судит о ней (НКРЯ); Большинство газет расхвалило его, «серьёзные» журналы высказались неопределённо, **знатоки** отзывались иронически, широким массам фильм нравился (НКРЯ); Однако, освобождая его от чертова шлема, парашюта и сигнальных ракет, они приглядывались к нему в свете фонарика с восхищением **профессионала**: каким могучим оказался Старик — не отдал душу богу, а сам очнулся от обморока еще до приземления! [НКРЯ].

Итак, в языковом сознании компетентному человеку приписывается определенная социальная роль. Она может быть официально регламентированной (эксперт, специалист, профессионал) или иметь преимущественно неформальный характер (знаток, профессионал). В рамках данной роли человек может предоставлять сведения по официальному запросу (эксперт, специалист) или по личной инициативе (знаток). Область компетенции варьируется от институциональной (эксперт, специалист, профессионал) до бытовой (знаток). Компетентность может проявляться только в обладании специальными знаниями и их трансляции (эксперт, специалист, знаток) или расширяться до владения практическими умениями и навыками (специалист, профессионал). Социальная оценка в отношении сведущего человека в подавляющем большинстве случаев положительна по различным основаниям.

4.2.2. ПРОФЕССИОНАЛ: СЛОВО И ПОНЯТИЕ

В исследуемом ряду стереотипных представлений о компетентном человеке наиболее содержательным с точки зрения культурной обусловленности и роли в публичном дискурсе нам видится образ профессионала, в силу чего слово *профессионал* и стоящее за ним понятие стали объектом отдельного, более детального рассмотрения.

Комплексный анализ характерных черт профессионала становится возможным при обращении к трем типам лингвистических данных: (1) данные системы языка, представленные лексико-семантическими средствами; (2) анкетные материалы, полученные в результате опроса; (3) текстовые высказывания.

СИСТЕМНЫЕ ДАННЫЕ. Анализ словарной дефиниции лексемы *профессионал* ‘тот, кто сделал какое-либо занятие, деятельность своей профессией; хороший специалист’ [БТСРЯ] обнаруживает ядерные семы: ‘человек занимается какой-либо деятельностью’; ‘деятельность ограничена определенной сферой’; ‘вследствие специальной подготовки деятельность становится источником существования’; ‘качество выполнения деятельности заслуживает положительной оценки’.

Для уточнения типовой лексической сочетаемости слова *профессионал* мы обратились к контекстам из Национального корпуса русского языка. Синтагматические связи лексемы, во-первых, указывают на содержательные признаки образа: *опытный (матёрый), хладнокровный, авторитетный, добросовестный*. Во-вторых, они соотносятся с оценочными шкалами «хороший — плохой» (*хороший, блестящий, крутой*) и «настоящий — ненастоящий» (*настоящий, истинный*). Последний параметр оценки особенно актуален для образа профессионала (27 употреблений на 100 контекстов), что свидетельствует о функционировании образа в качестве оценочного эталона, построенного на определенных требованиях.

АНКЕТНЫЕ ДАННЫЕ. Объективированные в понятийном содержании и лексической сочетаемости смыслы не исчерпывают заложенную в слове информацию. В процессе его освоения индивидуальным языковым сознанием исходные признаки понятия под влиянием различных факторов конкретизируются, детализируются и дополняются новыми смыслами, делающими образ

профессионала более целостным и наглядным. Методом их реконструкции послужило анкетное исследование (опрос студентов I—IV курсов разных специальностей, n = 60 человек) с помощью специально сформулированных вопросов.

(1) «Какие ассоциации вызывает у вас слово профессионал?» Практически все ассоциации к слову *профессионал* — синонимические, вводящие его в ряд других положительных оценок человека по деловым качествам: *умелец, мастер, знаток и эксперт*. Кроме того, в ответах *лидер* и *главарь* нашел отражение такой аспект профессионализма, как умение организовывать процесс и вести людей за собой. Обращает на себя внимание отсутствие «предметно-вещественных» ассоциаций (место труда, орудие труда, способ труда, внешность и т. п.), что объясняется доминированием в образе оценочного компонента над описательным.

(2) «Настоящий профессионал, он какой?» Многообразие примет настоящего профессионала структурируется при помощи мотивов, выделяемых на основании семантических схожих определений (располагаются в порядке убывания частотности): компетентности, высоких интеллектуальных способностей, ответственности, опыта, целеустремленности, честности, трудолюбия, пунктуальности, самообладания, надежности. Характерно, что респонденты не ограничивались указанием только деловых качеств, отмечая также и сугубо личностные черты настоящего профи.

(3) «Для того чтобы стать профессионалом, нужно...». Имплицитно присутствующая в лексическом значении сема 'становление' вызывает закономерный вопрос о том, что способствует обретению человеком статуса профессионала. По мнению респондентов, главным условием данного процесса является количество часов, проведенных за работой, и вынесенный из нее опыт. В качестве определяющего профессионализм фактора отмечается также готовность к постоянному саморазвитию, обуче-

нию и совершенствованию своих навыков в выбранном деле. Это, в свою очередь, невозможно без целеустремленности, упорства, усердия, добросовестности и ответственности. Кроме того, переход на высокий профессиональный уровень связан с реализацией творческих способностей, экспериментированием, открытостью ко всему новому. Наконец, важной эмоциональной составляющей становления профессионала считается любовь к своему делу.

(4) «То, что можно простить ..., непростительно для профессионала». Анализ вариантов восполнения данной фразы позволяет увидеть образ профессионала в сопоставлении с теми, кто ему противоположен. По замечанию Г. Н. Кудрука, «объективация образа профессионала через противопоставление является показателем развития его структуры» [Кудрук, 2008, с. 123]. К числу тех, кто недостаточно профессионально относится к делу, принадлежат *начинающий (неопытный) сотрудник, новичок, обычный (простой; рядовой; штатный) работник, дилетант, студент, обыватель, любитель, лентяй и стажер*. На фоне подобных противопоставлений в фигуре профессионала более рельефно выделяются следующие черты: имеет специальную подготовку, большой опыт, систематические знания в своей области, выделяется среди других работников, открыт новым знаниям.

(5) «Настоящий профессионал заслуживает...». Задание закончить высказывание предполагает обращение к фрейму, в котором профессионал включен в систему социальных взаимодействий. Согласно материалам опроса, наиболее частым показателем ценности профессионала становится уважение, признание и почет. Другой формой общественного признания профессионализма мыслится высокая заработная плата. Положительная оценка профессионала может быть выражена также словесным путем в виде похвалы. Образ профессионала как постоянно развивающегося человека поддерживается представлением

о том, что он заслуживает дальнейших перспектив и условий для роста и продвижения.

Безусловная положительность статуса профессионала свидетельствует о том, что языковым сознанием не принимается в расчет возможность быть хорошим специалистом в противоправных сферах деятельности.

ТЕКСТОВЫЕ ДАННЫЕ. Национальный корпус русского языка по запросу *профессионал* предоставляет 2760 документов и 4813 вхождений. В этом текстовом массиве можно встретить контексты разных типов, в которых слово *профессионал* используется: (1) индивидуально, то есть применительно к определенной персоне, ср.: *Настоящий профессионал и большой энтузиаст своего дела, Чанг был искренне заинтересован в успешной реализации проекта в России* [НКРЯ] и обобщенно, ср.: *Тенденция повышения внимания психологов к миру профессионалов и профессионального развития человека, надеюсь, не будет утрачена на протяжении начавшегося предстоящего века* [НКРЯ]; (2) в функции субъекта, ср.: *Сегодня в правительстве нужны профессионалы, которые могли бы по-настоящему заняться конструированием и реализацией новой экономической политики* [НКРЯ], атрибута, ср.: *Я как профессионал в этой сфере, могу ответственно заявить, что местное самоуправление сегодня абсолютно бесправно* [НКРЯ] и предиката, ср.: *Сегодня всякий, кто нанимает эксперта, — тоже профессионал* [НКРЯ]; (3) в положительном ключе, ср.: *И я просто обожаю и уважаю мужчин, которые являются профессионалами в своей области* [НКРЯ] и отрицательном, ср.: *Реальную власть при дворе взяли евнухи, карьеристы и профессионалы, которые редко доверяют один другому* [НКРЯ]. Пространство смыслов, характеризующих профессионала, в целом имеет тенденцию к расширению и разнородности, что можно объяснить, с одной стороны, тем, что об-

раз «в конкретных высказываниях зависит от принятой модели действительности и знания о мире, а также от идейной ориентации говорящих или пишущих, от жанра высказывания, от коммуникативного намерения» [Бартминский, 2005, с. 90]; с другой стороны — спецификой требований, предъявляемых специалисту в разных профессиональных сферах.

С целью упорядочивания текстовых данных и исключения периферийных (окаzionaliальных) характеристик мы отобрали для анализа диагностические контексты, в которых суждения о профессионале выражены при помощи заданных синтаксических конструкций.

Конструкция «*профессионал + пояснительный оборот то есть*». В контекстах со свободными дефинициями актуализируются:

— категориальные признаки понятия: ‘тот, кто зарабатывает своей деятельностью на жизнь’, ‘тот, кто имеет официальный статус в каком-либо учреждении’, ср.: *Напомню, ведь в советское время писатель, хотя и официально не признавался таковым — мог быть профессионалом, то есть жить и кормить свою семью на доходы от трудов своих; Охотой должны заниматься только профессионалы, то есть охотники-промысловики, охотоведы (с научной целью); Передо мною наконец-то встала необходимость окончательно бросать свою архитектурно-дизайнерскую карьеру и становиться стопроцентным музыкантом-профессионалом, то есть забрать трудовую книжку из ВНИИТЭ и отдать ее в Калининградскую филармонию [НКРЯ];*

— положительная оценка качества выполняемой им работы, ср.: *Так что, пока не поздно, не надо — «Власть Советам рабочих и крестьян», а надо — «Власть Советам всех трудящихся», а более всего — «Власть трудящимся-профессионалам», то есть тем, кто лучше всех умеет трудиться на своих местах,*

лучшую имеет голову для решения сложных вопросов внутренней и внешней политики; Неужто стать профессионалами, то есть уметь что-то произвести читабельное, удобоваримое, чистого качества, пользующееся успехом и спросом? [НКРЯ].

Конструкция «профессионал + должен». Модальность долженствования в высказываниях выступает формой выражения прямых суждений об обязательных качествах профессионала. В большинстве случаев эти суждения опираются на представления о том, что профессионал должен владеть адаптивными умениями, позволяющими ему приспосабливаться к постоянно меняющемуся миру, ср.: *Профессионал должен быть готов к любым неожиданностям; Ведь, и правда, профессионал должен уметь моментально переключать себя с одного на другое, что-то сбросить и во что-то противоположное окунуться; Человек, намерившийся состояться как профессионал, должен быть готов к периодически возникающему душевному дискомфорту; Профессионал должен оставаться профессионалом при любых обстоятельствах [НКРЯ];*

Конструкция «предлог с + существительное в твор. п. + профессионал в род. п. Будучи репрезентированным указанной предложно-падежной конструкцией, образ профессионала выводится из «фокуса» прямолинейных оценок. Анализ контекстов раскрывает характер социальных взаимодействий профессионала: чаще всего они основываются на признании и положительной оценке профессионалом чужих заслуг, ср.: — *Есть чему удивляться, — произнес он с уважением профессионала; — Да, это проворный японец, — добавил он почти с увлечением профессионала, умеющего ценить работу другого; Однако, освобождая его от чертова шлема, парашюта и сигнальных ракет, они приглядывались к нему в свете фонарика с восхищением профессионалов: каким могучим оказался*

Старик — не отдал душу богу, а сам очнулся от обморока еще до приземления!; Новенькая взглядывалась в конструкцию с интересом профессионала — она не взялась бы за рабочий чертёж этого сооружения, в котором, она видела, были странные разрывы и выворачивания, как будто изнанку и лицо произвольно перемешали [НКРЯ].

В качестве выводов отметим следующее.

1. Комплексный анализ разных типов данных позволяет установить ядерные, то есть наиболее устойчивые черты образа: опытность, компетентность, интеллект, творческая адаптивность к меняющимся условиям. Отличительной чертой стереотипа является его идеализация, игнорирование некоторых негативных проявлений профессионализма.

2. В русском языковом сознании образ профессионала представляет собой оценочный эталон, то есть совокупность ценностно маркированных представлений о лучших деловых качествах.

3. Образ профессионала может составлять фреймовые структуры социальных взаимодействий, выступая при этом как субъектом, так и объектом оценки. В обоих случаях оценка имеет преимущественно положительный знак.

4. Своеобразие образа профессионала состоит в том, что, обладая ярко выраженным ядром (эталонными признаками), он имеет весьма широкую и разнородную периферию. Последнее обусловлено требованиями к деловым качествам человека, свойственными каждой отдельной сфере предметной специализации профессионала.

5

СОЦИАЛЬНЫЙ ТИПАЖ ИНТЕЛЛИГЕНТА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

(А. В. Щетинина)

5. СОЦИАЛЬНЫЙ ТИПАЖ ИНТЕЛЛИГЕНТА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

А. В. Щетинина

Подлинный, чеховский, петербургский, русский, социалистический, размагниченный, вишивый... — эти, казалось бы, такие разнородные характеристики, перечисление которых можно продолжать, относятся к одному известному всем носителям русского языка типу интеллигент, описать который в нескольких словах довольно затруднительно. Объяснить смысл понятий «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный» уже больше века пытаются как носители языка, не имеющие специальной научной подготовки, так и ученые. Представители разных наук отмечают сложность определения данных понятий, при этом указывая, что «многообразие точек зрения не помогает, а затрудняет сконструировать единую концепцию интеллигенции. Их недостатком является даже не размытость, а порой излишняя упрощенность и прямолинейность. Для одних авторов — это реально существующая социально-профессиональная группа, причем критериальное согласие до сих пор не достигнуто, а другие утверждают, что интеллигенция как социальное явление давно исчезла и превратилась в мифическое образование» [Ишимская, 2010, с. 71].

Лингвистические словари также несколько односторонние и, соответственно, упрощенно подходят к определению этих

слов. При этом в наивно-языковом сознании данные понятия получают осмысление с разных сторон, о чем свидетельствуют, например, атрибутивные словосочетания «существительное + прилагательное». Так, довольно противоречивыми качествами наделяется *интеллигент* (ср. оппозицию: *истинный* интеллигент — *вшиивый* интеллигент и др.), причем положительные и отрицательные коннотации выявляются практически в равной мере, но в отношении *интеллигенции* используются преимущественно безоценочные характеристики (*национальная, российская, творческая* и т. д.), реже — позитивные (*подлинная, отважная* и т. д.), еще реже — негативные (*темная, назойливая* и т. д.). Однако лексикографические источники в дефиниции к слову *интеллигент*, как правило, фиксируют те семантические множители, которые составляют ассертивную (ядерную) зону значения, а находящиеся на периферии, выявляемые в результате анализа контекстов смыслы в толкование не включают. В то же время именно пресуппозиционная часть значения представляет наибольший интерес с точки зрения разностороннего лексикографического описания того или иного фрагмента действительности, в том числе любого социального типажа. При этом, как известно, изучение контекстного употребления языковой единицы позволяет выявить новые семы, что обуславливает интегральный подход к изучению значения слова, поскольку оно представляется «как бесконечно сложная и избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове — весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, всех добавочных смыслов, называемых коннотациями» [Скляревская, 2001, с. 182].

С целью описания образа интеллигента представляет интерес репрезентация лексемы *интеллигент* в лексикографиче-

ских источниках и в текстах, материалы которых представляют разные языковые страты (диалекты, жаргоны, газетно-публицистический, литературно-художественный и интернет-дискурс) в разные исторические периоды. Результаты такого анализа частично отражены в ряде научных публикаций [Ишимская, 2010; Карасик, 2005; Камчатнов; Колесов, 2006; Крысин, 2001; Петрова; Ярошенко, 2011; Gogolitsyna, 2002 и др.]. В исследовании В. И. Карасика представлены результаты лингвокультурного моделирования типажа «русский интеллигент» [Карасик, 2005] на основании дефиниционного анализа и осмысления контекстного употребления этого понятия. Л. П. Крысин описывает речевой портрет интеллигента на основе анализа речевых образцов реальных представителей современной российской интеллигенции [Крысин, 2001], а О. А. Ярошенко исследует репрезентацию данных характеристик в художественных произведениях в аспекте изучения лингвокультурного типажа «русский интеллигент» и его контекстуального описания [Ярошенко, 2010; Ярошенко, 2011] и т. д.

5.1. СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ *ИНТЕЛЛИГЕНТ* В ЛИТЕРАТУРНЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

А. В. Щетинина

Сложность определения понятия *интеллигент* выявляется уже на уровне анализа дефиниций, зафиксированных в лексикографических источниках. В толковых словарях русского литературного языка способы репрезентации слова *интеллигент* весьма различны, значения формулируются через отсылки к родственным словам либо посредством отсылок к конституирующим характеристикам человека, принадлежащего данному социальному типу.

(1) Так, ряд словарей при определении слова *интеллигент* дают отсылки к значению слова *интеллигенция* — ‘тот, кто принадлежит к интеллигенции’ [БУСРЯ, с. 389; Лопатин и др., 1997, с. 210; СлРЯ, т. 1, с. 671], ‘лицо, принадлежащее к интеллигенции’ [БТСРЯ, 1998, с. 395; РСС, т. 1, с. 96; ССРЛЯ, т. 5, с. 387; ТСРЯ XXI, 2008, с. 302; Ушаков, т. 1, стб. 1214; Шведова, 2011, с. 302], ‘представитель интеллигенции’ [ССИС, 2001, с. 240; Язык Совдепии, 1998, с. 230], — при этом в иллюстрациях к лексеме *интеллигент* закономерно не всегда выявляется полный комплекс сем, который объективировал бы референцию этих понятий. Сравним: в значениях слова *интеллигенция*, представленных в БАС (Большом академическом словаре) [ССРЛЯ] и МАС (Малом академическом словаре) [СлРЯ]: ‘работники ум-

ственного труда, имеющие специальную подготовку и знания в различных областях науки, техники и культуры’ [ССРЛЯ, т. 5, с. 388], ‘социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом’ [СлРЯ, т. 1, с. 671] — выявляются ядерные семы ‘социальная группа’, ‘люди’ и ‘работники’, дифференциальные семы ‘обладают образованием’, ‘обладают специальными знаниями’, ‘имеют специальную подготовку’, ‘имеют знания’, ‘профессионально занимаются’, ‘умственный труд’, ‘наука’, ‘техника’, ‘культура’. А в иллюстративном материале к слову *интеллигент* актуализируются только некоторые из этих сем: *Не танцующие интеллигенты сидели в читальне за большим столом и, уткнув носы и бороды в газеты, читали, дремали и, по выражению местного корреспондента столичных газет, очень либерально-го господина, — “мыслили”* (А. Чехов. Маска); *Адрес [Гл. Успенскому] был написан самими рабочими, его не составлял для них кто-нибудь из интеллигентов, искусившихся писать литературно* (М. Цебрикова. Отрывок из воспоминаний) [ССРЛЯ, т. 5, с. 387—388] (в обеих иллюстрациях выявляются семы ‘обладают образованием’, ‘умственный труд’, во второй имеется также противопоставление «рабочие — интеллигенция»); в примере *Исполнение роли Жукова убедило меня в том, что я, актер, игравший главным образом интеллигентов, могу и должен играть простых людей* (В. Гардин. Воспоминания) [ССРЛЯ, т. 5, с. 388] выявляется только значение принадлежности к особому классу, поскольку *интеллигенты* противопоставляются *простым людям*; в контексте из МАС: *Наш молодой советский интеллигент — это новый человек* (М. Горький. Ярославцам) [СлРЯ, т. 1, с. 671] — семантика интересующего нас слова непрозрачна, поскольку контекстное окружение не подсказывает

содержание слова *интеллигент*, а понять предложение возможно только при условии того, что читатель уже знаком с понятием «интеллигенция». Таким образом, отсылочные значения при дефинировании слова *интеллигент* не способствуют прояснению семантики такой довольно спорной с точки зрения составления определения лексической единицы.

(2) Другой тип дефиниций к слову *интеллигент* не только фиксирует отсылку к понятию «интеллигенция», но и дополняет ее дифференциальными семами, которые напрямую связаны с семантикой слова *интеллигенция*. Так, в семеме ‘человек, принадлежащий к общественному слою интеллигенции, занимающийся умственным трудом’ [РСС, т. 1, с. 130] актуализируется сема ‘умственный труд’; в дефиниции ‘человек умственный, развитой, передовой’ [ПСИС, 1908] подчеркивается семантика умственной деятельности и стремления к познанию нового. Помимо повторяющихся дифференциальных сем, входящих в состав значения слова *интеллигенция*, в дефинициях других словарей указываются новые семы, посредством которых толкователи обращают внимание на те или иные качества интеллигента. Так, в семеме ‘тот, кто принадлежит к интеллигенции, мыслящий, высоконравственный человек, носитель традиций духовной культуры народа’ [Лопатин и др., 1997, с. 210] актуализируется уже встречающаяся в толкованиях слова *интеллигенция* сема ‘мыслящий’ (=‘умственный’) и выявляются новые семы ‘высокнравственный’, ‘носитель традиций’, ‘культуры народа’. Эти семы можно обнаружить в формулировках значения слова *интеллигент*, сфокусированных именно на этих семах как центральных, соответствующих конституирующим свойствам интеллигента, например, в определении ‘человек глубокой внутренней культуры и самостоятельного мышления’ [ТСИС, 2000] подчеркнута сема ‘самостоятельное мышление’;

а в дефиниции ‘человек высокой нравственной культуры, духовно развитый’ [РСС, т. 1, с. 96] на первый план выведена сема ‘духовно развитый’.

(3) В семантеме ‘человек, который обладает высокой внутренней культурой, развитым внутренним чувством, широкой образованностью и т. п. вне зависимости от его принадлежности к какой-либо социальной группе’ [БУСРЯ, с. 389] актуализируется совершенно противоположная классовой трактовке *интеллекта* сема ‘вне зависимости от принадлежности к какой-либо социальной группе’, что позволяет рассматривать интеллигента как нравственного, культурного, стремящегося к знаниям человека, принадлежащего к любому социальному слою, а это, на наш взгляд, может служить основанием к тому, чтобы считать самостоятельным это значение рассматриваемой языковой единицы, то есть признать многозначность слова *интеллигент*. Та же независимость от социальной группы представлена и в первой части дефиниции ‘человек, который характеризуется стремлением к знаниям, культурой поведения, твердыми нравственными принципами; человек, профессионально занимающийся интеллектуальным трудом’ [ТСРЯ XXI, 2008, с. 410], при этом здесь же выявляется еще одна сема ‘твердые нравственные принципы’. В словаре П. Я. Черных в одном из лексико-семантических вариантов слова *интеллигент* актуализируется и сема ‘воспитанный’: ‘умственно развитый, культурный, образованный и воспитанный человек’ [Черных, 1994, т. 1, с. 624].

(4) Характеристика интеллигента в современных толковых словарях литературного языка дается преимущественно через указание на его положительные качества. Исключение составляют несколько словарей, которые фиксируют негативные оценки. В словаре Ушакова второй лексико-семантический вариант сопровождается ограничительной пометой «презрительно»: ‘пре-

зрит. то же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями' — *Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник* (В. Ленин) [Ушаков, т. 1, стб. 1214]. Авторы «Толкового словаря языка Совдепии» сопровождают этот ЛСВ следующим комментарием: «Значительной части интеллигенции были присущи политическая трусливость, красноречие и бездеятельность, болезненная рефлексия и нерешительность» (данный комментарий оформляется как оттенок значения с пометой «презрит.») [Язык Совдепии, 1998, с. 230]. С пометами «насмешливое», «пренебрежительное», «презрительное (бранное)», «разговорное» фиксируется лексема *интеллигент* в «Большом словаре русской разговорной речи» под редакцией В. В. Химики: 'о нерешительном, безвольном, психологически и физически слабом человеке' [Химик, 2004]; при этом предлагаются следующие комментарии и иллюстрации: «В обывательской среде традиционно, особенно в соответствии с классово-идеологией советского времени, о людях умственного труда, особенно гуманитарных занятий, которым приписывается ряд якобы свойственных им непростительных недостатков: слабость, нерешительность, безволие, ненадежность и т. п. *Эх, ты, интеллигент, разве так с бабой надо разговаривать, она силу любит!*; *Эй, ты, интеллигент в шляпе, поди сюда!*; *Интеллигентом стал, ручки замарать боишься, да?*» [Там же]. Негативную оценку находим в словаре С. А. Кузнецова, но только в иллюстрации: пренебр. *Что понимает этот интеллигент!* [БТСРЯ, 1998, с. 395]. Заметим, что если в дефиниции слова *интеллигент* в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и сема 'социальное поведение', и иллюстрация свидетельствуют о социальном характере оценки интеллигента, то в словарях под редакцией В. В. Химики и С. А. Кузнецова иллюстративный материал не имеет явной со-

циальной маркировки, следовательно, можно предположить, что и в межличностных отношениях такая оценка человека вполне возможна.

Обоснованность выделения противоположных характеристик *интеллигента* и их включения в словарную статью как разных лексико-семантических вариантов, на наш взгляд, подтверждается и наличием паронимичных прилагательных *интеллигентный* / *интеллигентский* с разными коннотациями. В «Большом толковом словаре правильной русской речи» Л. И. Скворцова в словарных статьях отмечается, что эти понятия нельзя смешивать [Скворцов, 2009, с. 291]: *интеллигентный* ‘книжн. свойственный образованному, культурному человеку, а также интеллектуально развитый, например, интеллигентные манеры, интеллигентный облик, интеллигентные профессии (связанные с умственным трудом’ [Там же, с. 291—292] (при этом в одном из контекстов выявляется противопоставление «простым людям»: *Они судили мултанцев. Два интеллигентных человека и десять мужиков* (В. Короленко. Мултанское жертвоприношение) [Там же, с. 292]); а *интеллигентский* ‘книжн. связанный с худшими чертами интеллигенции как общественной группы (неустойчивостью взглядов, беспринципностью, нерешительностью и т. п.), например, *интеллигентские замашки, интеллигентская двойственность, интеллигентский каприз*’ [Там же]. В то же время контекстный анализ выявляет не только негативно-оценочное значение при употреблении прилагательного *интеллигентский*, но и нейтральное, связанное с категорией притяжательности, см., например: *...всех респондентов объединяло не только унифицирующее советское образование, но и некий более широкий интеллигентский дискурс, эволюцию основных элементов которого можно проследить как минимум в течение двух последних веков, и не только в России* (Р. Черепанов

ва. Интеллигенция и «тайное знание» // Неприкосновенный запас, 2010); *При этом, на интеллигентский взгляд, ничего не изменилось: заводские коробки остались на месте — разве что дым из труб перестал идти* (С. Чернышев. Фермопилы. ru // Эксперт, 2004.12.13); *Хотя, разумеется, и на первом этапе были сугубо научные доклады, и на втором звучали чисто политические лозунги, все же зал симпозиума больше не воспринимался как продолжение митинга в НИИ или на знаменитой московской интеллигентской кухне, где обсуждалось все то же самое* (И. Прусс. Десятый // Знание — сила, 2003); *И хотя в организацию приходит молодежь из разных слоев общества, подавляющее большинство — это студенты, преимущественно из интеллигентских семей* (А. Тарасов. Левая сцена в России в начале XXI века // Неприкосновенный запас, 2003.09.12) [НКРЯ] и др.).

С противоречивостью характеристик человека как интеллигента и соответственно сложностью определения данного понятия, видимо, связано отсутствие самой лексемы *интеллигент* (а также *интеллигенция*) в указанном словаре, поскольку он фиксирует только приведенные выше прилагательные, с разных сторон характеризующие человека как интеллигента. Кроме того, как известно, негативные оценки данного типажа отчетливо заметны в дериватах с суффиксами, вносящими уничижительно-пренебрежительное значение, *интеллигентик* ‘пренебр. к интеллигент’ [ССРЛЯ, т. 5, с. 388], *интеллигентшишка* ‘разг., пренебр. к интеллигент’ [Там же].

Интересно, что негативная оценка зафиксирована в словарных дефинициях только по отношению к мужчинам, женщину из интеллигентской среды называют уменьшительно-ласкательно *интеллигенточка* ‘разг. уменьш.-ласк. к интеллигентка’ [Там же] (в данном случае мы только комментируем данные сло-

варей безотносительно к реальной речевой практике). При этом *интеллигентка* фиксируется в словарях как ‘женск. к интеллигент’ [БТСРЯ, 1998, с. 395; ССРЛЯ, т. 5, с. 388; СлРЯ, т. 1, с. 671; Ушаков, т. 1, стб. 1214; ТСРЯ XXI, 2008, с. 410 и др.], иногда с пометой «разговорное» [БТСРЯ, 1998, с. 395; РСС, т. 1, с. 96 и др.], но по контекстам (при их наличии) трудно определить точную референцию между существительным *интеллигентка* и одним из ЛСВ слова *интеллигент*. Так, в БАС дается одна иллюстрация, где у слова выявляется негативная коннотация, хотя в дефиниции слова *интеллигент* нет характеристик человека как нерешительного, безвольного и т. п. (что представлено в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова): *Люба работала как одержимая, желая доказать, что Софья — изнеженная интеллигентка и не может тягаться с настоящими производственниками* (Б. Бедный. Большой поток) [ССРЛЯ, т. 5, с. 388]. В словаре под редакцией Г. Н. Складневской также представлена одна иллюстрация употребления слова *интеллигентка*, в которой актуализируются сема ‘потомственная’, обуславливающая принадлежность к социальной группе, и сема ‘профессионально занимающаяся интеллектуальным трудом’, при этом появляются новые характеристики «тихая», «смирренная», которыми априори наделяются интеллигентные женщины — «сотрудницы библиотек и музеев»: *Он мысленно окрестил ее «смирренная» — голос был тихим, каким-то шелестящим. Так говорят монахини, сотрудницы библиотек и музеев, из тех, потомственных, как правило, нищих и некрасивых интеллигенток, которые работают исключительно по призванию* (М. Юденич. Стремление убивать) [ТСРЯ XXI, 2008, с. 410]. Таким образом, мы можем сделать заключение, что представить образ *интеллигентки* только по имеющимся материалам словарей довольно затруднительно, необходимо обращение к контекстному материалу, на основании анализа которого в перспективе

можно будет корректно выявить значения слова *интеллигентка* и определить, как они соотносятся с семантикой мотивирующей лексики *интеллигент*.

Таким образом, обобщая, можно сказать, что интеллигент в современных литературных толковых словарях репрезентирован, во-первых, как представитель класса интеллигенции, а во-вторых, как человек, наделенный преимущественно положительными качествами, при этом, для перечисления всех зафиксированных в современной лексикографии качеств нужно обратиться к разным словарям, которые представляют взаимодополняющую информацию (табл. 1).

Семантика лексемы *интеллигент* в толковых словарях

Словарь	Безоценочные семантические множители		Семантические множители, репрезентирующие положительные качества	Семантические множители, репрезентирующие отрицательные качества
	родовая сема	дифференциальные семы на ближней периферии		
ССРЛЯ	‘лицо’	‘принадлежащее к интеллигенции’	‘обладает образованием’, ‘умственный труд’	—
СЛРЯ	‘тот, кто’	‘принадлежит к интеллигенции’	—	—
Ушаков	‘лицо’	‘принадлежащее к интеллигенции’	—	—
	‘человек’	‘социальное поведение’	—	‘безволие’, ‘колебания’, ‘сомнения’

Продолжение табл. 1

Химик, 2004	‘человеке’				‘насмешливое’ ‘пренебрежительное’ ‘презрительное’ ‘бранное’ ‘разговорное’ ‘нерешительный’ ‘безвольный’ ‘психологически и физически слабый’			
РСС, 1998	‘человек’	‘принадлежащий к обществу слою’, ‘интеллигенции’	‘занимающийся умственным трудом’	—	—			
	‘человек’	—	—	‘высокой нравственной культуры’, ‘духовно развитый’	—			
Шведова, 2011	‘лицо’	‘принадлежащее к интеллигенции’	‘старый’, ‘русский’, ‘сельский’, ‘учителя’, ‘врачи’, ‘библиотекари’	—	—			

ТСИС, 2000	‘человек’	—	—	‘глубокой внутренней культуры’, ‘самостоятельного мышления’	—
БТСРЯ, 1998	‘тот, кто’	‘принадлежит к интеллигенции’	‘потомственная’	‘настоящий’	‘пренебрежительное’ (стил. помета)
ТСРЯ XXI	‘человек’	‘отличающийся’	‘независимо от уровня образования’ ‘независимо от рода занятий’ ‘независимо от социального положения’	‘культура поведения’ ‘стремление к знаниям’ ‘твердые нравственные принципы’	—
				‘человек’	‘профессионально занимающийся’ ‘интеллектуальный труд’
ТСРЯ XX в.	‘тот, кто’	‘отличается	независимо от уровня	‘стремление к знаниям’	

Продолжение табл. 1

ТССРЯ XX в.				‘образования’, ‘независимо от рода занятий’, ‘независимо от социального положения’, ‘в советское время’	‘культура поведения’, ‘твердые нравственные принципы’	
	‘человек’	‘умственного труда’			—	‘презрит.’, ‘наделяемый качествами’, ‘нерешительность’, ‘склонность к сомнениям’, ‘малодушие’
БУСРЯ	‘человек’	‘принадлежит к интеллигенции’	‘второе поколение’, ‘инженеры’, ‘врачи’, ‘учителя’, ‘научные работники’		—	—

БУСРЯ	‘человек’	‘обладает’	‘вне зависимости от’ ‘принадлежность к социальной группе’	‘внутренняя культура’ ‘развитое нравственное чувство’ ‘широкая образованность’	—
Черных, 1994	‘человек’	—	—	‘умственно развитый’ ‘культурный’ ‘образованный’ ‘воспитанный’	—
	‘работник’	‘умственный труд’ ‘имеющий специальную подготовку, навыки, способности’	‘творческая работа ‘в области науки’ ‘в области техники’ ‘в области культуры’	—	—
Лопатин и др., 1997	‘тот, кто’	‘принадлежит к интеллигенции’	—	‘мыслящий’ ‘высоконравствен- ный’	—

ПИС, 1908	‘человѣкъ’	—	‘носитель традиций’ ‘носитель духовной культуры народа’	—
ССИС, 2001	‘представитель’	—	‘умственный’ ‘развитой’ ‘передовой’	—
Александрова, 2001	‘человек’ ‘работник’	‘интеллигенция’ ‘умственный труд’ ‘интеллектуал’ (синоним)	—	—
Скворцов, 2009	—	—	—	—
Елистратов, 2004	—	‘принадлежит к интеллигенции’	‘сопричислен к лику’	—

5.2. ЛЕКСЕМЫ И ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ, ЗНАЧЕНИЯ КОТОРЫХ ВКЛЮЧАЮТ СЕМЫ 'ИНТЕЛЛИГЕНТ', 'ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ', В ЛИТЕРАТУРНЫХ СЛОВАРЯХ

А. В. Щетинина

Высокая степень уникальности понятия «интеллигент» обуславливает наличие небольшого количества зафиксированных в словарях слов и идиоматических выражений, семантически близких слову *интеллигент*, то есть содержащих в дефиниции отсылку к нему или родственным ему словам (табл. 2). Более того, не зафиксировано ни одного слова, которое было бы идентично ему по совокупности семантических и стилистических характеристик. Лексемы и идиоматические выражения, в значения которых фиксируются семы 'интеллигент' и 'интеллигентный', можно условно разделить на несколько групп.

Первая группа объединяет языковые единицы, в значениях которых безоценочно репрезентируется принадлежность к определенной социальной группе: *барин* 'дореволюц. разг. или ирон. лицо, принадлежащее к обеспеченному и образованному слою городского населения, интеллигент' [Ушаков, т. 1, стб. 90]; *барышня* 'устар. девушка из барской семьи или вообще из интеллигентной среды' [Шведова, 2011, с. 32]; *дама* 'женщина, по внешнему виду принадлежащая к интеллигентному или состоятельному кругу' [ССРЛЯ, т. 3, с. 551]. Совершенно очевидно, что

слово *интеллигент*, с одной стороны, и слова *барин*, *барышня* или *дама* — с другой, являются контекстными синонимами, в значениях которых репрезентируется связь с определенным социальным слоем: *Одет барином* [Ушаков, т. 1, стб. 90]; *Чехов занес ко мне в редакцию рукопись — небольшой, но поразительно красиво написанный рассказ на военную, точнее сказать — на боевую тему. — Прислала мне барышня одна, местная гимназисточка! — пояснил он. — Просит подействовать, чтобы его где-нибудь напечатали: хотя бы в «Русской мысли». Рассказ очень, очень недурен, но для ежесемейника не подходит* (М. Первухин. Из воспоминаний о Чехове, 1915); *В саду почти никого нет; какой-то пожилой господин ходит проворно: очевидно, делает моцион для здоровья, да две... не дамы, а женщины, нянька с двумя озябшими, до синевы в лице, детьми* (И. Гончаров. Обломов) [ССРЛЯ, т. 3, с. 551]. Кроме того, в эту же группу можно включить используемую в качестве обращения лексему *сударь* ‘господин (употребляется преимущественно как вежливое, учтивое, иногда ироничное, обращение к лицу из господствующих классов, а также между равными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской среды)’ [Ушаков, т. 4, стб. 581].

Вторая группа объединяет языковые единицы, в значениях которых репрезентируется профессиональная принадлежность: *божий одуванчик* ‘жарг. музейн., шутл.-ирон. смотрительница музея (обычно интеллигентная старушка)’ [БСРП, 2008, с. 462]; *специалист* ‘нов. квалифицированный представитель интеллигентной профессии’ [Ушаков, т. 4, стб. 432].

Третья группа объединяет языковые единицы, характеризующие человека по роду общественной деятельности человека и политическим взглядам: *пятидесятник / пятидесятница* ‘публиц. общественный деятель, интеллигент 50-х годов 19 в. в России.’ [Ушаков, т. 3, стб. 1091]; *шестидесятник* ‘в СССР в 60-х гг. 20 в.:

свободомыслящий интеллигент, выступающий за свободу инакомыслия, соблюдение прав человека, свободу личности, гласность' [Шведова, 2011, с. 1106]; *разночинец* 'в России XIX в. — прогрессивно настроенный интеллигент недворянского происхождения' [ССРЛЯ, т. 12, стб. 448]; *сменовеховец* 'нов. полит. сторонник той части русских белоэмигрантов, преимущественно интеллигентов, которые рассматривали нэп как путь к реставрации капиталистических отношений и вследствие этого склонялись к признанию советской власти' [Ушаков, т. 4, стб. 295].

ЧЕТВЕРТАЯ ГРУППА, ОБЪЕДИНЯЕТ НОМИНАЦИИ ИНТЕЛЛИГЕНТА В СООТВЕТСТВИИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ОБРАЗА ЖИЗНИ ИЛИ ЛИЧНОСТНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ: *приживал / приживальщик* 'устар. обнищавший дворянин, интеллигент, купец, живший из милости в чужом богатом доме и не имевший никаких определённых занятий' [БТСРЯ, 1998, с. 977]: одна из ядерных сем 'интеллигент' идентифицирует приживала как представителя социальной группы, при этом ведущими в плане понимания смысла слова являются дифференциальные семы 'живший из милости', 'не имевший определённых занятий', отсылающие к образу жизни.

Библиотечная крыса 'любитель и собиратель книг, полностью погружённый в это занятие' [Федоров, 1995, т. 1, с. 335]: сема 'интеллигент' находится в иллюстративном материале, что вполне ожидаемо, поскольку интеллигент представляется как человек мыслящий, стремящийся к познанию, а это вполне согласуется с увлеченностью чтением: *Обыкновенная библиотечная крыса, интеллигент, до ужаса боялся свежего воздуха, не мог представить, какое наслаждение — лежать и глядеть на облака.* А. Толстой. Человек в пенсне [Там же]; кроме того, буквальная основа идиомы содержит отсылку к профессиональной деятельности.

Шляпа 'разг. об интеллигенте' [БТСРЯ, 1998, с. 977]: в словарной статье, к сожалению, не представлен иллюстративный ма-

териал, который актуализировал бы сему 'интеллигент', однако в НКРЯ обнаруживается контекст, в котором слово *шляпа*, на наш взгляд, могло бы быть заменено словом *интеллигент*: *Ах, ты!.. Да кулаки же их трудом — их трудом! — живут. Жиреют!.. Эх ты, шляпа! Размагнитился!* Выражение *размагнитенный интеллигент*, характеризующее интеллигента, утратившего интерес к общественно-политической жизни, вошло в литературную речь из очерка Н. А. Рубакина «Размагнитенный интеллигент» (1900).

Известно, что шляпа выступает вещным символом, знаком принадлежности к классу интеллигенции, что подтверждается контекстами: *Признаками принадлежности к презираемой касте интеллигентов для шпаны 30—50-х годов были очки или шляпа* (И. Зайчиков. Хулиганское нападение // Боевое искусство планеты, 2004.06.10); *И не стыдно? А еще интеллигент, в шляпе. У!!!* (Н. Семенов. Из переписки с П. Л. Капицей, 1921); — *Интеллигент с высшим образованием! А коли ты интеллигент, — крикнул он яростно, — так сиди дома, нечего на дорогу выходить. — Простите... Гм... — произнес человек в шляпе, — я вижу, вы не поняли... Я — певец... Гм... Я должен горло беречь...* (Б. Горбатов. Непокоренные, 1943); *В советское время человек в шляпе и очках «прочитывался» как интеллигент* (А. Байбурин. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас, 2004.01.15) [НКРЯ].

Наряду с этим несомненна переключка между *шляпа* 'интеллигент' и *шляпа* 'о вялом, неэнергичном, ненаходчивом человеке' [СлРЯ, т. 4, с. 724]. Особенно отчетливо это сближение проявляется в уничижительных наименованиях интеллигентного человека, ср., например: *интеллигент* 'презрит. то же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями' (*Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник*) [Ушаков, т. 1, стб. 1214].

В словаре русских поговорок под редакцией В. М. Мокиенко, как и в некоторых других источниках, представлено идиоматическое выражение *мягкотельй интеллигент* ‘книжн. или публ., неодобр. или презр. о безвольном, бесхарактерном, уступчивом человеке <оборот из художественной литературы и публицистики второй половины XIX века>’ [БСРП, 2008, с. 267], которое репрезентирует личностные качества человека, сходные с теми, которые подразумеваются в номинации *шляпа*.

В. В. Химик фиксирует фразеологизм *вшиивый интеллигент* ‘груб. презр. бран. разг. усил. к интеллигент (как оскорбление)’ [Химик, 2004] и приводит иллюстрацию, в которой положительные качества интеллигентного человека оцениваются негативно: *Про Юрьева в прежние времена вообще сказали бы: вшиивый интеллигент — худой, осторожный, в больших очках, всегда безупречно одетый и причесанный, невероятно воспитанный* [Там же].

Словарь «Новых слов и значений» содержит лексему *яйцеголовый* ‘пренебр. являющийся интеллигентом, относящийся к интеллигенции’ [НСиЗ, т. 3, с. 1353]. Номинативный признак «голова в форме яйца», на первый взгляд, создает положительный образ человека, занятого интеллектуальной деятельностью, поскольку, в восприятии носителей языка, большая голова свидетельствует о недюжинном уме. Однако помета «пренебрежительное» отсылает нас к истории появления слова в английской лингвокультуре, поскольку изначально яйцеголовыми (чаще всего именно во множественном числе) насмешливо-пренебрежительно называли умников, интеллектуалов в США, например, учёных (или «сумасшедших учёных»), изображаемых в фантастических литературных и кинематографических произведениях). В иллюстративном материале также актуализируется семантика умственной деятельности интеллигента с оттенком пренебрежительности: *Марк Аврелий и Фома Аквинский настораживали, ибо выдавали яйцеголовость*

родосовского стипендиата. Но есть вещи много опаснее **яйцеголовости** (М. Стуруа. Не зовите Пабло Казальса в Белый дом) [Там же]; *Швондер-команда любит потешаться над отсталостью той, предмодернистской литературы, не доросшей, конечно же, до их либеральной **яйцеголовости** без берегов* [Там же]; *Хоть и был Володя к тому времени уже бригадиром, и с квартирой был, и с деньгами, и по всем статьям хорош, даже стихи сочинял, что представлялось вообще верхом всего, не мог он перешибить этого **яйцеголового кандидатишку*** (Ю. Визбор. Альтернатива вершины Ключ, 1981) [НКРЯ]; *Вздор, более патерналистской власти не знал ни один народ в мире. Интеллигенция? Она тоже была одета, обута, получала гарантированную зарплату и раз в году летала на моря самолетами Аэрофлота. Плохо было только тому **яйцеголовому диссидентскому меньшинству**, которому — читай выше — везде будет плохо, даже в раю. Когда автор сего вспоминает, какую чушь он городил и слушал в интеллигентских салонах собственной молодости, ему хочется плюнуть на себя в зеркало и ударить палкой по седой голове* (В. Сердюченко. Без прикрас // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.05.19) [Там же].

В этом же словаре зафиксировано слово *люмпен-интеллигенты* ‘пренебр. представители интеллигенции, которая утратила (или не приобрела) качества подлинно интеллигентных людей (высокая общая, профессиональная и политическая культура, гуманизм, народность, гражданственность, жертвенность, трудолюбие и т. д.)’ [НСИЗ, т. 3, с. 580], в значении которого подчеркнута идея утраты качеств истинно интеллигентного человека и, как следствие, объективировано представление о ненастоящем интеллигенте: *Пытаясь удовлетворить союзников-радикалов, КППФ пошла на раздувание чувств злости, ненависти, на ставку на самые низменные чувства люмпен-аппаратчиков, **люмпен-интеллигентов**, люмпен-рабочих* (Аргумента и факты, № 29, 1996) [АА].

Таблица 2

Лексемы и идиоматические выражения, значения которых включают семы 'интеллигент', 'интеллигентный', в литературных словарях

Лексема	Безоценочные семантические множители		Семантические множители, репрезентирующие положительные качества	Семантические множители, репрезентирующие отрицательные качества
	родовая сема	дифференциальные семы на ближней периферии		
барышня (Шведова, 2011)	'девушка'	'из барской семьи' 'или вообще из интеллигентной среды'	дифференциальные семы на дальней периферии	
барин (Ушаков)	'лицо'	'принадлежащее к' 'обеспеченный' 'образованный' 'слоем городского населения' 'интеллигент'	'дореволюционное' 'разговорное ироничное'	

Продолжение табл. 2

библио- течная крыса (Федоров, 1995)	‘любитель’, ‘собиратель книг’	‘всецело погруженный в это занятие’		«Обыкновенная библиотечная крыса, <i>интеллигент</i> до ужаса боялся свежего воздуха, не мог предстать, какое наслаждение — лежать и глядеть на облака» (А. Толстой. Человек в пенсне)
божий одуванчик (БСРП, 2008)	‘смотри- тельница музея’		‘жаргонное’, ‘музейное’	‘шутливо- ироничное’, ‘обычно интеллигентная старушка’

вшивый (гнилой) интеллигент (Хлмнк, 2004)	‘интеллигент’				‘грубое’ ‘презрительное’ бранное’ ‘разговорное’ ‘как оскорбление’
дама (ССРЛЯ)	‘женщина’	‘по внешнему виду’ ‘принадлежащая к’ ‘интеллигентный, состоятельный круг’			
люмпен-интеллигенты (НСИЗ)	‘представители интеллигенции’		‘публицистическое’		‘утратила (или не приобрела)’ ‘качества подлинно интеллигентных людей’ ‘высокая общая, профессиональная и политическая культура’ гуманизм’ ‘народность’,

Продолжение табл. 2

					‘гражданственность’, ‘жертвенность’, ‘трудолюбие’, ‘неодобрительное’, ‘презрительное’, ‘безвольный’, ‘бесхарактерный’, ‘уступчивый’
мягкотельный интеллигент (БСРП, 2008)	‘о человеке’		‘книжное’, ‘публицистическое’ Оборот из художественной литературы и публицистики второй половины XIX века		
приживал, прижигивальщик (БТСРЯ, 1998)	‘дворянин’, ‘интеллигент’, ‘купец’		‘устаревшее’		‘не имевший никаких определённых занятий’, ‘обнищавший’, ‘живший из милости в чужом богатом доме’

пятиде- сятник / пятиде- сятица (Ушаков)	‘обще- ственный деятель’, ‘интели- гент’	50-х годов 19 в. в России	‘публицистическое’	
разно- чинец (ССРЛЯ)	‘интели- гент’	‘в России XIX в.’ ‘прогрессивно настроенный’ ‘недворянское происхождение’	‘умственная сила’ ‘умственная сила’ ‘в государстве’	
смено- веховец (Ушаков)	‘сторонник’	‘русских белоземigrants’ ‘преимущественно интеллигентов’	‘рассматривали нэп как путь к реставрации капиталистических отношений’ ‘вследствие этого склонялись к признанию советской власти’	

специ- алист (Ушаков)	‘представи- тель профессий’	‘квалифицирован- ный’ ‘интеллигентная’ (‘профессия’)	‘новое’		
сударь (Ушаков)	‘господин’		‘устаревшее’ ‘обращение’ ‘к лицу из господствующих классов’ ‘между равными в социальном отношении людьми’ ‘из интеллигентской, дворянской среды’	‘вежливое’ ‘учтивое’ ‘иногда ироничное’	
шести- десятник (Шведова, 2011)	‘интели- гент’	‘свободомысле- лющий’ ‘выступающий за свободу инакомыс- лия’, ‘соблюдение прав человека’	в СССР в 60-х гг. 20 в.		

иляна (БТСРЯ, 1998)	‘об интел- лигенте’			‘разговорное’		
яйцего- ловый (НСИЗ)	‘являю- щийся интели- гентом’ ‘относя- щийся к интелли- генции’					«... явно умнее рейгановской “демократической” администрации, похоже, ненавидящей всякую “яцеголовость”»

Таким образом, слова и выражения, в той или иной степени близкие по значению слову *интеллигент*, реализуют четыре трактовки образа интеллигента с точки зрения:

- социальной принадлежности (барин и др.),
- профессиональной занятости (специалист и др.),
- участия в общественной и политической жизни (разночинец и др.),
- личностных качеств (приживал, мягкотелый интеллигент, яйцеголовый и др.).

Нужно заметить, что в большей части словарей, включающих в себя слово *интеллигент*, эти трактовки учтены частично: чаще всего человек характеризуется по принадлежности к социальной группе и занятости интеллектуальным трудом, а участие в общественно-политической жизни и личностные характеристики представлены фрагментарно.

Если же обобщить данные, которые предлагают разные толковые словари, фиксирующие дефиниции к слову *интеллигент* (а также к словам, дефиниции которых включают сему 'интеллигент'), то, на наш взгляд, можно сформулировать три литературных значения:

ИНТЕЛЛИГЕНТ. 1. Человек, относящийся к социальной группе интеллигенции, состоящей из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом.

- — *Виноват... Миль пардон... Нынче и купцы стали ходить в партикулярном, так что сам Ной не сумел бы отделить чистых от нечистых. Но тем лучше, что вы интеллигент... Мы пойдем друг друга... Я тоже из благородных...* (А. Чехов. Утопленник, 1885—1886).

► Ему было проще учиться в двадцатые годы, нежели мне: при поступлении в институт — Саша шел по третьей категории — сын **интеллигента**. А было этих социальных категорий пять: рабочие, крестьяне, интеллигенция, служащие, кустари и пр. Я числился по самой последней, по пятой. (И. Метгер. Пятый угол, 1967).

► Мы провели опрос и знаем, что он [покупатель] достаточно зрелый (большой части покупателей 50 и более), с высшим образованием, по вере преимущественно — православный, по социальному положению и роду деятельности — российский **интеллигент**: научный работник, преподаватель института, школы, работник здравоохранения, культуры, искусства (М. Ненашев Свет и тени “Русской книги” // Труд-7, 2000.08.09).

2. Человек, который характеризуется стремлением к знаниям, культурой поведения, твердыми нравственными принципами вне зависимости от его принадлежности к какой-либо социальной группе.

► Можно быть интеллектуалом, который зарабатывает на жизнь умственным трудом, но не быть при этом **интеллигентом**. И можно быть **интеллигентом** только благодаря личным, человеческим качествам. Надо признать, что среди современной так называемой российской творческой интеллигенции интеллигентных людей немного (К. Разлогов. Остались ли в России интеллигенты? // Аргументы и факты, 04.05.2016).

► — Мне по профилю моей работы приходится многое знать нелицеприятного о людях. Андрей Козлов был одним из немногих, про кого можно сказать, что он был человеком честным. Кроме того, это был очень приятный в общении человек, настоящий **интеллигент** (Убит первый зампред ЦБ Андрей Козлов // РБК Daily, 2006.09.14).

► «Она мастер на кирпичном заводе, а разговор и взгляды — **интеллекта**», — пишет Л. В. Шапорина (бывшая жена композитора Юрия Шапорина, переводчица, режиссер и автор одного из лучших дневников XX века) про попутчицу в поезде (Е. Долгинова. В сугроб обратно! // Русская жизнь, 2012).

3. Презрит. Человек, относящийся к социальной группе интеллигенции, поведение которого характеризуется безволею, колебаниями, сомнениями, приспособленчеством.

► *Надо это в своей крови иметь. Надо быть потомком тех людей, что пережили и Марата, и Шарлотту Корде, и все это время. А вы что? Мягчайший русский **интеллигент**, вялый, слабый!* (В. Гаршин. Надежда Николаевна, 1885).

► *После всего, что нами было сказано о характерной психологии вырождающейся, пассивной, неспособной на самостоятельную историческую роль интеллигенции, едва ли надо пояснять, что тот человек, о котором говорит в таком пессимистическом тоне Некто в сером, есть не кто иной, как хорошо знакомый нам **интеллигент** указанного типа* (В. Воронский. Леонид Андреев, 1910).

► «*Я — не интеллигент!*» — с вызовом заявил Никита Михалков в минувший вторник в передаче «Сати» на первом канале. И тут же дал **интеллектам** беспощадную характеристику: «Те, что из-за занавески окна наблюдают за происходящим в жизни, а затем цепляют тот бант, который больше соответствует моменту». Презрительно-разоблачительный пафос мэтра явно относится к событиям недавнего прошлого (А. Варганов. За что мы их так любим? // Труд-7, 2002.08.08).

► — *Умоляю, не надо! До сих пор не пойму, кто и почему повесил на меня этот ярлык — «интеллективный»? Как ру-*

гательство, честное слово! Ну, какой я интеллигент... Я — нормальный! (Д. Туманов. «Нельзя предавать футбол, просто хлопнув дверью...» // Советский спорт, 2009.07.14);

► *Это свойство любого интеллигента, что хорошо видно по США, где их всех называют презрительным словом «яйцеголовые». Подразумевается под этим следующее: строят из себя очень умных, но ответственность на себя не берут* (Г. Сапожникова. Михаил Хазин — в годовщину путча... // Комсомольская правда, 2013.08.20).

Довольно объемный по меркам толкового словаря иллюстративный материал, извлеченный как из художественных произведений, так и из публицистики разных исторических периодов, на наш взгляд, необходим для демонстрации различий в семантике лексем, для выявления семантических множителей, которые проявляют себя при употреблении слова в произведениях разных эпох, и в конечном счете для создания более полного представления о типаже интеллигента на основе материалов словаря как первого источника, к которому обращается носитель языка или иностранец, изучающий русский язык.

5.3. СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ *ИНТЕЛЛИГЕНТ* В СЛОВАРЯХ ЖАРГОНА

А. В. Щетинина

Весьма специфично представлено понятие «интеллигент» в словарях жаргона. Обращение к этому типу лексикографических источников вполне оправданно, поскольку, как отмечает в предисловии к «Словарю тысячелетнего русского арго» (2003) М. А. Грачев, в последние несколько десятилетий «у нас появился новый стиль устной речи, представляющий собой объединение нормированных слов с социальными диалектами, львиную долю среди которых занимает арго» [Грачев, 2003, с. 3].

Мы нашли фиксации этого слова в жаргонных словарях только среди арготической (3 лексемы) и молодежной лексики (1 лексема). При этом если в русском литературном языке одно из основных значений слова *интеллигент* подразумевает принадлежность к социальной группе людей, занимающихся интеллектуальным трудом, то в уголовном жаргоне интеллигент — это человек, лишь опосредованно связанный с данной социальной группой. Так, в «Большом словаре русского жаргона» под редакцией В. М. Мокиенко и в «Словаре тысячелетнего русского арго» *интеллигент* толкуется как ‘лицо, осужденное за должностное преступление’ [Мокиенко и др., 2000; Грачев, 2003, с. 3], здесь на связь с профессией указывает сема ‘должностное’.

В «Большом словаре русского жаргона» зафиксировано еще одно значение слова *интеллигент* ‘учащийся ПТУ’ с пометами ‘молодежное’, ‘уголовное’ и ‘шутливо-ироничное’ [Мокиенко и др., 2000], где также актуализируются семы ‘образование’ (уровень образованности, по-видимому, далек от образования настоящего интеллигента) и ‘профессия’ (род занятий не соответствуют представлениям о профессии интеллигента), что и обуславливает включение пометы ‘шутливо-ироничное’. Таким образом, можно предположить, что оба значения жаргонного слова *интеллигент* опосредованно связаны со значением литературного слова, которое подразумевает идентификацию человека с определенной социальной группой.

Другое значение — ‘человек, не принадлежащий к миру профессиональных преступников и не знающий их законов’ [Грачев, 2003, с. 3] — создается на основе идеи исключенности человека из социальной группы тех людей, среди которых он вынужден находиться, то есть на идее чуждости преступному миру. При этом *интеллигентом* в тюремной среде может быть назван как настоящий интеллигент (мы знаем, что в истории России есть понятие «политические заключенные», среди которых были представители интеллигенции: ученые, врачи, инженеры и др.), так и осужденный, который не является интеллигентом в традиционном для носителей литературной разновидности русского языка понимании.

Таким образом, по материалам жаргонных словарей обобщенно интеллигента можно представить как человека, осужденного за преступление, возможно, должностное, но не принадлежащего к миру «профессиональных» преступников (табл. 3).

Семантика лексемы *интеллигент* в словарях жаргона

Словарь	Безоценочные семантические множители		Семантические множители, репрезентирующие положительные качества	Семантические множители, репрезентирующие отрицательные качества
	родовая сема	дифференциальные семы на ближней периферии	дифференциальные семы на дальней периферии	
Грачёв, 2003	‘человек’	дифференциальные семы на ближней периферии ‘не принадлежащий’ ‘мир’ профессиональных преступников’ ‘не знающий их законов’		
	‘лицо’	‘осужденное’ ‘за должностное преступление’ ‘осужденный’		‘осужденное’
Мокненко и др., 2000			‘за должностное преступление’	‘уголовное’ ‘арестантское’

5.4. ЛЕКСЕМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘ИНТЕЛЛИГЕНТ’ В ЖАРГОННЫХ СЛОВАРЯХ

А. В. Щетинина

Кроме собственно лексемы *интеллигент*, в жаргонных словарях обнаруживаются слова, значения которых включают в себя сему ‘интеллигент’ (табл. 4). Эта сема может быть ядерной (следовательно, такая языковая единица синонимична слову *интеллигент*) либо дифференцирующей (тогда устанавливается опосредованная связь понятия с образом интеллигентного человека). Так, слова *головастик*, *интель*, *люмпик*, *фрав*, *фравер*, *футцан* имеют значение ‘интеллигент’ с пометой ‘уголовное’ [Мокиенко и др., 2000, с. 131, 232, 326, 630, 635], *фраверша* — ‘угол. интеллигентная женщина’ [Мокиенко и др., 2000, с. 630], *чудачок* — ‘угол. ирон. интеллигент’ [Мокиенко и др., 2000, с. 676]. К сожалению, из-за отсутствия контекстов сложно определить, с каким из 2-х значений: ‘лицо, осужденное за должностное преступление’ или ‘человек, не принадлежащий к миру профессиональных преступников и не знающий их законов’ — связаны эти слова; заметим, что, например, у слова *футцан* есть еще одно значение ‘угол. человек, не имеющий отношения к уголовному миру’ [Мокиенко и др., 2000, с. 635].

Кроме того, в «Большой словарь русского жаргона» включены номинации *бич* и *телегент*. В этих фиксациях семантика интеллигентного представлена косвенно, хотя в дефиницию вклю-

ченный признак 'интеллигентный'. Так, *бич* — это, в осмыслении носителей жаргона, аббревиатура со значением (и «расшифровкой») 'бывший интеллигентный человек' [Мокиенко и др., 2000, с. 63], в данном случае на первый план выходит семантика утраты принадлежности к интеллигенции, что соотносится с семантикой слова *бич* в словарях литературного языка 'разг. об опустившемся человеке, не имеющем постоянного места жительства и определенных занятий' [ТСРЯ XXI вв., 2008, с. 136], где также актуализируется утрата прежнего социального положения. При этом в историческом комментарии сообщается, что первоначально так называли «безработных моряков, нанимавшихся на суда на один-два рейса» (от английского *beach*) [Там же], а «в 60-е — 70-е годы XX века слово возродилось как аббревиатура: бывший интеллигентный человек» [Там же].

Посредством слова *телегент* 'арест., пренебр., ирон. неавторитетный заключенный с претензией на интеллигентность (от слова «телега»)» [Мокиенко и др., 2000, с. 584] проявление напускной интеллигентности в поведении заключенного представлено как неуместное и вызывающее насмешку, что фиксируется лимитирующими семами 'арестантское', 'пренебрежительное', 'ироничное'. Уголовная номинация *телегент* — словообразовательный гибрид, в котором отчетливо угадывается намеренное искажение облика литературного слова *интеллигент*, и в то же время с точки зрения фонетического и морфемного оформления вероятно подчеркнутая в словарной дефиниции его производность от *телега*, однако о значении этого существительного не сообщается. Можно предположить, что подразумевается *телега* 'угол. сист. вымысел, обман' (*Не есть ли "телега" всё, что рассказываете мне сейчас?*) [Мокиенко и др., 2000, с. 584] (ср. *толкнуть телегу* (*натолкать телег*) кому 'обмануть, ввести в заблуждение кого-л.', *толкнуть телегу* 'пустить утку' (*Тут недав-*

но приходила девушка-социолог из университета. Мы ей таких телег натолкали) [Там же]), поскольку в прочих значениях (хотя среди них есть такие претенденты на близость понятию интеллигентности, как ‘мысль, замысел, идея’ (*Мне здесь такая телега в голову пришла*) [Там же]) это слово функционирует в других средах — в речи молодежи, рокеров, наркоманов, «системщиков» и др. Итак, реконструируется мотивировочный признак — «тот, кто лжет, выдумывает». На наш взгляд, хорошей почвой для ассоциирования с интеллигенцией является речевая составляющая (ведь обман имеет словесное выражение, ср. также *телега* ‘мол. рассказ, история (обычно — длинная)’ [Там же]), так как уничижительное наименование *телегент*, как кажется, вполне может заслужить человек, который много, длинно говорит, как умеют люди интеллектуальных профессий.

В значениях идиоматических выражений присутствует еще несколько сем, подчеркивающих особенности характера интеллигента, находящегося в местах заключения, ‘мягкий’, ‘наивный’, ‘покладистый’. Так, *Укроп Помидорович* — это ‘лаг., шутл.-ирон. мягкий, покладистый заключенный-интеллигент’ [Мокиенко и др., 2000]. Номинация образована по модели «имя + отчество», возможно, в связи с типичным для интеллигентской среды *Вы*-обращением. Образ включает несколько составляющих. В основе этой вторичной номинации лежит ассоциирование зеленого цвета укропа с неопытностью и бестолковостью — в данном случае в уголовных делах, ср. *укроп* ‘угол. глупый, наивный человек’ [Там же]. Как отмечает Т. В. Леонтьева, «этот образ уникален тем, что в нем прослеживаются только два мотива: частный мотив “зеленый” включается в мотивационную доминанту “незрелый”, поскольку мотив “незрелый” решительно неприложим к образу укропа и присутствует здесь только на уровне ассоциации, возникающей единственно потому, что лексема *зеленый* име-

ет устойчивую коннотацию “молодой, неопытный”» [Леонтьева, 2008, с. 138]. Другая часть квазиимени — *Помидорович* — реализует все ту же растительную тематику и именно поэтому подверстывается к слову *Укрон*. С учетом аттракции на выбор производящей основы номинатором могла оказать влияние грубая сниженная лексика телесного низа *помидоры* ‘мужские яички’, ‘зад, ягодицы’ [Мокиенко и др., 2000, с. 458], тогда дериват *Помидорович*³ привносит экспрессию. По той же модели образована номинация *Баклажан Помидорович* ‘лаг., угол., ирон. или презр. заключенный, не имеющий отношения к преступному миру, как правило, кавказец’ [Мокиенко и др., 2000, с. 45].

Основу идиоматического выражения *фаршированный олень* ‘угол. наивный интеллигент’ [Мокиенко и др., 2000, с. 397] составляют зооморфная и кулинарная метафоры. В образе оленя в социуме профессиональных преступников представлен ‘человек, не принадлежащий к преступному миру’ [Там же], при этом данное значение не вступает в противоречие с другим значением ‘глупый, наивный, несообразительный человек’, что фиксируется и в дефиниции выражения *олень с развесистыми рогами* ‘наивный, неопытный человек, не принадлежащий к преступному миру’ [Там же]. При этом в идиоме *фаршированный олень* образ, названный зоонимом, усиливается метафорой начиненного чем-либо кулинарного изделия, очень характерной для лексики интеллектуальной неполноценности. Как отмечает Т. В. Леонтьева, «применительно к интеллектуально неполноценному человеку

3 В качестве слабого предположения можно говорить о том, что не исключено также притяжение с жарг. *помидор*, *красный помидор* ‘коммунист’, *помидоры* ‘внутренние войска (от красного цвета погон)’, *помидорный* ‘относящийся к внутренним войскам; *помидорные войска* ‘войска МВД’ [Мокиенко и др., 2000, с. 458], поскольку релевантный для производящей основы *помидор* мотив красного цвета способен обуславливать ассоциирование с властной средой, с советской эпохой, то есть с людьми, находящимися вне профессионального круга преступников, а именно в оппозиции к нему.

используется образ пирога без начинки <...> и образ фаршированного изделия, в котором запечатлена метафора смешанного содержимого» [Леонтьева, 2008, с. 221].

Итак, анализ жаргонных синонимов слова *интеллигент*, позволивший установить семы ‘неавторитетный’, ‘бывший’, ‘мягкий’, ‘наивный’, ‘покладистый’, подтверждает, что интеллигент для уголовного мира (а преимущественно в этой сфере и используются представленные слова) — человек чужой, не пользующийся авторитетом, находящийся за пределами (временно или постоянно) своей социальной группы. Так, на наш взгляд, создается маргинальный образ, существенно отличающийся от типажа, который представляется нам в процессе анализа материала из толковых словарей современного русского литературного языка.

Лексемы со значением 'интеллигент' в жаргонных словарях

Словарь	Безоценочные семантические множители		Семантические множители, репрезентирующие положительные качества	Семантические множители, репрезентирующие отрицательные качества
	родовая сема	дифференциальные семы на ближней периферии		
Мокиенко и др., 2000 <i>бич</i>	'человек'	дифференциальные семы на ближней периферии 'бывший интеллигентный'	—	—
Мокиенко и др., 2000 <i>голова-стик</i>	'интеллигент'	—	—	—
Мокиенко и др., 2000 <i>интель</i>	'интеллигент'	—	—	—

Мокиенко и др., 2000 <i>ломтик</i>	‘интеллигент’	—	—	—	‘уголовное’, ‘пренебрежительное’
Мокиенко и др., 2000 <i>телегент</i>	‘заключенный’	—	—	—	‘арестантское’, ‘пренебрежительное’, ‘ироничное’, ‘неавторитетный’, ‘с претензией на интеллигентность’, (от слова “телега”)
Мокиенко и др., <i>Украин</i> <i>Помидорович</i>	‘заключенный-интеллигент’	—	—	—	‘жаргонное’, ‘лагерное’
Мокиенко и др., 2000 <i>фаршированный олень</i>	‘интеллигент’	—	—	—	‘наивный’, ‘наивный’

Мокиенко и др., 2000 <i>фрав,</i> <i>фравер</i>	‘интеллигент’	—	—	—	‘уголовное’
Мокиенко и др., 2000 <i>фравер-</i> <i>ша</i>	‘женщина’	‘интеллигентная’	—	—	‘уголовное’
Мокиенко и др., 2000 <i>футцан</i>	‘интеллигент’	—	—	—	‘уголовное’
Мокиенко и др., 2000 <i>футцан</i>	‘человек’	‘не имеющий отношения’ ‘к преступному миру’	—	—	‘уголовное’
Мокиенко и др., 2000 <i>чудачок</i>	‘интеллигент’	—	—	—	‘уголовное’ ‘ироничное’

5.5. ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

А. В. Щетинина

Своеобразием отличается и представление об интеллигенте в среде носителей русских диалектов. Как известно, в традиционном крестьянском социуме значимой частью жизни является физический труд: «По мнению диалектоносителя, положительные внутренние интенции человека, направленные на труд, должны быть подкреплены его физическими и динамическими возможностями (воротила ‘очень сильный и много работающий человек’, муха ему на руку не сядет ‘об очень подвижном, работающем человеке’»)» [Еремина, 2003, с. 12]. Априори можно предположить, что человек, занимающийся умственным, не физическим трудом, оценивается особым образом — как «неработник». Так, собственно лексема *интеллигент* в диалектных словарях не зафиксирована, но есть синонимы, в том числе фонетически созвучные слова (результат искажения «чужого» литературного слова), дефиниции которых включают в себя семы ‘интеллигент’ и ‘интеллигентный’: перм. *интеллего* ‘интеллигент’ [СПГ, т. 1, с. 360], смол. *тонконожка* ‘об интеллигенте’ [СРНГ, т. 44, с. 233], перм. *безработник* ‘человек, не занимающийся физическим трудом; интеллигент’ [СРНГ, т. 2, с. 198], урал. *иньтелего* ‘интеллигентный человек, представитель интеллигентной профессии, не простой рабочий’ [Бирюков, 2003, с. 20]. В данных

дефинициях сема ‘интеллигент’ либо ‘интеллигентный’ дополняется указаниями на отношение к физическому труду — ‘не занимающийся физическим трудом’ — и к профессии, не связанной с физическим трудом — ‘интеллигентная профессия’, ‘не простой рабочий’ (то же в иллюстрации: *Когда Саша в колхоз собирался, я его одела по-колхозному. Он сперва стыдился. Все приехали в тапочках, в туфлях, интеллего-то эти и процарапались, а не робили* [СПГ, т. 1, с. 360]); кроме этого, в иллюстрации интеллигент представлен как непьющий человек: “*Мужик-от пьет у тебя?*” — “*Нет, не пьет*”, — “*Интеллего же видать мужик-то у тебя*” [Там же]).

Фонетический облик некоторых диалектных слов, хотя в словарных дефинициях этих языковых единиц нет отсылок к интеллигенции, ясно свидетельствует о том, что перед нами результат искажения чужого для носителей диалектов книжного существительного *интеллигент*: перм. *интелеле́* ‘о человеке, занимающемся легким трудом’ (*Он ведь интелеле*) [СРНГ, т. 12, с. 206], перм. (как) *интелего солóменное* ‘мало приспособлен к физическому труду’ (*Не можёт топор в руках держать, как интелего соломенное; Пол-от мьёт, дак тряпку-то двумя перстиками держит, как интелего соломенное*) [Прокошева, 2002, с. 152]. Кроме того, в неопубликованных материалах, хранящихся в лексической картотеке топонимической экспедиции Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, зафиксировано костром. *интеллигент* ‘лентяй, тот, кто отлынивает от работы’ (*Интеллигент вот этот который приезжает да ничего не делает, все работы ему нипочём, может только отдыхать: «Что ты как моден?»* [ЛК ТЭ]), в значении которого можно наблюдать генерализацию семы ‘неработающий’.

Итак, материалы диалектных словарей позволяют реконструировать специфичный для данной среды образ интелли-

гента как человека, мало приспособленного к физическому труду, имеющего профессию, не связанную с физическим трудом, в общем, — *тонконожку* — в соответствии с тем, что неучастие в физическом труде, неумение выполнять обычные для крестьянского быта хозяйственные работы подкреплено отсутствием «физических и динамических возможностей» [Еремина, 2003, с. 12], отсюда образ «тонких, слабосильных, немощных ног».

* * *

На основании анализа словарных дефиниций из разных лексикографических источников обобщенно интеллигента можно представить как человека, принадлежащего к социальной группе интеллигенции, состоящей из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом, характеризующегося стремлением к знаниям, культурой поведения, твердыми нравственными принципами (человек, принадлежащий к другой социальной группе, но обладающий этими качествами, также может считаться интеллигентом), однако при определенных обстоятельствах социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями, а также высокомерием по отношению к окружающим в силу своей образованности. В русских народных говорах, как свидетельствуют словари, интеллигент — это человек, имеющий интеллигентную профессию, мало приспособленный к физическому труду и в глазах традиционного крестьянского социума чужой для этого общества. Семантика исключенности интеллигента из микросоциума выявляется и в жаргонной лексике: в уголовном мире интеллигент представляется как человек, не принадлежащий к миру профессиональных преступников, возможно, осужденный за должностное преступление, неавторитетный, к которому социум относится пренебрежительно.

Лексемы в диалектных словарях со значением 'интеллигент'

Словарь	Безоценочные семантические множители		Семантические множители, репрезентирующие положительные качества	Семантические множители, репрезентирующие отрицательные качества
	родовая сема	дифференциальные семы на ближней периферии		
СПГ <i>интел-лего</i>	'интели-гент'	—	—	'процарапались, а не робили', 'не пьёт'
СРНГ <i>безра-ботник</i>	'человек', 'интели-гент'	'не занимающийся физическим трудом'	—	'не занимающийся физическим трудом'
СРНГ <i>интелелё</i>	'человек'	'занимающийся легким трудом' (оценка или констатация)	—	'легкий труд'

Бирюков, 2003 <i>интеллектуальные</i>	‘человек’	‘интеллигентный’		—	
Бирюков, 2003 <i>интеллектуальные</i>	‘представитель’	‘интеллигентная профессия’	‘не простой рабочий’		‘непростой человек’
Прокошева, 2002 <i>интеллектуального соломениное</i>	—	‘мало приспособлен’ ‘физический труд’	—	—	‘мало приспособлен к физическому труду’ ‘физически слабый’ ‘брезгливо относящийся к физическому труду’
СРНГ <i>тонконожка</i>	‘интеллигент’	—	‘народ называет’	—	‘тонконожка’

При этом очевидно несоответствие, допускаемое при дефинировании различающихся по гендерному критерию слов *интеллигент* и *интеллигентка*: *интеллигентка* представляется как ‘потомственная’ (по принадлежности к социальной группе), ‘профессионально занимающаяся интеллектуальным трудом’, при этом ‘изнеженная’, другие характеристики в словарях не отмечены. В большинстве источников, в том числе диалектных и жаргонных, не представлена либо сама лексема, либо ее значение.

5.6. ОБРАЗ ИНТЕЛЛИГЕНТА В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

А. В. Щетинина

Наше исследование было бы неполным, если лингвистический портрет социального типажа «интеллигент» составлялся бы только на основании материалов словарей. Как известно, и особенности личности, и отношение к ней окружающих проявляются в процессе коммуникации, поэтому, чтобы составить представление об интеллигенте, необходимо обратиться к разным видам дискурса, в которых посредством в том числе лексических единиц репрезентируются и поведение человека в процессе взаимодействия с окружающими, и аксиологические реакции последних. Исследования такого рода проводились Н. Гоголицыной, В. И. Карасиком [Gogolitsyna, 2002; Карасик, 2005], которые описывали лингвокультурный типаж интеллигента и его историческую трансформацию, в том числе и на основании дискурсивного анализа. Так, В. И. Карасик пишет, что русский интеллигент «представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого являются высокоразвитые интеллектуальность и нравственность. Этот типаж внутренне противоречив и многомерен. Его важнейшие противоречия обусловлены его позиционированием между властью и народом. Будучи этноспецифическим концептом русской

культуры, интеллигент органически сочетает в себе требование жить по высшим законам справедливости (доминанта русской культуры) и мучительный сознательный выбор вариантов поведения, соответствующего этим законам (психологически очень трудный способ самореализации). Такой выбор базируется на внутренней свободе и индивидуальной ответственности — важнейших признаках поведения интеллигента, вступающих в определенное противоречие с традиционными ценностями русской крестьянской культуры — ее смиренномудрием и собранностью» [Карасик, 2005, с 58].

В продолжение исследований данной проблематики обратимся к анализу употреблений слова *интеллигент* в газетном дискурсе XXI века. Реализуя принцип дополнительности, мы проведем детальный анализ контекстного окружения слова *интеллигент* с целью систематизации его значений и смысловых оттенков, которые отражают мнения носителей языка, представленные на страницах современных газет, поскольку пресса является одним из способов распространения социальных оценок [Богуславская, 2008, с. 46].

Материал для исследования извлекался из Национального корпуса русского языка, а также из архива автора (далее — [АА]), собранного по материалам газет «Аргументы и Факты», «Российская газета», газет и журналов издательства «Коммерсантъ» и др. Было проанализировано более 1000 контекстов, включающих в себя слово *интеллигент*. В результате выявлен спектр сем, которые, на наш взгляд, либо соотносятся с тремя выделенными нами значениями, в которые укладываются четыре трактовки образа интеллигента с точки зрения социальной принадлежности, профессиональной занятости, участия в общественной и политической жизни, личностных качеств, либо дополняют их, внося новые смысловые оттенки.

Характеристика интеллигента с точки зрения социальной принадлежности представлена следующими смысловыми оттенками:

- ‘принадлежащий к определенной социальной группе’;
- ‘образованный’;
- ‘превосходящий в умственном развитии и воспитании других людей; противопоставляющий себя (или противопоставляемый) им’;
- ‘обладающий репутацией настоящего, истинного интеллигента’;
- ‘являющийся эталоном поведения, образа жизни и т. д.’
- ‘являющийся интеллигентом вне зависимости от принадлежности к социальной группе’;
- ‘характеризующийся по принадлежности к нации, стране, культурному ареалу’.

Характеристика интеллигента с точки зрения профессиональной занятости расщепляется на следующие смыслы:

- ‘профессионально занимающийся интеллектуальным трудом’;
- ‘неуспешный в делах’;
- ‘малообеспеченный’;
- ‘неуверенный в завтрашнем дне’;
- ‘успешный, трудолюбивый, профессиональный, способный обеспечить себя и близких.’

Характеристика интеллигента с точки зрения участия в общественной и политической жизни репрезентирована посредством сем:

- ‘не стремящийся к власти, избегающий ее’;
- ‘находящийся в оппозиции к власти’;
- ‘выступающий против власти, но защищающий народ’;
- ‘неугодный власти, враг’;

- ‘способный к обладанию властью, обладающий ею’;
- ‘не занимающийся политикой, избегающий ее’;
- ‘хорошо разбирающийся в политике’;
- ‘имеющий активную жизненную позицию’;
- ‘имеющий демократические взгляды’;
- ‘находящийся под влиянием европейских ценностей’;
- ‘имеющий прогрессивные взгляды’;
- ‘вольнодумец’;
- ‘патриотично настроенный, любящий Родину’;
- ‘способным на защиту родины ценой собственной жизни’;
- ‘имеющий твердые убеждения, отстаивающий свои позиции’;
- ‘стремящийся к сохранению традиций, традиционных ценностей’.

Характеристика интеллигента с позиции обладания определенными личностными качествами сопряжена со следующими смыслами:

- ‘способный (склонный) к рефлексии’;
- ‘культурный, воспитанный человек’;
- ‘интересующийся искусством, разбирающийся в нем’;
- ‘воспитанный на русской литературе’;
- ‘добрый, порядочный’;
- ‘беззащитный, но терпеливый’;
- ‘которого легко обмануть, доверчивый’;
- ‘скромный, простой, тихий’;
- ‘серьезный’;
- ‘уравновешенный’;
- ‘с видом интеллигента’.

Как видим, в газетном дискурсе слово *интеллигент* обрастает речевыми смыслами, которые не фиксируются в словарях, а выявляются только в контекстах.

В частности, образ интеллигента с точки зрения его социальной принадлежности, реконструируемый в ходе анализа контекстов, имеет точки соприкосновения с первым, традиционным, значением слова, в котором в ядре и на периферии значения выявляются семы 'социальная группа', 'обладающие образованием и специальными знаниями', 'в области науки', 'в области культуры', 'в отличие от простых людей'. Релевантность этих сем в публицистике очевидна:

— 'принадлежащий к определенной социальной группе': *«Интеллигентская дивизия»* — так называли 8-ю Краснопресненскую дивизию народного ополчения. Она состояла из студентов и преподавателей МГУ, московской консерватории, актеров, писателей, журналистов <...> Выясняется, впрочем, что **интеллигенты**, как и другие советские части, дрались отчаянно (Н. Нехлебова. Вызволить из тлена // Огонек, 18.06.2018) [АА]; *Меньшинство же составляют предприниматели, функционеры, **интеллигенты**, которые ориентированы на Запад, так или иначе вписаны в него, хотя и могут жить лучше* (Н. Морозов. Теневая демократия // Огонек, 09.07.2018) [АА]; *Когда Никиту Михалкова назвали интеллигентом, тот открестился: «Я не **интеллигент**, я — аристократ»* (О. Бакушинская. Стеблов уже 60 лет шагает по Москве // Комсомольская правда, 2005.12.09) [НКРЯ]; *Вопрос, казалось бы, риторический, но ведь истинный **интеллигент** тем и отличается от обывателя, что постоянно сомневается и всю вину за несовершенство мира и человека берет на себя* (Л. Лебедина Любовь. Роман по телефону // Труд-7, 2005.01.26) [НКРЯ]; *Краснея от собственной решительности, потомственный **интеллигент** продолжал: — У российских граждан возникают проблемы с документами, если в одних случаях буква «Ё» указана, а в других нет!* (А. Рябцев. Букву «Ё» вернут народу // Комсомольская правда, 2007.04.17)

[НКРЯ]; — *Вы из таких разных кругов — ваш папа был шофером, мама — из служащих, а Катя — из династии философов, филологов, композиторов* (С. Бирюков. Владимир Васильев ... // Труд-7, 2010.04.18) [НКРЯ]; *По сюжету семья пролетариев Себейкиных (Вячеслав Невинный и Ксения Минина) получает квартиру в новом 12-этажном доме, где уже проживают интеллигенты Полуорловы (Александр Калягин и Ирина Мирошниченко)* (О. Шаблинская. Снимали летом за 14 дней. Как создавался фильм «Старый Новый год», 14.01.2017) [АА] и др.;

— ‘образованный’: *Не сумели эти нововведения угробить тот образованнейший человеческий материал, который у нас существует. Им за одно это уже можно памятник поставить. Не за Магнитку, не за стадион «Лужники» или космодром Байконур. А за всех тех интеллигентов на кухне, которые всё знают, во всём разбираются. И которые сумели правильно воспитать своих детей* (Ю. Шигарева. Алексей Пиманов: никакая перестройка не отменит мам, бабушек и прабабушек // Аргументы и факты, 22.04.2016) [АА]; *Мы оба интеллигенты-гуманитарии, оба принимали участие и в войне в Приднестровье, и в первой чеченской* (А. Бородай. Александр Бородай: я могу вернуться, но не на Донбасс, а уже в Киев // Аргументы и факты, 11.04.2016) [АА].

Образование и социальная принадлежность обуславливают противопоставление интеллигентов прочим социальным слоям, классам, группам; интеллигент оценивается как человек:

(1) ‘превосходящий в умственном развитии и воспитании других людей; противопоставляющий себя (или противопоставляемый) им’: *И ведь известно, что Египты и прочие сады Семирамиды предпочитают в Европе те, кому наши интеллигент по их умственному развитию руки подавать не должен. Но куда там, хуже нашего быдла ни-*

чего быть не может, «заехала в отель, одни русские, ужас» — а ты, девочка, не шведка часом? (Е. Арсюхин. Миссия интеллигенции: изгадить себе жизнь, а потом ныть белугой // Комсомольская правда, 2014.02.23) [НКРЯ]; Так возник памятник Воровскому — пожалуй, самый интересный, о нем можно очень много говорить. Но у многих прохожих этот памятник вызывает усмешку. У людей, мягко говоря, непросвещенных многое вызывает смех. А **интеллигент** увидит весь трагизм, почувствует энергию (М. Зубов. Ничего сносить не нужно // Труд-7, 2004.09.08) [НКРЯ]; Дамы были в восторге: — Вы чо, правда **интеллигент**? Во... твою мать! А с виду и не подумаешь, вроде нормальный! Особо прелестны дамы-кассириши на маленьких станциях (Прокатился я по БАМу, повидал комедь и драму // Комсомольская правда, 2001.06.16) [НКРЯ] и др.;

(2) 'обладающий репутацией настоящего, истинного интеллигента': **Настоящий интеллигент** не только почти всегда проигрывает, но и умеет держать себя при этом красиво (О. Бакушинская. «9 рота» еще раз шагнула // Комсомольская правда, 2006.03.20) [НКРЯ]; Это врач старой закладки, **настоящий интеллигент**, мы не верим в его виновность, все его действия соответствовали утвержденному Минздравом РФ порядку», — уверяют в диспансере (А. Родионов. На Урале врачи наркодиспансера заявили о вопиющем факте милицейского беспредела // Новый регион 2, 2011.01.14) [Там же]; Многие называли его коренным одесситом, другие — великим русским **интеллигентом**, а третьи — ходячей энциклопедией (Е. Яковлева. Механик из высшего общества. Самая яркая роль Виктора Ильченко // Аргументы и факты, 02.01.2017) [АА] и др., — и соответственно 'являющийся эталоном поведения, образа жизни и т. д.': **Истинный интеллигент**, он (Д. С. Лихачев) был примером настоящего Человека (Л. Безрукова. Звезда Лихачева // Труд-

7, 2006.03.09) [НКРЯ]; *Великий русский интеллигент Дмитрий Сергеевич Лихачев никогда не избегал общения с властью — я сам присутствовал на его оживленной беседе с Президентом* (М. Захаров. Суперпрофессия) [НКРЯ]; *С годами из всей интеллигенции первого поколения выкристаллизовывается только один идеальный русский человек — Антон Павлович Чехов. Он подкупает меня, во-первых, тем, что сам себя сделал. Интеллигент первого поколения — классика. Он не лез ни в какие политические игры. Строил школы, больницы, работал земским врачом, предпринял поездку на Сахалин и описал, как там живут люди. И, прожив всего 44 года, написал столько книг!* (М. Ремизова. Владимир Меньшов: Я не смог бы снять «Дневной Дозор»! // Комсомольская правда, 2006.01.24) [НКРЯ]; *В нашей истории было много достойнейших борцов за свободу, но образ несгибаемого интеллигента Андрея Дмитриевича Сахарова останется в ней как новый социальный идеал, несмотря на все спекуляции на его имени после его смерти* (А. Шарафутдинова. Гений, безумец и утопист: мнения современников об академике Сахарове, 21.05.2016) [АА] и др.

На богатом материале можно проиллюстрировать контекстные воплощения семантемы ‘являющийся интеллигентом вне зависимости от принадлежности к социальной группе’, которая соотносится со вторым значением слова *интеллигент* — ‘человек, который характеризуется стремлением к знаниям, культурой поведения, твердыми нравственными принципами вне зависимости от его принадлежности к какой-либо социальной группе’: *Жена Гердта, Татьяна Правдина, вспоминала о муже, что он был взрывной, все-таки сам себя сделавший человек, из еврейского местечка, не имел высшего образования и при этом истинный интеллигент* (О. Кучкина. Зяма // Комсомольская правда, 2006.09.21); *Для меня интеллигент — это и плотник из Кижей,*

и лесник в тайге, и спортсмен, и художник, а вовсе не каста или секта, о которой некогда говорил Бердяев (В. Потресов Владимир. Не обзывайте меня «интеллигентом» // Труд-7, 2006.01.24); *Богатый «интеллигент от бизнеса», мол, ищет отдохновения среди себе подобных, предпочитая за свои кровные демократичную элегантность менее пафосных отелей с вышколенным персоналом* (О. Шевцов. На пляж в Сен-Тропе наши летают на вертолете // Комсомольская правда, 2006.08.24) [НКРЯ] и др.

В публицистических текстах XXI века интеллигент, не принадлежащий к социальному слою интеллигенции, представлен как человек, обладающий следующими личностными качествами:

(а) ‘культурный, воспитанный’: *Замечали: интеллигент всегда даже ругается на «вы»* (У. Скойбеда. Хроники рассерженной москвички... // Комсомольская правда, 2007.12.08); *Невоспитанный человек запросто может пойти и дать соседу в глаз. А интеллигент вытерпит и... заболевает* (И. Воронова. Тишины хочу! // Труд-7, 2006.05.25) [НКРЯ]; *Я тоже с гашиниками всё время разговоры вёл... В душе считал их интеллигентами среди милиции: «Благодарю вас, будьте осторожны, там поворот, пожалуйста»* (О. Шаблинская. Михаил Жванецкий: прохождение ЧМ по футболу в России освежает патриотизм // Аргументы и факты, 12.06.2018) [АА]; *Бывало, конечно, что люди, узнавая, позволяли себе бесцеремонность, вели себя с ним как со «своим в доску парнем». Но и тогда отец оставался интеллигентом, сдерживался* (Т. Уланова. «Рана так и не зажила». 8 лет назад ушёл из жизни Вячеслав Невинный // Аргументы и факты, 31.05.2017) [АА]; *Вот можешь в сердцах обзвать интеллигента нехорошим словом, а в свой адрес услышишь только: «Да что вы, право слово!»* (А. Дмитриев. Театрал на футболе. Каким водителям подойдёт Kia see`d? // Аргументы и факты, 23.06.2016) [АА];

(б) ‘порядочный’: *Думаю, Пильгуй* (советский футболист, вратарь. — А. Щ.) *добился бы больших высот, будь наглым. А он **интеллигент**. Добрый и порядочный* (Р. Карманов. Хранитель перчаток Яшина // Советский спорт, 2013.01.28) [НКРЯ];

(в) ‘скромный, простой, тихий’: *Второй муж Ларисы, Григорий, — душечка и тихий **интеллигент*** (Н. Варсегов. Тяжкая доля выпала мне... // Комсомольская правда, 2006.08.09) [НКРЯ]; *Он [Пепеляев] не был ни фанатичным аскетом, ни расчетливым честолюбцем, демагогически выставляющим напоказ свою житейскую непритязательность — он был военным **интеллигентом** с глубоко укоренившейся привычкой к скромному быту и простым искренним отношениям* (Е. Яковлева. «Зимняя дорога» Юзефовича. Отрывок из книги автора «Тотального диктанта» // Аргументы и факты, 02.03.2017) [АА]; *Добрый, мудрый **интеллигент** навсегда остался в моей памяти* (Он специально учил язык, чтобы разговаривать с Пеле... // Советский спорт, 2011.01.18) [НКРЯ]; *Про Рапота* (российский государственный и политический деятель, генерал-лейтенант запаса. — А. Щ.) *Хинштейн говорит, что это человек «исключительной скромности, **интеллигент** в лучшем смысле этого слова, настоящий интеллеktуал»* (А. Стасов. Полпреда-прокурора сменил полпред-разведчик // Известия, 2008.05.22) [НКРЯ];

(г) ‘беззащитный, кроткий человек’: *Слишком беззащитен в России **интеллигент** — терпит многие подлости безропотно* (Культовый роман Булгакова наконец экранизирован // РИА Новости, 2005.12.20) [НКРЯ]; *Одно дело — затаскивать в кутузку «гуляющих по бульварам» **интеллигентов**, а другое — сдерживать недовольство рассерженных народных масс* (В. Костиков. Кто там шагает правой?левой!левой! // Аргументы и факты, 10.05.2018) [АА] и др.;

(д) ‘которого легко обмануть, доверчивый’ (возможно в силу указанных выше качеств): *Конечная сумма за ремонт зависит от пола и темперамента клиента. Если Александра встречает крепкий матерящийся мужик, то больше тысячи рублей мастер с него не возьмет. А если, к примеру, женщина или **интеллигент**, то может запросить и две, и три тысячи* (С. Подолий. Откровения мастеров. Как обманывают при ремонте компьютеров и смартфонов // Аргументы и факты, 24.05.2018) [АА] и др.

В то же время интеллигент — это человек, ‘имеющий твердые принципы’: *Может быть, небанален сам Безукладников, **интеллигент**, который не встает в позу обиженно-го жизнью, не вступает в конфронтацию с миром товарно-денежных отношений, а играет по его правилам, но остается при этом самим собой* (У нас мало интеллигентных актеров // РБК Daily, 2009.06.08) [НКРЯ]; *Это ли не мечта каждого порядочного **интеллигента** — делать что должно и к чему лежит душа, сохранить душевную чистоту и равновесие, жить спокойно, умереть своей смертью, а время рассудит и истолкует* (А. Толстова. Тихие виды // Коммерсантъ. Weekend, 25.08.2017) [АА].

Отметим, что в проанализированных контекстах либо не выявляется принадлежность человека, о котором идет речь, к интеллигенции как социальной группе («это ли не мечта каждого порядочного **интеллигента**» и др.), либо подчеркивается интеллигентность людей, не принадлежащих к данной группе («он был военным **интеллигентом**», «**интеллигентами** среди милиции» и др.). В любом случае и интеллигент как представитель своей социальной группы, и человек, не принадлежащий к группе интеллигенции, в первую очередь наделяются чертами, которые позволяют оценивать их положительно, маркируя как представителей общества, по-своему исключительных.

Кроме того, интеллигент, прежде всего как представитель социальной группы, — это человек, отличающийся следующими чертами:

(1) ‘воспитанный на русской литературе’: *Как всякий интеллигент вы воспитывались на русской классике* (Л. Лебедина. Из комика в наполеоны // Труд-7, 2006.07.29) [НКРЯ]; *Хорошо забытый старый советский или, точнее, русский интеллигент. В котором видно происхождение из военной семьи, воспитание на хорошей русской литературе* (Б. Межуев. Алексей Чалый и его стратегический выбор // Известия, 2014.04.15) [НКРЯ] и др.

(2) ‘интересующийся искусством, разбирающийся в нем’: *В программу вошли как активные события для любителей проводить время спортивно, так и мероприятия для интеллигентов, желающих насладиться искусством* (Д. Галеева. Дайвинг, гольф и фестивали... // Аргументы и факты, 12.12.2016) [АА]; *В тот день, когда я оказался на выставке, напротив картины «Предостережение интеллигента», скрестив руки, сидел на стуле бородастый мужчина в очках. Интеллигент. Выпросил у зрителей стул. Я уже уходил, а он все еще сидел. Наверное, именно так и надо разглядывать каждую картину Филонова, считавшего свое искусство и свою школу «аналитическими»* (В. Викторов, Картины Филонова привезли в Екатеринбург // Комсомольская правда, 2009.08.19) [НКРЯ] и др.;

(3) ‘способный (склонный) к рефлексии’: *Новосельцев (Андрей Мягков) рефлексирующий советский интеллигент средних лет, оставленный женой с двумя сыновьями на шее* (А. Нечаев. Новый «Служебный роман»: Ходченкова против Фрейдлих // Комсомольская правда, 2011.03.16) [НКРЯ]; *Двух антиподов — записного героя-любownika Игоря Цвирко и рефлексирующего интеллигента Дениса Савина — бенефис соединил*

в мировой премьеры спектакля «Юг» на музыку Пьяцоллы и других менее известных авторов (Прогресс вне плана. «Пьеса для него» в Большом театре // Коммерсантъ. Культура, 28.04.2018) [АА]; **Интеллигент** — искатель ускользающей истины (Сергей Маковецкий)... (С. Тыркин. Михалков заговорил по-чеченски // Комсомольская правда, 2007.09.07) [НКРЯ]; *В отличие от предшественника — режиссера с мировым именем Станислава Говорухина, который являл собой образ больше мечущегося интеллигента, нежели патриота-государственника, — у Елены Ямпольской, что называется, рука не дрогнет* («Другого пути у России нет»... // Коммерсантъ, 25.07.2018) [АА] и др.

Позитивные качества интеллигента делают его привлекательным и для матримониальных отношений, требование интеллигентности предъявляется к потенциальным участникам брачных отношений как в XXI веке, так и в прошлом столетии. Так, исследователи современных брачных объявлений, например, выяснили, что «расширение круга требований современной женщины формирует образ метросексуала — ухоженного, *интеллигентного* (курсив наш. — А. Ш.), образованного, следящего за своей фигурой и модными тенденциями мужчины: спортивный мужчина с хорошей фигурой, приличным достатком и чувством юмора; активный; интересный собеседник; достойный кавалер с высшим образованием и хорошей зарплатой; начитанный, темпераментный мужчина с крепким здоровьем и собственным жильём; весёлый, энергичный; целеустремлённый» [Сюй Шаньшань, 2016, с. 116]. Среди перечисленных признаков можно выделить те, которые традиционно репрезентируют образ интеллигента («образованный», «достойный кавалер» <читай «воспитанный, культурный»>, «с высшим образованием», «начитанный», «целеустремлённый»), и те, которые нетипичны для образа интеллигента («ухоженный», «со спортивной фигурой», «весёлый», «тем-

пераментный», «с крепким здоровьем», «хорошей зарплатой» и «собственным жильём»), но вполне вписываются в образ интеллигента, который представлен в современных публицистических текстах как состоявшийся в социальной сфере (см. далее значения 'успешный, трудолюбивый, профессиональный человек, способный обеспечить себя и близких' и 'способный к обладанию властью, обладающий ею') и внешне привлекательный человек, например: *одетого с иголки, идеально причесанного, холеного здоровяка с видом интеллигента* (о В. Кличко) [АА].

Интересно, что требования женщин к кандидату в мужа в брачных объявлениях начала XX века в целом несущественно отличались от запросов сегодняшнего дня. В объявлениях из «Брачной газеты», представленных в НКРЯ, требование интеллигентности зафиксировано практически в каждом втором послании, при этом лексемы *интеллигент*, *интеллигентный*, номинирующие требуемые характеристики, стоят в ряду таких характеристик, как возраст, внешние данные, личные качества и др.: *Шлю призыв к совместной брачной жизни, озябла душой в одиночестве. Я труженица, 35 л., но материальных целей не преследую. Желателен интеллигент, подходящего возраста, нравственно здоровый, честный, может быть вдовец с детьми* (Объявления // «Брачная газета», 1908) [НКРЯ]; *Я одинока. Тоскливо и однообразно тянется день за днем. А ведь мне так безумно хочется, чтобы жизнь протекала веселым праздником, желаю познакомиться в целях замужества с молодым, интеллигентным, образованным, здоровым человеком* (Объявления // «Брачная газета», 1910) [Там же]; *Отзовись пожилой, одинокий, обеспеченный, добрый интеллигент на зов бедной, скромной, серьезной, физически небезобразной провинциалки* (Объявления // «Брачная газета», 1912) [Там же]; *Я интеллигентная барышня, мне 23 года, шатенка, с синими глазами,*

*средний рост, изящная, но не имея знакомства желаю, в целях замужества, познакомиться с брюнетом, высокого роста, стройным, с гладким лицом, без усов и бороды, обязательно **интеллигент** и состоятельный* (Объявления // «Брачная газета», 1912) [Там же] и др. В проанализированных объявлениях, несмотря на некоторую разницу в отдельных требованиях, создается образ интеллигента как привлекательного, образованного, нравственного, доброго и состоятельного человека.

Представленные выше личные характеристики маркируют человека, не принадлежащего к социальной группе интеллигенции, но обладающего личностными качествами, исключительно положительными, позволяющими идентифицировать его как интеллигента.

Однако представитель социальной группы интеллигенции может проявлять как позитивные, так и негативные черты, что фиксируется в ряде словарей [см.: БТСР, 1998, с. 395; Ушаков, т. 1, стб.1214; Химик, 2004; Язык Совдепии, 1998, с. 230] и в составленной нами словарной статье (выявляются семы ‘безволие’, ‘колебание’, ‘сомнения’, ‘приспособленчество’). «С названными положительными признаками резко диссоциирует признак отрицательный: “нерешительный, безвольный, колеблющийся, сомневающийся”», — пишет В. И. Карасик [Карасик, 2005, с. 35]. Он объясняет появление данных характеристик, с одной стороны, через комбинацию признаков «профессиональный умственный труд» и «нерешительность», а с другой стороны, ролью русского интеллигента в историческом процессе, в частности в период революций, и восприятием интеллигента представителями других социальных групп (дворянством, крестьянами) [Там же, с. 35—38]. Такое сочетание позитивных и негативных качеств интеллигента комментируется в прессе: *С легкой руки многих русских писателей — в первую очередь Чехова — термин «интеллигент» стал*

синонимом умного, хорошего, высокоморального, но безвольного, вялого, непригодного ни к каким свершениям человека (К. Бенедиктов. Смерть интеллектуала // Известия, 2013.05.22) [НКРЯ]; **Интеллигент**, умница, книжник, само воплощение мягкости, деликатности, терпимости и других достойных качеств, переходящих, увы, порой в нерешительность, прекраснодоушие, опасное безволие (Л. Павлючик. Гармония на крови? // Труд-7, 2000.07.21) [НКРЯ] и др.

Однако в современных контекстах появляются и совершенно неожиданные, на первый взгляд, черты: жестокость, грубость, — которые находятся в оппозиции к таким ключевым характеристикам интеллигента, как доброта, порядочность (Помню, когда один православный **интеллигент** радовался землетрясению в Армении как Божьей каре за карабахский протест (Б. Межуев. Назло бабушке // Известия, 2012.08.20) [НКРЯ]; Воспоминания о том, как **интеллигент** Рылеев рассуждал о целесообразности уничтожения царских детей, а **интеллигент** Муравьев-Апостол с группой товарищей зверски топтал ногами и истязал с помощью штыка своего безоружного полкового командира, уже давным-давно в кругу русской интеллигенции считаются абсолютно неуместными (Добро и зло. Еще раз о русской интеллигенции // РИА Новости, 2006.07.17) [НКРЯ]; Ганс Риц, выпускник университета, сын немецкого профессора, своими «подвигами» не бравировал. Он убеждал судей, что происходящее в Харькове ему очень не нравилось, но он вынужден был выполнять приказы непосредственных начальников. Исполнительный **немецкий интеллигент** умертвил десятки харьковчан (А. Сидорчик. Харьковский процесс. Дорога к Нюрнбергу началась в декабре 1943 года // Аргументы и факты, 11.12.2017) [АА] и др.) и высокий уровень культуры поведения, воспитанность: Речь Козаков пересыпал матерком, причём

делал это с нескрываемым наслаждением. Объяснял, что настоящие **интеллигенты** всегда «так выражались» (О. Шаблинская. Неудобные вопросы. Чем не угостил Михаил Козаков и что переписал Гафт, 15.04.2018) [АА]; *Я глубоко пьющий и активно матерящийся русский интеллигент с еврейским паспортом и полунемецкими корнями. Матерюсь профессионально и обаятельно, пью профессионально и этнически точно, с женщинами умозрительно сексуален, с коллегами вяло соревновательно тщеславен* (А. Балуева. Александр Ширвиндт: «Я испортил жизнь только одной женщине!» // Комсомольская правда, 2013.04.09) [НКРЯ]; *Рустем ответил, что никогда не занимался публичной политикой, чем вызвал оторопь и недоумение и попросил, чтобы от него «отстали». — Не отстану... вы публично взяли на себя ответственность, за вас проголосовали тысячи. А теперь вы им: «отстаньте», — возмутился член движения «Солидарность» Олег Козловский и был немедлен, хоть и с обращением на «вы»* (Адагамов — **интеллигент**), послан напрямую на три буквы (С. Полосатов. Рустем Адагамов обосновался в Праге // Комсомольская правда, 2013.03.01) [НКРЯ] и др.

Грубость как особенность поведения интеллигента стала темой для анекдотов, например: *В консерватории во время исполнения 5-й симфонии Бетховена один интеллигент обращается к другому: — Простите великодушно, это не вы только что сказали «Шлеп твою мать»? — Нет, что вы, как вы могли подумать! — Тысяча извинений, должно быть, музыка навеяла...* (Д. Быков. Музыка навеяла // Труд-7, 2008.09.18) [НКРЯ]. Кроме того, в анекдотах обыгрывается умение применять физическую силу в конфликтной ситуации, когда необходимо постоять за себя: *Народный интеллигент — это человек, который может не только понять тонкий намек, но и дать за него в глаз* (Анекдоты в номер // Комсомольская правда, 2007.12.04)

[НКРЯ] (обратим внимание, что такой человек не случайно оценивается прилагательным «народный», которое выводит его за пределы интеллигенции как социальной группы). В то же время признак воспитанности в анекдотах тоже зачастую связан с обыгрыванием речевой сдержанности: *Кто такой интеллигент?* — *Это тот, кто в темной комнате, наступив на кошку, называет ее кошкой* (Анекдоты в номер // Комсомольская правда, 2007.09.21) [НКРЯ].

Отметим, что, на наш взгляд, во включении характеристик, связанных с проявлением жестокости и грубости в словарную дефиницию, конечно же, нет необходимости, поскольку нельзя рассматривать эти качества как ключевые, маркирующие человека как интеллигента. Вообще негативные характеристики свидетельствуют скорее об обратной стороне возможных проявлений личности, которые априори не относятся к числу конституирующих признаков интеллигента как представителя социальной группы. По сути первое значение, сформулированное нами на основе материалов толковых словарей, имеет нейтральный характер, поскольку лишь констатирует принадлежность человека к социальному классу, а наши знания о качествах интеллигента имеют экстралингвистический характер. С другой стороны, словарные фиксации комплекса негативных характеристик интеллигента ('презрит. человек, поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями, приспособленчеством'), на наш взгляд, вполне оправданы устойчивостью таких представлений, связанной с тем, что историческая роль интеллигенции (безусловно, значимая, о чем свидетельствуют непрекращающиеся дискуссии в научных работах, на страницах СМИ, а в настоящее время и в виртуальном пространстве интернета) оценивалась государством и обществом по-разному. Для XX века, особенно его первой половины, это значение является актуальным и во

многим определяющим для понимания произведений, посвященных судьбам интеллигенции.

В то же время это значение, возможно, требует уточнения: ‘презрит. человек, относящийся к социальной группе интеллигенции, поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями, приспособленчеством’, поскольку данные негативные характеристики прочно закрепились за представителем именно социальной группы интеллигенции. В высказываниях, включающих слово в этом значении, всегда подразумевается прежде всего классовая принадлежность человека, и уж затем «встроенные» в образ негативные черты.

Противоречивость характеристик интеллигента проявляется в устойчивых представлениях о его участии в общественной и политической жизни. Как утверждает В. И. Карасик, типаж интеллигента внутренне противоречив, причем важнейшие противоречия обусловлены его позиционированием между властью и народом [Карасик, 2005, с. 58], при этом традиционно интеллигент находится в оппозиции к власти. Так, он репрезентирован как человек, ‘не стремящийся к власти, избегающий ее’: *Интеллигент, идущий во власть, — это нонсенс, это противоречит традиции российской интеллигенции, интеллигент оперирует нормами морали, — считает г-н Никонов* (Из кухни во власть // РБК Daily, 2007.05.17) [НКРЯ]; *Мое твердое убеждение: если ты интеллигент, очкарик, то держись подальше от царей, будь поближе к народу* (М. Садчиков. Из поколения очкариков // Труд-7, 2006.02.18] и др.; а также как человек, ‘выступающий против власти’: *Совет Народных Комиссаров не мог, разумеется, потерпеть того, чтобы кучка интеллигентов срывала путем бомб и ребяческих заговоров волю Рабочего класса и крестьянства в вопросе войны и мира* (Е. Жирнов. «Безумная и бесчестная авантюра» // Коммерсантъ, 14.07.2018); *Ин-*

интеллигенты большевиков людоедами выставляют, а попробуй без палки» (Коммерсантъ, 26.06.2018) [АА]; *Здесь начинает действовать другой принцип: руководство нашей страны никогда не идет ни у кого на поводу. И, тем более, у либеральных интеллигентов. Суд в данном случае — это тоже власть, так что разницы здесь нет никакой* (Д. Дридзе. «Это должно выглядеть как простое уголовное дело, а не как вызов устоям» // Коммерсантъ. Радио «Ъ FM», 31.05.2018) [АА].

При этом в ряде контекстов оппозиция к власти обосновывается совестью интеллигента: ‘совестливый, находящийся в оппозиции к власти’: *Стараюсь оппозиционные сайты читать. Ведь что такое интеллигент? Это чисто российское понятие: приоритет совести над разумом* (О. Пономарева. Станислав Садальский... // Комсомольская правда, 2009.04.10) [НКРЯ]; *А умный — тот, кто умеет приспособиться. Приспособленцем русский интеллигент никогда не был. Поскольку русская власть вечно несправедлива, еще одним качеством интеллигента была повышенная, до бессонницы совесть* (С. Лесков. Интеллигенция без шляпы // Известия, 2005.07.21) [НКРЯ] и др.

Кроме того, в некоторых контекстах интеллигент представляется как человек, который, находясь в оппозиции к власти, считает себя защитником народа (‘выступающий против власти, но защищающий народ’: *Народа как чего-то отдельного у нас нет, его интеллигенты придумали, чтобы выставить себя «защитниками обиженного народа» от «плохого государства»* (С. Кордонский. Кризиса у нас нет // Аргументы и факты, 23.09.2016) [АА]) и др. Как результат оппозиционности интеллигента по отношению к государственной власти он становится ‘неудобным власти, врагом’: *Ведь в лагере содержались не только арестованные по 58-й статье контрре-*

волюционеры, то есть интеллигенты, «лишние люди», царские офицеры, но и урки, закоренелые преступники (В. Кожемякин. Чемоданы Лихачёва. Каким был на самом деле выдающийся филолог? // Аргументы и факты, 04.01.2017) [АА] и др. Взаимоотношения интеллигента с властью непосредственно связаны с тем, что он выражает свое мнение о проводимой этой властью политике.

На этом фоне возникает оппозиция двух характеристик: с одной стороны, ‘не занимающийся политикой, избегающий ее’ (*Интеллигент первого поколения — классика. Он не лез ни в какие политические игры* (М. Ремизова. Владимир Меньшов: Я не смог бы снять «Дневной Дозор»! // Комсомольская правда, 2006.01.24) [НКРЯ] и др.), с другой стороны, ‘хорошо разбирающийся в политике’ (*Более квалифицированного выступления о международной политике услышать сейчас трудно. Удивительный интеллигент. В нем русскость и светскость уживаются с энциклопедической широтой знаний* («Это дума никогда не собиралась... // Новый регион 2, 2007.11.15) [НКРЯ] и др.).

Интерес к политике во многом обуславливает представление об интеллигенте как человеке:

— ‘имеющем активную гражданскую позицию’: *Активисты тогда заявили, что Солженицын русофоб, устроили в городе пикеты и отправили властям области письмо, с требованием не допустить установки памятника писателю. Против активистов выступила ростовская интеллигенция — преподаватели Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, писатели и культурные деятели. Они отмечали большой вклад писателя в развитие русской литературы. Однако к интеллигентам не прислушались, и в октябре администрация Ростова-на-Дону заявила об отказе*

в установке памятника (Н. Королев. Ксения Собчак попросила губернатора Ростовской области установить памятник Александру Солженицыну // Коммерсантъ, 25.06.18) [АА] и др.;

— ‘имеющем демократические взгляды’: *Медведев, как интеллигент, привержен демократическим принципам организации жизни государства* (С. Киреева. Юрий Лужков... // Труд-7, 2007.12.28) [НКРЯ];

— ‘находящемся под влиянием европейских ценностей’: *Европеизированный интеллигент — профессор, математик, никогда не отличался авторитарными замашками* (С. Юрьев и др. Мы теряем Киргизию? // Комсомольская правда, 2005.03.22) [НКРЯ] и др.;

— ‘имеющем прогрессивные взгляды’: *Традиционно русский интеллигент ориентировался на европейского коллегу, перенимал прогрессивные взгляды. Эти взгляды были сформулированы историей христианской, социалистической, гуманистической мысли* (М. Кантор. Шаг налево — два шага направо // Известия, 2005.09.27) [НКРЯ];

— ‘являющемся вольнодумцем’: *Ничем русской интеллигенции не поможет и церковь. И дело не только в том, что русский интеллигент традиционно был вольтерянцем. Лично я не вижу непреодолимого противоречия между верой в Господа и интеллигентностью* (Что будет в России без интеллигенции? // РИА Новости, 2009.04.27) [НКРЯ]; *И опять средства массовой информации остро требуются интеллигенты. Ведь что такое интеллигент, зачем ему нужны смелость и честность? Чтобы говорить и писать то, что думает* (О. Соломонова. Не оппозиция нужна, а позиция // Труд-7, 2001.03.24) [НКРЯ]; *Грандиозные начинания всегда сопровождают мифы. Один из них о том, что Академгородок — клапан для выпуска энергии интеллигентво-вольнодумцев* (К. Клещин. «За какие грехи тебя сослали?»). Как

строили новосибирский Академгородок // Аргументы и факты, 02.10.2017) [АА].

Интеллигент — имеющий большое влияние участник общественно-политической жизни, и в этой ипостаси ему свойственны две характеристики:

— ‘человек твердых убеждений, отстаивающий свои позиции’: *И вообще умирать не обидно ради доброго дела, ради спасения людей. А из-за чуждой непорядочности не хочу я умирать. Так что с этими жуликами буду бороться до конца, сколько сил хватит. Слово свое тихий и доверчивый **интеллигент** Сергей Аветисян намерен сдержатъ. По его заявлению ОБЭП одного из московских округов провел проверку, сейчас материалы дела переданы в прокуратуру (С. Сухая. Кто защитит кукольника // Труд-7, 2007.01.11); — *Нарушаются права человека! — зловеще начал он. Зал замер. Краснея от собственной решительности, потомственный **интеллигент** продолжал: — У российских граждан возникают проблемы с документами, если в одних случаях буква «Ё» указана, а в других нет! Людей третируют! Прошу поддержки у президента Путина и у нашего высокого собрания! Фурсенко, скрывая улыбку, успокоил присутствующих: — Дело действительно серьезное (А. Рябцев. Букву «Ё» вернут народу // Комсомольская правда, 2007.04.17) [НКРЯ];**

— ‘стремящийся к сохранению традиций, традиционных ценностей’: *Питерская интеллигенция сейчас расколота. Половина выступает против «Охта центра», половина — за. — Я думаю, что подлинная интеллигенция против башни, — вздохнул поэт Александр Кушнер. — Академик Лихачев был настоящий **интеллигент**, и он был категорически против таких проектов. Даже советская власть не решилась разрушить панораму города (А. Горелик и др. Митинг пропел песни*

против «Охта центра» // Комсомольская правда, 2009.10.10); *Современный интеллигент более рационалистичен, «приземлен», но он по-прежнему считает духовные ценности и моральные принципы интеллигенции первой половины прошлого века своими. Знаю, что такие люди есть, и высоко ценю счастливую возможность общаться с ними, работать вместе* (А. Кузнецов. Интеллигенция и ее отсутствие // Известия, 2006.07.31) [НКРЯ].

Как отмечалось выше, традиционно интеллигент рассматривается в оппозиции к власти, однако в современных текстах довольно часто можно встретить репрезентацию признака интеллигента как человека ‘способного к обладанию властью, обладающего ею’, причем в отношении не только персоналий начала XX века (Луначарский, Чичерин и др.), но и современных руководителей, и пребывание интеллигента во власти рассматривается преимущественно положительно: *В конце концов «замечательный киргиз» стал главой страны, хотя, казалось бы, для того совсем не был приспособлен. Самое удивительное в этом то, что интеллигент Акаев сумел продержаться в президентском кресле аж 15 лет* (О. Джемаль. Призрак переворота // Известия, 2012.10.04) [НКРЯ]; *Ему вторит бывший посол Грузии в России, сын классика грузинской литературы, интеллигент до кончиков пальцев Зураб Абашидзе: «Обе стороны несут ответственность, каждая — свою долю»* (Е. Ямпольская. Вина Грузии // Известия, 2006.06.15) [Там же]; *Интеллигент по своему социальному положению (Гатов начинал свою трудовую деятельность учителем) он еще в довоенное время поднялся до руководителя областного масштаба, затем член Военного Совета, генерал и снова — председатель облисполкома в степном Причерноморье* (А. Петров Анатолий. Власть разума // Труд-7, 2002.12.03) [НКРЯ]; *Кто из большевиков на вершине властной пирамиды (сразу же после Октября) был молотобойцем? По-*

томственный **интеллигент** Ульянов? (Добро и зло. Еще раз о русской интеллигенции // РИА Новости, 2006.07.17) [НКРЯ]; *Положа руку на сердце, конечно, хочется видеть на «чеченском престоле» интеллигентного, тихого и светского лидера, а не бородатого набожного парня. Найти такого чеченского **интеллигента** можно легко. В крайнем случае — посадить в Грозный русского наместника. Только и наместник, и **интеллигент** будут прятаться от чеченского народа за стеной блокпостов* (А. Гамов и др. Рамзан Кадыров... // Комсомольская правда, 2006.05.30) [НКРЯ]; ***Интеллигент**, которому доверено распоряжаться судьбами других людей. После сталинских «железных наркомов», после руководителей, главной характеристикой которых были строки поэта Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей», — на сцене появился умный, порой нерешительный человек, искренне верящий, что не абстрактные догмы государственной пользы, а внимание к людям, к их бедам, недостаткам и радостям — только это и есть гарантия благополучия всего общества...* (И. Радова. Новые интеллигенты из Петербурга // Труд-7, 2000.07.06) [НКРЯ]; *За нынешнюю новую ступеньку в карьере бывшего начальника раздольцы уже успели поднять рюмку. Секретарша Анна Минаева вспоминает, что среди всех ее начальников Виктор Зубков был самым педантичным — не терпел беспорядка, на его столе всегда лежали только ручка и чистый лист бумаги. — **Интеллигент**, что сказать, — характеризует своего шефа муж Анны Николай* (В. Зубков — педант и однолюб // Комсомольская правда, 2007.09.14) [НКРЯ] и др.

В современных публикациях интеллигент независимо от его отношения к власти рассматривается как ‘истинный патриот своей страны’: *Эти люди не стали занимать нейтральную позицию, не сделали попыток к вызволению ребят. Они их просто предали, возвеличив варварский поступок украинских си-*

ловиков. Сделали это те, кто относит себя к российской интеллигенции. А ведь настоящий **интеллигент** Родину любит, а вовсе не то, что приказывают любить хозяева. И о солидарности помнит. Особенно в тех случаях, когда она действительно жизненно необходима другим людям (М. Шахназаров. Игры ренегатов // Известия, 2014.05.22) [НКРЯ]; *Право на просветительство* — большая честь для **интеллигента**, но обладать этим правом может только человек, являющийся патриотом своего Отечества (В. Потресов Владимир. Не обзывайте меня «интеллигентом» // Труд-7, 2006.01.24) [НКРЯ]; *Итальянец по отцу, швед по матери, уроженец канадского Монреаля, взявший в жены красавицу грузинку, он — типичный русский интеллигент, мечтающий прежде всего не о собственном благополучии, а о возрождении России* (А. Панкова. Конюх, сын академика // Труд-7, 2001.02.24) [НКРЯ]. Наконец, интеллигент ‘способен на защиту родины ценой собственной жизни’: «*Интеллигентская дивизия*» — так называли 8-ю Краснопресненскую дивизию народного ополчения. Она состояла из студентов и преподавателей МГУ, московской консерватории, актеров, писателей, журналистов <...> Выясняется, впрочем, что **интеллигенты**, как и другие советские части, дрались отчаянно (Н. Нехлебова. Вызволить из плена // Огонек, 18.06.2018) [АА] и др.

Интересно, что в проанализированном материале наиболее частотны такие атрибутивы к слову *интеллигент*, которые выражают значение ‘характеризующийся по принадлежности к нации, стране, культурному ареалу’. При этом возможна сочетаемость лексемы *интеллигент* как с прилагательными *русский / российский / советский*, так и с лексемами, номинирующими представителей других национальностей и государств: *В 1946 году Андрей Жданов сделал то, чего ему не могут простить вот уже несколько поколений российских*

интеллигентов (А. Сидорчик. «А я плебей!». Андрей Жданов не пировал в блокаду, но не выносил Ахматову // Аргументы и факты, 26.02.2016) [АА]; *Замечательный российский философ — логик, социолог и писатель — всю жизнь плыл против течения, но в конце занял позицию типичного советского интеллигента постперестроечного периода* (И. Прусс. Александр Зиновьев как зеркало советской интеллигенции // Знание — сила, 2009) [НКРЯ]; *Уже торопясь вместе с красавицей женой по мирским делам, индийский гроссмейстер-интеллигент не может отказать журналисту* (А. Левит. Крамник–Топалов: мир только на доске ... // Советский спорт, 2007.01.29) [НКРЯ]; *Меня всегда поражала книга Фейхтвангера «Москва, 1937»: скептический еврейско-немецкий интеллигент, ничего не принимавший на веру, все подвергавший сомнению, — вдруг пишет...* (И. Вирабов. Столичные штучки. Как 100 лет назад Москва и Петербург поменялись местами // Аргументы и факты, 12.03.2018) [АА]; *Но он у меня не один — я еще и «Почетный интеллигент Монголии»! На полном серьезе! Как-то мы целый месяц гастролировали по стране Чингисхана, и монгольское политбюро повесило мне этот орден* (М. Садчиков. Валерий Леонтьев... // Труд-7, 2005.02.09) [НКРЯ] и др. Очевидно, что русский человек признает существование интеллигенции в других национальных сообществах, однако этот материал не опровергает мнение о том, что «интеллигент как типаж является этноспецифичным концептом — этот концепт свойствен только русской культуре» [Карасик, 2005, с. 25], поскольку за словом *интеллигент* в русском языке стоит уникальный комплекс смыслов.

Кроме того, контекстно реализуется традиционная оппозиция «столица — провинция», то есть преимущество имеют сочетания *столичный / московский / петербургский + интеллигент*: *Шостакович — типичный русский, петербургский интелли-*

гент (С. Бирюков. Душа композитора... // Труд-7, 2006.09.22); *Но вдруг в большом городе происходит чудо — неудавшегося гастарбайтера приглашает к себе домой столичный интеллигент Донцов (Сергей Дрейден)* (Б. Ариуна. Борьба за мировое добро // РБК Daily, 2009.09.17); *Два года назад этот же путь преодолел московский интеллигент с буйной шевелюрой 35-летний Илья Фарбер* (А. Косоруков. Сельский бунт в Тверской области, или как москвича из рая Селигерского изгоняли // Комсомольская правда, 2012.04.03) [НКРЯ]. И наоборот, существительное *интеллигент* редко сочетается с обозначениями принадлежности к провинциальному городу: *Владикавказский интеллигент Константин Сергеевич живет двойной жизнью* (С. Тыркин. По прозвищу Пик // Комсомольская правда, 2007.11.06) [НКРЯ] и др. При этом прилагательное *типичный* выполняет роль семантического усилителя исключительно при обозначениях столичного интеллигента: *Я десять лет наблюдаю за выборами, знаю, что говорю, — возмущался в московском штабе «Яблоко» типичный московский интеллигент, то есть нечто среднее между рокером и профессором русской словесности* (В. Ворсобин. Как я стал смотрящим за выборами // Комсомольская правда, 2013.09.06) [НКРЯ] и др. Кроме того, обособленно стоит образ арбатского интеллигента: *А ведь на самом деле он арбатский интеллигент, со всеми полагающимися этому человеческому типу чертами, и прежде всего с тягой к глубокому философскому познанию людей и уважением к другому мнению* (А. Шерель. Арбатский интеллигент... // Труд-7, 2000.07.04) [НКРЯ]. По точному замечанию Н. Кякшто, образ Арбата, который вошел в русскую и мировую поэзию, обретает черты архетипа и перемещается из поэтического мира «в индивидуальное и коллективное подсознательное целого поколения русских интеллигентов второй половины XX века» [Кякшто, 2007, с. 132].

В соответствии со значением слова *интеллигент*, в структуре которого присутствует сема ‘профессионально занимающийся интеллектуальным трудом’, в исследуемом материале традиционно представлена трактовка образа интеллигента с точки зрения профессиональной принадлежности, то есть контекстное окружение слова очень часто содержит названия профессий или рода занятий: *Ученый, интеллигент, ученик самого Ландау, он в ранней молодости заболел телевидением и посвятил ему почти пятьдесят лет своей жизни* (И. Петровская. Смотрите телевизор // Известия, 2007.11.09); *Мы провели опрос и знаем, что он достаточно зрелый (большой части покупателей 50 и более), с высшим образованием, по вере преимущественно — православный, по социальному положению и роду деятельности — российский интеллигент: научный работник, преподаватель института, школы, работник здравоохранения, культуры, искусства* (М. Ненашев Свет и тени “Русской книги” // Труд-7, 2000.08.09); *Типичный интеллигент. Он был газетчиком по призванию. Печатался только в «Известиях»* (С. Нехамкин. «Храбрый из нас» // Известия, 2007.12.24); *А вот совсем молодой парень-латыш Арманс. По рукам видно, что в третьем поколении интеллигент. Эти руки явно скорее играли на рояле, чем дергали сорняки* (Г. Сапожникова. Как прибалты стали «англоаджиками»? // Комсомольская правда, 2013.11.15) [НКРЯ] и др.

Согласно стереотипному мнению о неприспособленности интеллигента к жизни, в частности, к современной жизни в условиях рынка, обнаруживаются следующие смыслы:

— ‘малообеспеченный человек’: *Интеллигент предпочитал оставаться бедным, но гордым и чистым* (С. Лесков. Интеллигенция без шляпы // Известия, 2005.07.21); *Ну кого, скажите, может сегодня учить «жить достойно» совестли-*

вый **интеллигент**, который себе не может обеспечить нормальный уровень жизни? (О. Соломонова. Не оппозиция нужна, а позиция // Труд-7, 2001.03.24); *Выкроить от 40 до 150 рублей за шесть вечеров «в обществе» музыкантов лучшего столичного оркестра небогатый российский интеллигент и нынче, как правило, может* (О. Малевич. Москва — Вена, далее — везде // Труд-7, 2001.08.16) [НКРЯ] и др.;

— ‘неуверенный в завтрашнем дне’: *А вот интеллигент с гуманитарным образованием. Работает в чужой фирме, хотя и на неплохой позиции, по вечерам читает Кафку или пишет стихи. Няньчится с маленьким ребенком и грустно вздыхает о том, что он не знает, что будет делать завтра, сможет ли когда-нибудь заработать на квартиру побольше и поближе к центру («если такие деньги вообще можно заработать»).* Горячо спорит о политике и грустнеет, когда видит на улице бездомных собак, они прижимают уши на протянутую человеческую руку, а мимо равнодушно проезжают дорогие автомобили (Движение двух миров // РИА Новости, 2007.11.13) [НКРЯ] и др.;

— ‘неуспешный в делах’: *В жизни страны сложилась уродливая альтернатива: либо деловой, но бескультурный человек успеха, «новый русский», либо высококультурный, но неудачливый в делах интеллигент* (И. Радова. Новые интеллигенты из Петербурга // Труд-7, 2000.07.06) [НКРЯ] и др.

При этом интересно, что вопреки довольно устойчивому представлению об интеллигенте как о человеке, чей труд недостаточно оплачивается, в ряде газетных материалов XXI века интеллигент описывается как ‘успешный, трудолюбивый человек, профессионал, способный обеспечить себя и близких’: *Во-первых, как я писал в статье «Интеллигенция и власть», интеллигент всегда трудится. Склонность к рефлексии не мешает ему обеспечивать семью и быть профессионалом*

в своем деле (А. Кузнецов. Интеллигенция и ее отсутствие // Известия, 2006.07.31) [НКРЯ]; **Интеллигент** — гарант спокойствия. Люди с деньгами уже стараются переехать в более престижные районы. А если за ними потянется интеллигенция — дело плохо. Социологические исследования показывают, что тревожность и раздражительность в настроении общества гораздо выше в тех районах, где живет мало работников умственного труда, — меньше 30%. То есть народ «напрягается» не оттого, что «нацменов» становится больше (к примеру, на юго-западе национальное многообразие не особенно цепляет москвичей), а оттого, что их район покидают успешные образованные люди и общий уровень жизни падает (Ю. Жуковская. Русская Москва останется только на западе? // Комсомольская правда, 2005.06.27) [НКРЯ] и др.

В заключение анализа образа интеллигента по материалам современной публицистики нельзя не сказать о характеристике внешнего вида, хотя нужно отметить, что в отличие от текстов, написанных в другие периоды, где обобщенно интеллигент представлен, например, как «мужчина средних лет в очках, его одежда — официальный костюм с галстуком» [Карасик, 2005, с. 41], в современной публицистике внешности интеллигента уделяется меньше внимания, поэтому затруднительно описать типичный внешний облик интеллигента XXI века (см. ‘человек с видом интеллигента’: Никто не ожидал, что с языка одетого с иголки, идеально причесанного, холеного здоровяка с видом **интеллигента** слетит хотя бы одно матерное слово (С. Чаушьян. Трэш-ток по-украински: как Владимир Кличко геев и педофилов защищал // Аргументы и факты, 28.04.2016) [АА]; Первоначально в соцсетях история подавалась так: гопники избили **хипстера-интеллигента**, потому что им не понравилось, как он выглядит — на нем были очки нестандартной формы и шляпа (Д. Дридзе. «Агрессивность в обществе возрастает» //

Коммерсантъ. Радио «Ъ FM», 30.08.2017) [AA]; *Я вижу много недоверчивых глаз, но поверьте — я не сумасшедший! — потрясая кулаками, вещает со сцены благообразный интеллигент, профессор Лев Моисеевич Серебрянц* (Н. Корнацкий. «Тайный город» догоняет «Игру престолов» // Известия, 2014.04.18) [AA]; *В советское время человек в шляпе и очках «прочитывался» как интеллигент* (А. Байбурин. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас, 2004.01.15) и др.

Таким образом, в газетных и журнальных публикациях XXI века интеллигент оценивается как довольно противоречивая фигура: с одной стороны, сохраняются традиционные характеристики, которыми наделяется интеллигент как участник общественно-политических отношений: недоверие к власти, неучастие в политике, отнесенность к социальной группе по признаку профессиональной занятости в сферах, связанных с интеллектуальным трудом, при этом малообеспеченность в силу нежелания и неумения встраиваться в институциональные отношения и др., с другой стороны, появляются новые характеристики, создающие образ другого интеллигента: успешно участвующего во власти, профессионала, способного обеспечить себя и близких, образ жизни которого как работника умственного труда является барометром уровня жизни в городской среде.

* * *

Как справедливо замечает журналист Андрей Архангельский в рецензии на фильм Ю. Грымова «Три сестры», «режиссер позиционирует этот фильм как вызов современному кино, он якобы создает нечто “сознательно не для всех”. По традиции это у нас означает “кино про интеллигенцию”. Тут обычно две крайности: либо интеллигент сведен к функции (шляпа и пенсне), либо тарковщина, то есть разложение на молекулы» [Архан-

гельский, 2017]. Действительно, при лингвистическом анализе интеллигента как социокультурного типажа (собственно, как и с других позиций) появляется желание создать цельный образ. Но «чем дальше в лес, тем больше дров», — в случае с выявлением дополнительных смыслов, которыми наделяется образ интеллигента, эта поговорка как нельзя более точна: противоречивы характеристики интеллигента, оценки его роли в жизни государства и общества, значимость его личных качеств для взаимодействия с окружающими, репрезентации образа интеллигента в художественной литературе, в виртуальном пространстве. Поэтому в данной работе мы остановились на анализе лексикографической представленности образа интеллигента в литературных, жаргонных и диалектных словарях разных исторических периодов, а также на исследовании репрезентации понятия «интеллигент» в публицистическом дискурсе XXI века. В результате мы пришли к следующим выводам:

1. В представлении слова *интеллигент* в литературных толковых словарях нет единообразия: чаще всего оно фиксируется как моносемичное слово, в дефиниции которого подчеркивается либо принадлежность к интеллигенции как социальной группе, либо одновременно с принадлежностью к группе также совокупность некоторых социально и личностно значимых качеств (образованности, нравственности, воспитанности и др.). Обобщая значения, зафиксированные в разных словарях, мы пришли к выводу, что это слово имеет три значения, соответствующие трем различным образам интеллигента: во-первых, без оценочному образу интеллигента как представителя класса интеллигенции, то есть человека, профессионально занимающегося интеллектуальным трудом; во-вторых, оцениваемому положительно образу интеллигента как человека, наделенного преимущественно положительными морально-нравственными качествами:

воспитанностью, высоким уровнем культуры, твердостью убеждений и др., вне зависимости от принадлежности к социальной группе; в-третьих, оцениваемому негативно образу интеллигента как человека, принадлежащего к социальной группе интеллигенции, поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями, приспособленчеством.

2. В диалектных и жаргонных словарях характеристика интеллигента представлена в аспекте семантики исключительности: это человек, который чужд для закрытого социума преступников в силу незнания и неприятия законов их мира; чужд и для традиционного крестьянского социума в силу того, что не занимается физическим трудом; при этом человек, который назван *интеллигентом* в речи людей, принадлежащих указанным социальным группам, в общепризнанном понимании (зафиксированном в той или иной степени в словарях) может не являться интеллигентом.

3. Детализация значений слова *интеллигент* на материале газетных и журнальных публикациях XXI века позволила уточнить транслируемые СМИ представления об интеллигенте: с одной стороны, он наделяется традиционными характеристиками, зафиксированными в ряде исследований, которые упоминались в данной работе: принадлежность к социальной группе по признаку профессиональной занятости в сферах, связанных с интеллектуальным трудом, образованность, высокий уровень культуры, твердость убеждений, оппозиционное отношение к власти, материальная незащищенность в силу нежелания или неумения приспособливаться к изменяющимся социальным и политическим обстоятельствам и др. В то же время на страницах современных газет появляется и образ другого интеллигента: участвующего во властных отношениях, профессионала, благополучного, внешне привлекательного, способного обеспечить себя и близких, образ жизни которого способствует созданию благотворной социальной среды.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.
2. *Автофорум*: сообщение пользователя №: 92131 (Лух) [Электронный ресурс] // Бел.ру : городской форум г. Белгорода. — 2013. — 27 августа. — Режим доступа: <http://forum.bel.ru/index.php?showtopic=16353&st=2860>.
3. АиФ — *Еженедельник* «Аргументы и Факты» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.aif.ru/search?text=бриоголовый>.
4. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : около 11000 синонимических рядов / З. Е. Александрова; 11-е изд., пер. и доп. — Москва: Русский язык: Дрофа, 2001. — 586 с.
5. АОС — *Архангельский областной словарь* / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва : Изд-во Московского университета ; Наука, 1980—2010. — Вып. 1—13.
6. *Архангельский А.* Блуждание в трех сестрах. Зачем Юрий Грымов состарил и осовременил чеховских героинь в своем новом фильме / А. Архангельский // Коммерсантъ. Огонек, 30.10.2017.
7. АС — *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). — Пермь, 1984—2011. — Вып. 1—6.
8. *Байбурин А.* Полузабытые слова : словарь русской культуры XVIII—XIX вв. / А. Байбурин, Л. Беловинский, Ф. Конт. — Санкт-Петербург ; Москва : Европ. Дом ; Знак, 2004. — 679 с.
9. *Беликов С. В.* Бриоголовые : всё о скинхедах : эксклюзивные материалы [Электронный ресурс] / С. В. Беликов. — Москва, 2002. — Режим доступа : <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1038453540>.
10. *Бирюков В. П.* Словарь народного языка на Урале : (Из материалов). — Шадринск : Шадринский Дом печати, 2003. — 24 с.
11. *Богуславский В. М.* Словарь оценок внешности человека / В. М. Богуславский. — Москва : Космополис, 1994. — 336 с.
12. БСРП — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.
13. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / глав. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1998. — 1535 с.
14. БУСРЯ — *Морковкин В. В.* Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая ; под ред. В. В. Морковкина. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.
15. *Воронежская* мольва : материалы для тематических словарей Воронежского края / под ред. В. Ф. Филатовой. — Борисоглебск, 2008. — 86 с. — ISBN 978-5-85897-421-5.
16. *Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского аргю : 27 000 слов и выражений / М. А. Грачев. — Москва : Рипол Классик, 2003. — 1120 с.

17. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке : словарные материалы / О. В. Григоренко. — Воронеж : Научная книга, 2009. — 517 с.
18. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : Русский язык, 1981—1982. — Т. I—IV. — (Репринт с изд. : Москва, 1880—1882).
19. Демидова-Петрова Е. В. Криминологическое значение информационных факторов в поведении несовершеннолетних / Е. В. Демидова-Петрова // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 1 (19). — С. 72—74.
20. Деул. сл. — *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. — Москва : Наука, 1969. — 612 с.
21. ДО — *Дополнение* к опыту областного великорусского словаря. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1858. — 328 с.
22. Добровольский, 1914 — *Смоленский* областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. — Смоленск : Тип. П. А. Силина, 1914. — 1022 с.
23. Дьяченко, 1900 — *Полный* церковно-славянский словарь со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений / сост. протоиерей Г. Дьяченко. — Москва : Типография Вильде, 1900. XXXVIII, [2]. — 1120 с.
24. Елистратов В. С. Язык старой Москвы : лингвоэнциклопедический словарь : около 7000 слов и выражений / В. С. Елистратов. — 2-е изд., испр. — Москва : АСТ : Астрель : Русские словари : Транзиткнига, 2004. — 795 с.
25. ЕСУМ — *Етимологічний* словник української мови : в 6 т. / ред. О. С. Мельничук. — Київ : Наукова думка, 1982—2012.
26. Зубова Ж. А. Словарь устойчивых сочетаний орловских говоров / Ж. А. Зубова. — Орел : ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 2016. — Часть I. — 281 с.
27. Как правильно себя вести, если вас задержал сотрудник полиции [Электронный ресурс]. — 2015. — 20 ноября. — Режим доступа : <https://lastday.club/povedenie-s-policiej/>.
28. КАОС — *Картотека* Архангельского областного словаря.
29. КДЭИС — *Картотека* диалектного этноидеографического словаря (хранится в Свердловском областном доме фольклора, Екатеринбург).
30. Колбина В. Словарь моей семьи [Электронный ресурс] / В. Колбина. — 2014. — Режим доступа : <https://www.proza.ru/2014/11/06/560>.
31. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kp.ru>.
32. КСГРС — *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина).

33. КЭСРЯ — *Шанский Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. — Москва : Учпедгиз, 1961. — 404 с.
34. ЛК ТЭ — *Лексическая* картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).
35. *Лопатин В. В.* Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Русский язык, 1997. — 832 с.
36. *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — Москва : Владос, 1996. — 415 с.
37. *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное изд-во, 2002—2003.
38. Михельсон, 1912а — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь : свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний (посмертное издание) / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1912а. — 1161 с. (Репринтное издание).
39. Михельсон, 1912б — *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь : свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : посмертное издание / М. И. Михельсон ; второе пересмотр. и значительно пополненное изд. — Санкт-Петербург : Типография акц. общ. «Брокгауз — Ефрон», 1912б. — 1046 с.
40. *Михельсон М. И.* Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон ; Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1896. — 598 с.
41. *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 720 с.
42. *Никитина Т. Г.* Толковый словарь молодежного сленга : слова, непонятные взрослым : около 2000 слов / Т. Г. Никитина. — Москва : Астрель : АСТ, 2003. — 736 с.
43. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorgo.ru.
44. НОС — *Новгородский* областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — XXVII, 1435 с.

45. НОСС — *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка : 2-е издание, исправленное и дополненное. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 488 с.

46. НСиЗ — *Новые* слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 томах / сост. Т. Н. Буцева [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.

47. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. — 944 с.

48. Опыт — *Опыт* областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1852. — 275 с.

49. *Очерки* традиционной культуры Ульяновского Присурья : этнодиалектный словарь : в 2 томах / колл. авт. И. С. Кызласова (Слепцова) и др. — Москва : Индрик, 2012. — Том 2. — 656 с.

50. *Полищук В. И.* История российского образования : традиции воспитания «нового человека» / В. И. Полищук // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2014. — № 3. — С. 64—68.

51. ПОС — *Псковский* областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.

52. *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. — Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. — 431 с.

53. *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев. — Минск : Наука и техника, 1973. — 296 с.

54. *Родионов А. В.* Лидер в молодежной среде / А. В. Родионов // Общество и право. — 2008. — № 1 (19). — С. 174—178.

55. *Российская* газета. — Режим доступа : <https://rg.ru/search/?keywords=бритоголовые>.

56. РСС — *Русский* семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1998. — Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие : Имена существительные (Все живое. Земля. Космос.) : 39 000 слов и фразеологических выражений. 1998. — XXV, 807 с.

57. *Русская* сатирическая сказка : в записях середины XIX—XX века. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1955. — 286 с.

58. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. — Т. 1.—

59. СВГ — *Словарь* вологодских говоров : в 12 томах / ред. Т. Г. Паникаровская. — Вологда : Русь, 1983—2007. — Вып. 1—12.

60. СГРС — *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2005. — Т. III. — 388 с.
61. СДГВО — *Словарь* донских говоров Волгоградской области / авторы-составители Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой ; изд-е второе. — Волгоград : Издатель, 2011. — 704 с.
62. Скворцов, 2009 — *Большой* толковый словарь правильной русской речи : 8000 слов и выражений / Л. И. Скворцов. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2009. — 1104 с.
63. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1—4.
64. СлРЯ XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. — Москва : Наука, 1977. — Вып. 4. — 404 с.
65. СлРЯ XVIII — *Словарь* русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, 1984—1991. — Вып. 1—6 ; Санкт-Петербург : Наука, 1992—2011. — Вып. 7—.
66. СМА — *Елистратов В. С.* Словарь московского арго : Материалы 1980—1994 гг. — Москва : Русские словари, 1994. — 700 с.
67. СНГЗБ — *Рассторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины : Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Рассторгуев ; ред. Е. М. Романович. — Минск : Наука и техника, 1973. — 296 с.
68. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев. — Москва : Индрик, 1999. — 624 с.
69. СОВРЯ — *Словарь* образных выражений русского языка / под ред. В. Н. Телия. — Москва : Отечество, 1995. — 368 с.
70. СПГ — *Словарь* пермских говоров : в 2 выпусках / ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
71. СПП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 176 с.
72. СРГБ — *Словарь* русских говоров Башкирии : А—Я / ред. З. П. Здобнова. — Уфа : Гилем, 2008. — 406 с.
73. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994—2005. — Вып. 1—6.
74. СРГМ — *Словарь* русских говоров на территории Республики Мордовия : в 2 т. — Санкт-Петербург : Наука, 2013.
75. СРГНП — *Словарь* русских говоров Низовой Печоры : в 2 томах / под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003—2005. — Т. 1—2.
76. СРГС — *Словарь* русских говоров Сибири : в 5 томах / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999—2006. — Т. 1—5.

77. СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 7 томах / ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Среднеуральское книжное изд-во ; Изд-во Урал. ун-та, 1964—1987. — Т. 1—7.

78. СРДГ — *Словарь русских донских говоров* : в 3 томах. — Ростов-на-Дону, 1975—1976

79. СРГЦРКК — *Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края* : в 5 томах / ред. О. В. Фельде (Борхвальдт), С. П. Васильева. — Красноярск : КГПУ, 2003—2011.

80. СРГЮП — *Словарь русских говоров Южного Прикамья* : в 3 вып. / И. А. Подкоков, С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. — Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2010—2012.

81. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 томах / И. И. Срезневский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893—1912. — Т. I : А—К. — 1893. — 771 с. — Т. II. — 1902 : Л—П. — 771 с. — Т. III : П—Я и дополнения. — 1912. — 996 с.

82. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2017. — Т. 1—50.

83. ССГ — *Словарь смоленских говоров* : в 11 вып. / ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974—2005. — Вып. 1—11.

84. ССИС, 2001 — Современный словарь иностранных слов : около 20000 слов. — Москва : Русский язык, 2001. — 742 с.

85. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 томах. — Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН ССР, 1948—1965. — Т. 1—17.

86. *Старчевский А. В.* Словарь древнего славянского языка составленный по остромирову евангелию Ф. Миклошечу, А. Х. Востокову, Я. И. Бердникову и Г. С. Кочетову / А. В. Старчевский. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1899. — 946 с.

87. СЦсРЯ — *Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук : в 4 томах. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1847. — Т. 1. — 439 с.

88. ТСИС, 2000. — *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин ; 2-е изд., доп. — Москва : Русский язык, 2000. — 856 с.

89. ТСРГ, 1999 — *Толковый словарь русских глаголов* : идеографическое описание ; английские эквиваленты ; синонимы ; антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Москва : Аст-пресс, 1999. — 704 с.

90. ТСРЯ XXI — *Толковый словарь русского языка начала XXI века* / под ред. Г. Н. Складневской. — Москва : Эксмо, 2008. — 1136 с.

91. *Управитель*, или Практическое наставление во всех частях сельского хозяйства : новейшее экономическое сочинение, изданное на немецком языке Обществом опытных экономов : в шести частях ; переведено, с приложением полезных замечаний, дополнений и рисунков, Васильем Левшиным, коллежским советником, членом обществ : экономических Императорского Вольного в С. Петербурге, и Лейпцигскаго императорскаго испытателей природы, основаннаго при Московском университете, Филантропическаго, и Академий наук, Итальянскаго, имеющей пребывание свое в Неаполе, и ордена св. Анны 2-го класса кавалером. — Москва : В Университетской типографии, 1809—1810. — Часть IV. — 1810. — XII, 382 с.

92. Ушаков — *Толковый словарь русского языка* / сост. Г. О. Винокур ; под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 томах. — Москва : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» ; ОГИЗ, 1935. — Т. 1 : А—Кюрины. — 1562 стб.

93. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — Т. I—IV.

94. Федоров, 1995 — *Фразеологический словарь русского литературного языка*: в 2 томах / сост. А. И. Федоров. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — Т. 1 : А—М. — 391 с. — Т. 2 : Н—Я. — 396 с.

95. *Флоринова* экономия в девяти книгах состоящая / с немецкого на российский язык сокращенно переведена Сергеем Волчковым. — Санкт-Петербург : Императорская Академия Наук, 1760. — [10], 362, 4, [4] с.

96. ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 232 с.

97. ФСРГНП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры* : в 2 томах / сост. Н. А. Ставшина. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. 1—2.

98. ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 232 с.

99. ФЭБ — *Фундаментальная электронная библиотека* : литература и фольклор [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm>.

100. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 762 с.

101. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — Москва : Русский язык, 1999. — Т. 1—2.

102. Шведова, 2011 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с.

103. ЭИС — *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала : опыт этно-идеографического словаря русских говоров Свердловской области : Выпуск 1 : Народный календарь / О. В. Востриков. — Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2000. — 254 с.

104. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд* / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва : Наука, 1974—. — Вып. 1—.

105. Язык Совдепии, 1998 — *Мокиенко В. М.* Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

106. ЯОС — *Ярославский областной словарь* : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991. — Вып. 1—10.

Литература

1. *Андреева А. Д.* Особенности семейной среды ребенка в постиндустриальном обществе / А. Д. Андреева // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 291—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-291-307.
2. *Андреева С. Л.* Пропозиционально-фреймовый анализ лексического значения слов с корнем -благ-, являющихся вершинами словообразовательных гнезд / С. Л. Андреева // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2017. — Т. 1. — № 55. — С. 357—368.
3. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии : Т. I : Парадигматика / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 568 с.
4. *Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь русского языка : ход работы и результаты / Ю. Д. Апресян // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2002. — № 3. — С. 87.
5. *Апресян Ю. Д.* О проекте Активного словаря русского языка / Ю. Д. Апресян // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2009. — № 3 (56). — С. 118—130.
6. *Апресян Ю. Д.* Теоретические основы активной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Русский язык в странах СНГ и Балтии. — Москва : Наука, 2007. — С. 375—385.
7. *Апресян Ю. Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря [Электронный ресурс] / Ю. Д. Апресян // Язык : система и функционирование. — Москва : [б. и.], 1988. — С. 10—22. — Режим доступа : <http://philology.ru/linguistics2/apresyan-88.htm>.
8. *Арутюнова Н. Д.* О новом, первом и последнем / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : язык и время. — Москва : Индрик, 1997. — С. 193—198.
9. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 184 с.
10. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — Санкт-Петербург : Наука, 1993. — 240 с.
11. *Бартминьский Е.* Принципы лингвистических исследований стереотипов на примере стереотипа «мать» / Е. Бартминьский // Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике [перевод с польского]. — Москва : Индрик, 2005. — С. 188—214.
12. *Басалаева Е. Г.* Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных / Е. Г. Басалаева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2016. — № 6 (34). — С. 112—125.

13. *Бектемирова С. Б.* Образ собаки в тюркской и славянской культурах / С. Б. Бектемирова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 года) / ред. кол. : Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова и др. — В 15 т. — Т. 6. — Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2015. — С. 55—60.
14. *Белякова С. М.* Прошлое и будущее в диалектной картине мира / С. М. Белякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 79—88.
15. *Белякова С. М.* Собака в диалектном и литературном дискурсе / С. М. Белякова // Язык в пространстве речевых культур : к 80-летию В. Е. Гольдина. — Москва — Саратов : Амрит, 2015. — С. 12—21.
16. *Березович Е. Л.* Языковой образ дурака : этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры : семантика и грамматика : к 80-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого. — Москва : Индрик, 2004. — С. 368—384.
17. *Бизунова Е. В.* Мир фразеологии : попытка пересмотра некоторых традиционных понятий / Е. В. Бизунова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 59—72.
18. *Богуславская В. В.* Моделирование текста : лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов / В. В. Богуславская. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 280 с.
19. *Богуславская О. Ю.* Опытный, искушенный, бывалый, тертый / О. Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 714—718.
20. *Буданова Т. А.* Ушлый в русской языковой картине мира / Т. А. Буданова, Е. И. Зиновьева // Мир русского слова. — 2008. — № 4. — С. 43—49.
21. *Бузин В. С.* Идиоматика и обряд : обычай «Гонять собак» на Тамбовщине / В. С. Бузин // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2015. — № 2 (142). — С. 147—153.
22. *Булгучева С. А.* Прилагательные концептуального поля «знающий», «умелый» / С. А. Булгучева // Lingua-universum. — 2014. — № 6. — С. 11—13.
23. *Булыгина Е. Ю.* Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. — 2017. — № 11. — С. 5—19.
24. *Бунчук Т. Н.* Культурогенные возможности слова «собака» (особенности бытования слова в севернорусском регионе в контексте общеславянской культуры) / Т. Н. Бунчук // Исследования по истории книжной и традиционной

народной культуры Севера : межвузовский сборник научных трудов. — Сыктывкар : Сыктывкарский государственный университет, 1997. — С. 209—217.

25. *Бунчук Т. Н.* Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. — 2014. — № 4 (28) : Филология. — С. 6—29.

26. *Варбот Ж. Ж.* О некоторых потенциальных лехитских заимствованиях в русском языке / Ж. Ж. Варбот // Этимологические исследования / ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Уральский ун-т, 1981. — С. 87—91.

27. *Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология / Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1984. — 256 с.

28. *Васильев В. Л.* Обойти всю Русу и Ладогу / В. Л. Васильев // Русская речь. — № 2. — 2008. — С. 94—101. — ISSN 0131-6117.

29. *Васильева А. В.* Диссентеры, диссиденты, правозащитники, инакомыслящие... : к вопросу о «диалоге» соседствующих понятий в общественных науках / А. В. Васильева // Мир русского слова. — 2014. — № 1. — С. 26—30.

30. *Виноградов В. В.* Отщепенец / В. В. Виноградов // Из истории слов. — Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. — С. 428—430.

31. *Воркачев С. Г.* «Отщепенец» и «безродный космополит» как антонимы лингвоидеологемы «народ» / В. Г. Воркачев // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — 2013а. — № 1 (21). — С. 9—12.

32. *Воркачев С. Г.* Отщепенцы и безродные космополиты : антонимическая периферия лингвоидеологемы «народ» / С. Г. Воркачев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — Владикавказ : Издательство Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2013б. — № 15. — С. 274—279.

33. *Гагарина Н. Н.* Символообразующие функции сложных слов в «Сказках» М. Е. Салтыкова-Щедрина / Н. Н. Гагарина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2008. — № 3. — С. 23—30.

34. *Гагарина Н. Н.* Эстетические функции сложных слов в книге очерков «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина / Н. Н. Гагарина // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2007. — № 5-2. — С. 19—28.

35. *Галинова Н. В.* Дериваты со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’ в говорах Русского Севера / Н. В. Галинова // Русская диалектная этимология : тезисы докладов и сообщений третьего научного совещания (21—23 октября 1999 года). — Екатеринбург : УрГУ, 2000. — С. 10—12.

36. *Гогичев Ч. Г.* Концептуализация жизненного опыта в зеркале идиоматики / Ч. Г. Гогичев // Язык, сознание, коммуникация : сборник научных статей, посвященных памяти профессора Ю. А. Сорокина / под ред. Н. В. Уфимцевой, В. В. Красных, А. И. Изотова. — Москва : МАКС Пресс, 2010. — С. 56—60.

37. *Гогичев Ч. Г.* Способы категоризации в семантике идиом / Ч. Г. Гогичев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2016. — № 4. — С. 34—47.

38. *Гоголина Т. В.* Восприятие категории сомнительности современными носителями языка : экспериментальные данные / Т. В. Гоголина, М. А. Караваева // *Linguistica Juvenis*. — 2016. — № 18. — С. 28—36.

39. *Горячева Т. В.* К семантике и этимологии некоторых славянских метеорологических терминов / Т. В. Горячева // *Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования 1985—1987* / ред. В. В. Иванов. — Москва : Наука, 1989. — С. 271—274.

40. *Грицкевич Ю. Н.* Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе / Ю. Н. Грицкевич, В. Г. Новиков // *Вестник Псковского государственного педагогического университета*. — Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». — Выпуск 15. — 2011. — С. 77—80.

41. *Добродомов И. Г.* Иллюзорные галлицизмы офенского происхождения : шаромыга, шармак [Электронный ресурс] / И. Г. Добродомов // *Русистика. Прошлое и настоящее национального языка : сборник статей, посвященный 70-летию проф. Б. И. Осипова*. — Омск, 2009. — С. 188—204. — Режим доступа : <http://www.philology.ru/linguistics2/dobrodomov-09b.htm>.

42. *Евдокимычева М. А.* Обыденные представления в картине мира русской культуры : изучение на языковом материале / М. А. Евдокимычева // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. — 2007. — № 31. — С. 55—58.

43. *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах : этнолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Ерёмина. — Екатеринбург, 2003. — 22 с.

44. *Еремина М. А.* Лексические способы выражения оценки в рамках семантического поля (на материале семантического поля «Лень / праздность» в русских говорах) / М. А. Еремина // *Ономастика и диалектная лексика : сборник научных трудов*. — Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2003. — Выпуск 4. — С. 77—85.

45. *Загоровская О. В.* Неономинии со значением лица тематической сферы «Социальное устройство общества» в русском языке новейшего периода / О. В. Загоровская, О. В. Григоренко // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. — 2011. — № 9. — С. 248—257.

46. *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира : на материале английских и русских пословиц : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04, 10.02.20 / Е. В. Иванова. — Санкт-Петербург, 2003. — 415 с.

47. *Ишимская Е. В.* Методология исследования интеллигенции : проблемы и перспективы / Е. В. Ишимская // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. — 2010. — 1 (13). — С. 70—75.

48. *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции / Г. И. Кабакова. — Москва : Ладомир, 2001. — 335 с.
49. *Калиткина Г. В.* Когнитивная метафора контейнера и лингвокультурная специфика концептуализации времени / Г. В. Калиткина // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2014. — № 6 (32). — С. 17—36.
50. *Калюжная И. А.* Эмблематические характеристики концептов возраста в немецком и русском языках (на примере концепта «das Kind» / «ребенок») / И. А. Калюжная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8-1 (50). — С. 85—87.
51. *Камчатнов А.* О концепте интеллигенция в контексте русской культуры [Электронный ресурс] / А. О. Камчатнов. — Режим доступа : <http://www.gumer.info/bibliotekBuks/Culture/Article/kamkonc.php>.
52. *Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типажы : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 25—53.
53. *Кемпинский Э. В.* Интеллигенция : эволюция понятия в научно-справочной литературе : словарь-справочник / Э. В. Кемпинский. — Москва : Социально-политическая Мысль, 2007. — 130 с.
54. *Кислов А. Г.* Оправдание детства : от нравов к праву / А. Г. Кислов. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. — 165 с. — ISBN 5-8050-0070-9.
55. *Коваль У. И.* Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы : даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. И. Коваль. — Гомель : Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. — 180 с.
56. *Ковшова М. Л.* О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов / М. Л. Ковшова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 1. — С. 27—31.
57. *Колесов В. В.* Гордый наш язык... / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Авалон ; Азбука-классика. — С. 338—346.
58. *Комиссарова А. А.* «Только камни нам дал чародей...» : символ камня в «Петербурге» И. Ф. Анненского / А. А. Комиссарова // Русская речь. — 2012. — № 1. — С. 7—11.
59. *Корнева Г. В.* «Иностранцы», «иноземцы», «инородцы» как проявление «чужого» в бинарной оппозиции «свой — чужой» / Г. В. Корнева // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. — 2014. — № 2. — С. 26—29.
60. *К тиру* едется, а к слову молвится : народная паремика Пермского края : [сборник фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями] /

Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т ; [авт.-сост. : И. А. Подюков, Е. Н. Свалова]. — Санкт-Петербург : Маматов, 2014. — 173 с.

61. *Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент : попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 90—106.

62. *Крысин Л. П.* Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — Москва: [б. и.], 1988. — С. 124—143.

63. *Крючкова Н. В.* Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта старость в русском языке) / Н. В. Крючкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 5. — С. 75—79.

64. *Кудрук Г. Н.* Отражение образа профессионала в языковом сознании : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Г. Н. Кудрук. — Челябинск, 2008. — 243 с.

65. *Купина Н. А.* Советский конформизм в зеркале языка / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2. — С. 27—32.

66. *Кякшто Н. Н.* «Московский текст» в поэзии Булата Окуджавы / Н. Н. Кякшто // Миры Булата Окуджавы : Материалы Третьей международной научной конференции. 18—20 марта 2005 г. Перedelкино. — Москва, 2007. — С. 128—136.

67. *Лаппо М. А.* Лексикографическая интерпретация прагматического макрокомпонента и его дискурсивные реализации / М. А. Лаппо // Вестник НГПУ. — 2015. — № 5 (27). — С. 66—78.

68. *Лебедева М. Ю.* Интерпретационное поле концепта «детство» (опыт экспериментального исследования) / М. Ю. Лебедева // Русский язык за рубежом. — 2012. — № 5 (234). — С. 50—57.

69. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира : монография / Т. В. Леонтьева ; под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. — 280 с.

70. *Леонтьева Т. В.* Лексика социальной регуляции в русских народных говорах : монография / Т. В. Леонтьева. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. — 219 с.

71. *Леонтьева Т. В.* Мотивационно-семантическое поле как совокупность языковых единиц с общим абстрактным смысловым компонентом-интерпретативом / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 43—58.

72. *Логический анализ языка : ассерция и негация* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2009. — 560 с.

73. *Лотман Ю. М.* «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю. М. Лотман // Ученые

записки Тартусского государственного университета. — 1982. — Вып. 576. — С. 86—98.

74. *Мазалова Н. Е.* Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н. Е. Мазалова. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2001. — 192 с.

75. *Маклакова Е. А.* Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименования лиц русского и английского языков) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. А. Маклакова. — Воронеж, 2013. — 367 с.

76. *Маругина Н. И.* Концепт «Собака» как элемент русской языковой картины мира / Н. И. Маругина // Язык и культура. — 2009. — № 2 (6). — С. 11—30.

77. *Мельчук И. А.* СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке / И. А. Мельчук. — В книге : Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл — Текст» / И. А. Мельчук. — Москва ; Вена : Школа «Языки русской культуры» : Венский славистический альманах, 1995. — С. 55—79.

78. *Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.03 / Ф. Р. Минлос. — Москва, 2004. — 183 с.

79. *Миронова С. В.* Стереотипный образ волка в русском и татарском языковом сознании / С. В. Миронова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 4 (295). — С. 70—78.

80. *Мокиенко В. М.* Русская фразеология в интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) / В. М. Мокиенко // Медиалингвистика. — 2013. — Т. 1. — С. 244—252.

81. *Надель-Червиньска М.* Язык Совдепии и мотивация семантического переноса в маргинальных средах : имена собственные в польском и русском уголовных жаргонах / М. Надель-Червиньска // Политическая лингвистика. — 2009. — № 30. — С. 148—163.

82. *Падучева Е. В.* Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 304 с.

83. *Пелипенко М. В.* Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. В. Пелипенко. — Тамбов, 2009. — 27 с.

84. *Переверзева А. А.* Семиотика маргинальности (на материале повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом») / А. А. Переверзева // Пятый этаж : сборник научных статей молодых ученых. — Барнаул : [б. и.], 2015. — С. 61—64.

85. *Петрова А. С.* Как россияне понимают слова «интеллигенция» / А. С. Петрова. — Режим доступа : www.fom.ru.

86. *Пугачёва Л. С.* Обучение иностранных студентов-филологов русской фразеологии (на материале фразеосемантического поля «Деятельность чело-

века») / Л. С. Пугачева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2011. — № 1. — С. 45—51.

87. *Саженин И. И.* К вопросу о построении базы данных прагматически маркированной лексики / И. И. Саженин // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 5 (27). — С. 112—121.

88. *Скляревская Г. Н.* Слово в меняющемся мире : русский язык начала XXI столетия : состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. — № 6. — Сеул [б. и.], 2001. — С. 177—202.

89. *Смирнова Е. Ю.* Категория ВКУС в ценностно-смысловом пространстве языка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. Ю. Смирнова. — Белгород, 2016. — 24 с.

90. *Смирнова Н. В.* Термины финансового права в России XVIII века / Н. В. Смирнова // Русская речь. — 2012. — № 6. — С. 86—97.

91. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 170 с.

92. *Сюй Шаньшань.* Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) / Сюй Шаньшань // Научный диалог. — 2016. — № 11 (59). — С. 110—120.

93. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 284 с.

94. *Трипольская Т. А.* Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями / Т. А. Трипольская, Е. Ю. Бульгина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2015. — № 2 (24). — С. 28—40.

95. *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках : этимологическое исследование / О. Н. Трубачев. — Москва : Изд-во АН СССР, 1960. — 116 с.

96. *Феоктистова Л. А.* Еще раз о рус. диал. *тюха-матюха (тюха-пантюха)* / Л. А. Феоктистова // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 98—110. — DOI : 10.24224/2227-1295-2017-10-98-110.

97. *Фысина У. Н.* Субстантиваты в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / У. Н. Фысина. — Москва, 2007. — 22 с.

98. *Хашимов Р. И.* Аномализмы русского языка : из истории слов диссидент, изгой / Р. И. Хашимов // Материалы областной научной конференции по проблемам гуманитарных исследований, посвященной году литературы (21—25 мая 2015 г.). — Елец : Издательство ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. — С. 39—45.

99. *Червиньски П.* Речевая стратегия не- и позиция говорящего в языке второй половины XX века / П. Червиньски // Политическая лингвистика. — 2006. — № 19. — С. 270—289.
100. *Червинский П. П.* Негативно оценочные лексемы языка советской действительности : обозначение лиц / П. П. Червинский. — Томск : КИТ, 2011. — 341 с.
101. *Черных П. Я.* Этимологические заметки : 1. *Шаромыга*. 2. *Шинель* / П. Я. Черных // Вестник МГУ. — 1959. — № 4. — С. 149—162.
102. *Чернышева М. И.* Уходящие слова, ускользающие смыслы : историко-лексикологические исследования [Электронный ресурс] / М. И. Чернышева // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 10. — № 1. — С. 23.
103. *Щербакова С. П.* Когнитивный аспект репрезентации языковых стереотипов («Волк» и «Wolf» в русском и английском языковом сознании) / С. П. Щербакова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 3-1. — С. 239—246.
104. *Языковая картина мира и системная лексикография* / В. Ю. Апресян [и др.]. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 912 с.
105. *Ярошенко О. А.* Штрихи к речевому портрету русского интеллигента / О. А. Ярошенко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 3 (11). — С. 68—77.
106. *Ярошенко О. А.* Эволюция лингвокультурного типажа «русский интеллигент» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. А. Ярошенко. — Саратов, 2011. — 23 с.
107. *Gogolitsyna N.* The Russian intelligentsia / N. Gogolitsyna // *Rusistica*. — 2002. — № 25. — Pp. 14—22.

Научное издание

**ГАЛЕРЕЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТОВ
СОЦИАЛЬНЫХ ТИПАЖЕЙ**

Монография

Подписано в печать 10.09.2018. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 19,59. Уч.-изд. л. 12,94.

Тираж 250 экз. Заказ № 14/09-2.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

